

ДЖЕЙМС
ИТАК, ХЭДЛИ
ЧЕЙЗ
моя крестная...

ратый
ним ступе-
здулей на
то, что
поднялся
в была

cinema.ru
extra

ФИНАНСИРОВАНО
ПРОДУКЦИЕЙ
ДЕТЕКТИВ

Джеймс Хедли Чейз Сувенир из «Клуба мушкетеров»

Zmiy (zmiy@inbox.ru), 02.10.2003

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120405

Чейз Дж.Х. Собрание сочинений. Т. 4. Итак, моя прелесть. К чему эти сказки? Сувенир из «Клуба мушкетеров». Детективные романы:

Эридан; Минск; 1991

ISBN 5-85872-040-4 (т.4); 5-85872-011-0

Оригинал: JamesChase, "The Guilty are Afraid"

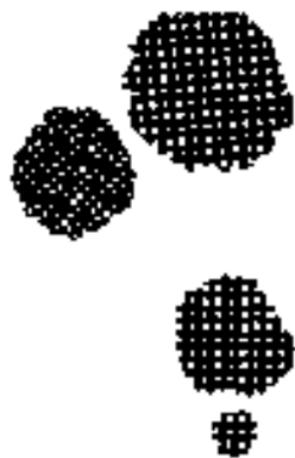
Перевод:

Л. Попель

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	25
Глава третья	45
Глава четвертая	66
Глава пятая	86
Глава шестая	104
Глава седьмая	124
Глава восьмая	144
Глава девятая	162
Глава десятая	182
Глава одиннадцатая	195
Глава двенадцатая	216
Глава тринадцатая	232
Глава четырнадцатая	250

Джеймс Хэдли Чейз
Сувенир из «Клуба
мушкетеров»

Глава первая

1

Когда я сошел на станции Сан-Рафел, мое внимание привлекла блондинка в купальном костюме, соломенной шляпе величиной с тележное колесо и темных противосолнечных очках, линзы которых по размеру не уступали жареному пончику. Ее тело, покрытое золотистым загаром, было выставлено напоказ.

Блондинка не спеша садилась в «кадиллак» и, надменно приподняв брови, смотрела на толпившихся мужчин.

Шагавший рядом носильщик толкнул меня легонько локтем:

– Если ты любишь пялить глаза на девчонок, приятель, лучшего места, чем наш город, тебе не найти. Один пляж чего стоит!

– И много здесь таких, как она? – спросил я, чувствуя себя не совсем в своей тарелке. – В наших краях особа женского пола быстренько бы угодила в тюрьму, попробуй она появиться в таком виде.

– У нас их кишмя кишит, – равнодушно отозвался носильщик. – Это Сан-Рафел, здесь всякое бывает. Но не надейся

понапрасну, приятель: чем больше показывают эти шлюхи, тем меньше от них получишь. Они знают только одно – деньги. Ну как, берем такси?

Я сказал, что берем, и, вытащив носовой платок, обтер лицо.

Была половина двенадцатого, и солнце палило нещадно. Из дверей вокзала вытекал людской поток и дробился возле застывших в ожидании такси, автомашин, запряженных лошадьми экипажей. Желавших отдохнуть в этом курортном городе было так много, что я с опаской подумал, догадался ли Джек заранее заказать для меня номер в гостинице.

Подъехало такси, и носильщик погрузил мои вещи.

– «Адельфи-отель», – сказал я шоферу и, забравшись в машину, принялся снова обтирать платком лицо.

Такси минуты через три свернуло на ведущий к морю широкий бульвар. По обеим сторонам его виднелись нарядные магазины, пальмы и полицейские в тропической форме. Повсюду бросались в глаза шикарные «кадиллаки». По всему чувствовалось, что в городе живут богатые люди.

Я разглядывал в окно пешеходов. Большинство женщин были одеты по-пляжному: в пижамах, купальных костюмах или лифчиках и шортах. Иногда попадались хорошенькие девушки, но в основном это были располневшие дамы среднего возраста.

Проследив за направлением моего взгляда, шофер высунул голову из окна и сплюнул:

– Как на мясном рынке в субботу, а?

– Точно подмечено! – ответил я. – А я никак не мог взять в толк, что это мне напоминает.

– Паршивый город! – продолжал между тем шофер. – Чтобы тут жить, надо ворочать миллионами, не иначе. У нас на квадратную милю больше миллионеров, чем в любом другом городе.

Я начал тревожиться, достаточно ли захватил с собою денег: занять что-либо у Джека было делом, по существу, безнадёжным.

Мы удалились от моря. Обогнув невысокий холм и выехав на сравнительно спокойную улицу, обсаженную апельсиновыми деревьями, такси вскоре остановилось возле гостиницы.

Внешне «Адельфи-отель» выглядел довольно убого. Джек всегда выбирал такие гостиницы – неказистые на вид, но с отличной кухней. У него был нюх на отели, где хорошо кормят.

Заплатив доллар шоферу и отдав багаж подошедшему коридорному, я вошел внутрь и оказался в просторном и, к удивлению, чистом вестибюле, где на полу рядом с плетеными стульями стояло несколько медных кадок с высохшими пальмами.

Клерк за конторкой дежурного администратора – лысеющий толстячок с шелковым галстуком и двойным подбородком – расплылся в улыбке.

– Вы заказывали номер заранее, сэр?

– Лу Брэндон, – отрекомендовался я. – Я просил своего друга мистера Шеппи позаботиться об этом.

– О да, мистер Брэндон. Вы будете жить рядом с ним. – Он нажал на кнопку звонка. – Отведите мистера Брэндона в номер двести сорок пять, – сказал толстячок коридорному и вновь улыбнулся мне. – Мистер Шеппи занимает номер двести сорок семь. Надеюсь, вы останетесь довольны обслуживанием в нашей гостинице. Все, что в наших силах... любая мелочь...

– Благодарю, – прервал я его. – Мистер Шеппи у себя?

– Нет. Он ушел примерно час назад. – Клерк понимающе улыбнулся. – С молодой леди. Я полагаю, они сейчас отдыхают на пляже.

Я ничуть не удивился, услышав, что Джек успел завести знакомство. Женщины были его слабостью, и из-за них он частенько отлынивал от работы.

– Когда вернется, передайте ему, что я приехал. Я буду у себя.

– Не беспокойтесь, мистер Брэндон.

Допотопный лифт с трудом дотащился до третьего этажа. Мой номер по размеру оказался не больше клетки для кроликов, воздух был раскален, как в огнедышащей печи. Не обнаружив в своем новом жилище никаких особенных достоинств, я понадеялся лишь, что плата за него не будет чересчур велика.

Коридорный несколько раз поднял и опустил жалюзи, включил и погасил свет и, убедившись, к своему удивлению, что все исправно, удалился.

Позвонив по телефону, я попросил принести бутылку виски и немного льда. После этого разделся и залез под душ. Пока я стоял под струей холодной воды, самочувствие было превосходным, но стоило вернуться в спальню, как я начал отчаянно потеть.

Отхлебнув глоток виски, я собрался было снова отправиться в ванную, когда раздался стук в дверь.

Обернув вокруг талии полотенце, я открыл замок и увидел перед собой массивного мужчину с красным обветренным лицом и веснушчатым носом, на который, по-видимому, кто-то в прошлом невзначай наступил. Гость бесцеремонно протиснулся в дверь. И внешний вид, и манеры ясно говорили, что ко мне явился блюститель порядка.

– Брэндон? – спросил он голосом, похожим на грохот щелчки, перемалываемой в шаровой мельнице.

– Да. В чем дело?

Он вынул бумажник и показал удостоверение:

– Сержант Кенди, отдел по расследованию убийств. Вы знакомы с Джеком Шеппи?

Я почувствовал, как внезапно у меня похолодела спина. Шеппи не впервые попадал в переделки с фараонами. Полгода назад за нанесение побоев полицейскому инспектору он на десять дней угодил в тюрьму, а несколькими месяцами

раньше был оштрафован примерно за ту же провинность. Нельзя сказать, чтобы Джек водил дружбу с полицией.

– Да, знаком. С ним что-нибудь случилось?

– Можно сказать, что случилось, – равнодушно ответил Кенди. Достав пакетик, он разорвал обертку и запихнул жевательную резинку в рот. – Сумеете его опознать?

– Он попал в автомобильную катастрофу? – спросил я, чувствуя, что беспокойство мое усиливается.

– Он мертв, – сказал Кенди. – Одевайтесь, вас ждет лейтенант.

– Мертв?! – Я непонимающе уставился на его красное лицо. – Что произошло?

Кенди безразлично пожал плечами:

– Об этом вам скажет лейтенант. Ну, пошли, он не любит, когда его заставляют ждать.

Я торопливо надел сорочку и брюки, провел расческой по волосам и достал из чемодана пиджак. Потом, присев на кровать, стал натягивать носки и ботинки. Руки у меня слегка дрожали.

С Джеком мы всегда находили общий язык. Он любил жизнь, умел полной чашей брать ее радости. Казалось невероятным, чтобы он был мертв.

Я чувствовал, что мне необходимо выпить. Я налил в стакан виски и немного отпил.

– Выпьешь со мной? – обратился я к Кенди.

На его лице отразилась жестокая внутренняя борьба, но

желание выпить в конце концов одержало верх над чувством долга.

– Гм... – нерешительно протянул он, облизывая языком толстые губы. – Вообще-то дежурство мое уже кончилось...

Не задавая больше вопросов, я налил ему в стакан столько виски, сколько хватило бы свалить ломовую лошадь. Кенди с небрежным видом опрокинул виски в рот, словно это была вода из-под крана.

– Пошли, – сказал он, шумно отдуваясь. – Лейтенант не любит, когда его заставляют ждать.

Мы прошли через вестибюль, провожаемые удивленными взглядами дежурного клерка и двух старичков в белых фланелевых брюках. Я слышал, как один из них, уставившись в спину Кенди, сказал:

– Черт меня побери, если этот парень не полицейский!

Усевшись за баранку патрульной машины, Кенди погнал ее по малолюдным улицам.

– Где вы его нашли? – спросил я.

– На пляже Бэй-Бич, – ответил Кенди. – В одной из купальных кабин. Его обнаружил сторож.

– Отчего он умер? Подвело сердце или по другой причине?

Впереди неожиданно появился большой «кадиллак» и попытался занять наш ряд движения. Мой спутник коснулся кнопки клаксона, и от звука полицейской сирены нарушитель шарахнулся в сторону.

– Его убили, – сказал Кенди.

Зажав руки между колен, я сидел, бессмысленно глядя вперед, не произнося ни слова. Кенди продолжал крутить ба-ранку, мурлыча какую-то песенку.

Вскоре показался пляж, и мы выехали на широкое шоссе, проходившее параллельно морю. Замелькали красно-белые купальные кабины, и машина затормозила.

На обочине шоссе стояли четыре полицейские автомашины. В тени пальм толпились зеваки в купальных костюмах.

На автостоянке среди других машин я заметил «бьюик» с откидным верхом, принадлежавший Шеппи и мне. За него мы до сих пор выплачивали деньги торговцу подержанными автомобилями.

– Вон тот, невысокого роста, – лейтенант Ренкин, – сказал полицейский, когда мы приблизились к кабинам.

Лейтенант оказался мужчиной лет сорока пяти с суровым лицом и холодными серыми глазами. Он был чуть ли не на голову ниже Кенди. На нем был легкий костюм и щеголева-тая широкополая шляпа, слегка надвинутая на правый глаз. Подтянутый и опрятный, он производил впечатление твердого, волевого человека.

– Лу Брэндон, лейтенант, – сказал Кенди, указывая на меня.

Ренкин обернулся. Пройдясь по мне испытующим напряженным взглядом, он порылся в кармане и вытащил листок бумаги.

– Это вы посылали?

Это была телеграмма, в которой я сообщал Джеку о времени своего прибытия.

– Да, телеграмму послал я.

– Он был вашим другом?

– Компаньоном. У нас общее дело.

Ренкин продолжал задумчиво глядеть на меня.

– Пойдемте, вы должны посмотреть на него, – сказал он наконец. – Потом мы побеседуем.

Стараясь держать себя в руках, я вместе с лейтенантом зашагал по раскаленному песку. Скоро мы уже входили в купальную кабину.

2

Два специалиста по отпечаткам пальцев – здоровенные широкоплечие мужчины – старательно посыпали подоконники порошком. Рядом с низеньким столиком заполнял бланк худощавый пожилой человек, у ног которого стояла черная сумка.

На полу, изогнувшись в странной позе, словно пытаюсь уползти от кого-то, лежал Джек. Он был в одних плавках. На шее чуть пониже затылка зияла багрово-синяя рана; кожа вокруг нее была в сильных кровоподтеках. На лице Джека, сохранившем следы недавнего загара, застыло выражение неопишуемого ужаса.

– Он? – спокойно спросил Ренкин, не отрывая от меня холодных серых глаз.

– Да.

– Хорошо. – Лейтенант взглянул на худощавого человека за столиком: – Заканчиваешь, док?

– Все. Мастерский удар. Чувствуется почерк профессионала. Думаю, что орудием убийства был длинный и тонкий нож, по форме нечто вроде хвоста крысы. Знаете, такими ножами пользуются хозяйки, чтобы извлекать кубики льда из ванночек холодильников. Убийца знал, куда нанести удар. Смерть наступила мгновенно не больше часа назад.

Выслушав доктора, Ренкин сказал:

– Когда закончите, пусть его уберут. Я еду в гостиницу к Брэндону. Сержант, останься здесь и как следует все проверь. Когда Хьюсон прибудет со своими людьми, пусть хорошенько поищут. Возможно, убийца бросил нож где-нибудь неподалеку.

Поманив меня пальцем, он вышел вон. Когда мы подошли к автостоянке, я сказал:

– «Бьюик» принадлежит Шеппи и мне, лейтенант. Это наша общая собственность.

Ренкин остановился и, бросив взгляд на машину, подзвал одного из своих людей:

– Передай сержанту Кенди, что Шеппи прибыл в город на этой машине. Пусть поищет в ней отпечатки пальцев. Может, удастся найти еще что-нибудь. Потом отгоните ее к «Адель-

фи-отелю». – Он посмотрел на меня: – Нет возражений?

– Спасибо, нет.

Мы устроились на заднем сиденье полицейской машины, и Ренкин приказал шоферу ехать помедленней, избегая оживленных улиц. Потом порылся в кармане, достал сигару и, затянувшись, с наслаждением выпустил дым через тонкие ноздри.

– Итак, начнем, – сказал он. – Кто вы такой, что представлял из себя Шеппи и что это за история с его убийством? Не торопитесь. Чем больше фактов, тем лучше. Мне важно иметь целостную картину.

Я тоже закурил и, немного подумав, начал рассказ.

– Шеппи и я совместно владели детективным агентством в Сан-Франциско, – сказал я лейтенанту. – Мы были компаньонами уже пять лет, дела нашей фирмы шли неплохо. Последние три недели я занимался делами одного клиента в Нью-Йорке, а Шеппи оставался в конторе. На днях я получил от него телеграмму, в которой он просил меня срочно приехать в Сан-Рафел, где подвернулась денежная работенка. Я постарался побыстрее закончить дело и вылетел в Лос-Анжелес. Там я сел на поезд и приехал сюда в половине двенадцатого утра. Шеппи заказал мне номер в гостинице, но самого его я не застал. Когда за мной явился сержант Кенди, я только что вышел из ванной.

– Он не упомянул в телеграмме, что это была за работа? – спросил Ренкин.

Я отрицательно покачал головой.

– Водительские права у вас при себе?

Я протянул ему бумажник. Быстро и со знанием дела исследовав содержимое бумажника, он возвратил его мне.

– Значит, вы не имеете ни малейшего представления, кто его мог здесь нанять и что это было за дело?

– Ни малейшего.

– А если бы имели?

– Тогда, вероятно, я рассказал бы вам обо всем.

Он почесал щеку и прищурился.

– Вел он какие-нибудь записи для клиента?

– Сомневаюсь. Он предпочитал не возиться с бумагами.

Обычно отчеты составлял я.

Ренкин задумчиво вертел в зубах сигару.

– Контора у вас в Сан-Франциско, а вы три недели проводите в Нью-Йорке. Здесь что-то не так.

– В Нью-Йорк переселился наш прежний клиент. Он просил меня приехать, чтобы разобраться в одном деле.

– Шеппи тоже уехал из Сан-Франциско. Думаете, и здесь замешан старый клиент?

– Возможно, хотя не могу припомнить ни одного, кто бы сюда переехал.

– А может, Шеппи до чего-то докопался и его решили убрать?

– Не знаю, – честно признался я. – Дежурный клерк говорит, что на пляж он отправился с женщиной. Если ему нра-

вился кто-нибудь в юбке, он мог начисто забыть о работе. Может, и на этот раз виной всему оказалась его знакомая. Об их связи пронюхал муж, и Джек стал еще одной жертвой ревности. Все это, конечно, досужие домыслы, но в прошлом женщины не раз доводили его до беды.

Ренкин поморщился:

– Он и замужних не оставлял без внимания?

– Для него это не имело никакого значения: была бы хорошенькая мордашка. Не подумайте, что я умышленно обливаю его грязью, он был моим лучшим другом. Но, честно говоря, я временами просто выходил из себя, когда он плевал на работу из-за какой-нибудь потаскушки.

– Не так уж часто мужья убивают соперников ножами. Мне думается, здесь поработал профессионал.

– Возможно, что профессионалом был сам муж.

Ренкин с сомнением покачал головой:

– В городе немало всякого сброда, но я не припомню, чтобы кого-нибудь прикончили таким необычным оружием. Правда, всегда что-то случается в первый раз, – добавил он, стряхивая пепел. – Попробуйте навести справки о деле, которым занимался Шеппи. Это будет нашим первым шагом. Возможно, убийство никак не связано с его работой, но нам надо знать наверняка.

– Если в бумагах у него нет записей, не думаю, чтобы я мог чем-нибудь помочь, – сказал я не совсем искренне.

Мне прежде всего необходимо было убедиться, что че-

ловек, нанявший Шеппи, не имеет отношения к его смерти. Потом уже предстояло решить, сообщать ли Ренкину его имя. Хотя вероятность, что удастся установить личность клиента, была очень невелика, я все же надеялся получить некоторые сведения от нашей секретарши Эллы, оставшейся в Сан-Франциско.

Ренкин приказал шоферу ехать побыстрее, и через пять минут мы были у «Адельфи-отеля».

Дежурный клерк с трясущимся двойным подбородком по-прежнему дремал за конторкой; при виде нас он вытаращил от удивления глаза. Пожилые джентльмены в белых фланелевых брюках, сидевшие теперь со своими женами, напоминали персонажей романа викторианской эпохи. Чувствовалось, что они сгорали от любопытства.

– Пойдемте туда, где эти старые вороны не смогут подслушать нас, – обратился Ренкин к дежурному клерку, умышленно повышая голос.

– Конечно, конечно, лейтенант, – засуетился тот, предлагая нам пройти в служебную комнату. – Что-нибудь случилось?

– С вами все в порядке, – успокоил его Ренкин. – Как вас зовут?

Вопрос взволновал клерка еще сильнее.

– Эдвин Бруер.

– Когда Шеппи ушел из гостиницы?

– Примерно в половине одиннадцатого.

– Он был с женщиной?

– Да. Она просила вызвать его. Пока мы разговаривали, мистер Шеппи спустился на лифте, и они ушли.

– Ваше впечатление об их встрече? Думаете, они были близки?

– Мистер Шеппи вел себя с ней довольно фамильярно.

– А именно?

– Он подошел к ней сзади и сказал: «Хэлло, крошка!» При этом он слегка ущипнул ее.

– А она?

– Она засмеялась, но я заметил, что ей это неприятно. Она не из тех женщин, которым нравятся вольности. В ней было чувство собственного достоинства. Это трудно передать словами, но мне бы и в голову не пришло ущипнуть ее.

– Это ничего не значит, – вмешался я. – Джек не признавал табу. Он ущипнул бы и жену епископа, будь у него игривое настроение.

Ренкин нахмурился:

– Можете вы описать эту женщину?

– Она очень привлекательна. – Бруер нервно потер руки. – Брюнетка, с хорошей фигурой, в темно-синих спортивных брюках и белой блузке. Лица я как следует не разглядел: на ней была большая шляпка и очень большие темные очки.

– Возраст?

– Двадцать с лишним, вероятнее всего, двадцать пять.

– Узнаете вы ее, если встретите снова?

– Безусловно.

– Предположим, она будет без шляпки и темных очков и, скажем, в белом платье. В таком наряде вы узнали бы ее?

Бруер задумался. На лице его появилось растерянное, немного глуповатое выражение.

– Может быть... – неуверенно протянул он.

– Значит, вы запомнили не внешность женщины, а ее одежду?

– Гм... Пожалуй, вы правы.

– Итак, в этом вопросе на вашу помощь рассчитывать не приходится, – сказал Ренкин. – Ну ладно, что было потом?

– Мистер сказал, что ему нужно поскорее вернуться. Я видел, как они уехали на его машине.

– Свою машину она, выходит, оставила здесь?

– Я не заметил никакой другой машины. Она, я думаю, пришла пешком.

– Дайте мне ключ от его номера.

– Может, позвать Гривса? Он сыщик в штате нашей гостиницы.

Ренкин отрицательно покачал головой.

– Не надо. Нечего впутывать в дело еще одного человека.

Бруер направился к полке, где хранились ключи. Мы пошли следом, сопровождаемые взглядами тех же пожилых джентльменов и их жен.

Не найдя на полке ключа, Бруер сказал:

– Он, должно быть, забрал его с собой. Я дам вам запас-

ной. Скажите, что-нибудь случилось с мистером Шеппи?

Джентльмены во фланелевых брюках, затаив дыхание, подались вперед: наконец-то будет вознаграждено их терпеливое ожидание.

– Он разрешился от бремени младенцем, – ответил Ренкин. – Не знаю, случилось ли такое раньше. Впрочем, я не совсем верю этой истории, поэтому, когда будете рассказывать знакомым, не ссылайтесь, пожалуйста, на меня.

Мы вошли в лифт, и Ренкин нажал на кнопку третьего этажа.

– Сторож на пляже ничего не рассказывал об этой женщине? – спросил я, когда мы поднимались вверх.

– То же, что и клерк. В кабине две комнаты для переодевания, одной пользовалась она, ваш приятель был в другой. Мы нашли ее брюки, блузку, шляпу и темные очки. Его одежда валялась в другой комнате.

– Она оставила одежду в купальной кабине? – быстро переспросил я.

– Меня это тоже удивляет. Она, вероятно, хотела поскорее скрыться и, чтобы не терять времени на переодевание, ушла в купальном костюме. В этом паршивом городе все ходят в трусах и лифчиках. Или же она купалась и кто-то прикончил ее уже после того, как разделался с Шеппи. Мои ребята сейчас обыскивают пляж. Я думаю, она просто поспешила удрать.

– И никто не заметил, как она выходила из кабины?

– Нет, но мы продолжаем опрашивать пляжников.

Лифт остановился, и мы направились по коридору к номеру 247.

– Она неплохо замаскировалась, – продолжал Ренкин, вставляя ключ в замочную скважину. – И вообще в Сан-Рафеле смотрят не на лицо, а на фигуру.

Он распахнул дверь, и мы вошли внутрь. Номер Джека был немногим больше моего, такой же жаркий и душный.

Внезапно мой спутник чертыхнулся: «Черт побери!» Я посмотрел по сторонам и вздрогнул от изумления: номер выглядел так, словно по нему пронесся тропический ураган. Ящики комода были выдвинуты, их содержимое разбросано по полу. Возле кровати валялись постельные принадлежности. Набивка вспоротых ножом матрасов вытряхнута на пол. Не были забыты и подушки: кто-то изодрал их в клочья.

– Неплохо сработано, – заметил Ренкин. – Если здесь что-то и было, то вряд ли осталось на нашу долю. Я прикажу поискать отпечатки пальцев, хотя могу поспорить, что их нет.

Мы вышли в коридор, и Ренкин запер дверь на ключ.

Глава вторая

1

Лежа на кровати, я прислушивался к тяжелому топоту и приглушенным голосам в соседней комнате: люди Ренкина искали улики, которые могли бы навести на след преступника.

Настроение у меня было подавленное, и я остро ощущал одиночество. Хотя у Джека было немало недостатков, в общем он был отличным парнем, с ним хорошо работалось. Мы повстречались пять лет назад, когда я подвизался на поприще следователя по особым поручениям в окружной прокуратуре, а Джек был репортером уголовной хроники в «Сан-Франциско трибюн». Мы подружились и как-то вечером, разговарившись за бутылкой виски, обнаружили, что нам обоим смертельно надоело получать приказы от своих разжиревших шефов, носиться, не щадя ног, по городу. Мы были чуточку пьяны, но все же понимали, что рискуем лишиться твердого заработка ради сомнительной перспективы завести «свое» дело. Наш совместный капитал был невелик; но у нас было достаточно опыта, и мы надеялись добиться успеха. Мы знали все детективные агентства в городе, и

многие из них казались нам совсем никудышными. Прикончив бутылку, мы твердо решили сжечь мосты и стать на собственные ноги.

Нам везло: через год уже неплохо зарабатывали и не раскаивались в своем решении.

Сейчас, лежа в душном номере, я раздумывал о том, сумею ли в будущем обойтись без компаньона. Возможно, стоило поискать кого-нибудь другого, хотя я и мог выкупить долю Джека у его жены. Эта пустоголовая блондинка временами доводила до исступления моего бывшего компаньона, и я ни минуты не сомневался, что она немедленно потребует обратно деньги, которыми в свое время ссудила Джека для основания агентства.

Потом я стал размышлять об обстоятельствах смерти Джека. Не верилось, что убийство было каким-либо образом связано с делом, над которым он работал. Скорее всего, думал я, его прикончил какой-нибудь гангстер, узнав об амурных делишках Джека с его любовницей. Необычный нож, которым, если верить доктору, его убили, был оружием профессионала, и удар был нанесен со знанием дела.

Однако сейчас самым важным для меня было выяснить, кто клиент Джека. Он сообщил в телеграмме, что работа денежная, и так оно, по-видимому, и было. Иначе Джек не отправился бы в такую чертову даль. Поэтому я делал вывод, что его клиент – состоятельный человек. Конечно, толку от этого было немного, так как большинство жителей Сан-Ра-

фела отнюдь не производили впечатления бедняков.

Прежде чем сообщить фамилию клиента Ренкину, я должен был увериться на сто процентов, что он никоим образом не связан с убийством Шеппи. Ничто не вредит так сильно репутации частного сыщика, как неприятности клиента с законом в результате неосторожных действий детектива. В такие агентства попросту перестают обращаться.

Когда уберутся люди Ренкина, думал я, нужно будет позвонить Элле. Мне пришло в голову, что пользоваться коммутатором гостиницы небезопасно. Ренкин, если у меня сложилось о нем правильное впечатление, не преминет поставить у телефона одного из своих полицейских, чтобы подслушать мой разговор.

Я глянул на часы – было уже без четверти час. Со вчерашнего дня я ничего не ел и, чтобы сэкономить время, решил перекусить сейчас же, пока полиции было не до меня.

Когда я застегивал воротничок сорочки, дверь отворилась и заглянул Ренкин.

– Фу! У вас как в печке!

– Не холодно. Я собираюсь пойти перекусить. Вам что-нибудь нужно?

Ренкин задумчиво перекатывал во рту потухшую сигару.

– Там – ничего. – Он ткнул пальцем в сторону соседней комнаты. – Отпечатков сотни, но они ничего не дают. Убирают здесь, прямо скажем, неважно. Я думаю, мы имеем теперь следы пальцев, по крайней мере, тридцати последних жиль-

цов. Записей Шеппи мы не нашли. Над чем он работал – по-прежнему остается тайной.

– Тот, кто побывал в его номере до нас, тоже ничем не разжился, могу поручиться. Джек всегда ненавидел писанину.

– Вы так и не выяснили, кто был клиент? – спросил Ренкин, испытующе глядя на меня. – Вся эта чепуха об охране доброго имени клиента, Брэндон, не стоит выеденного яйца, когда дело касается убийства. Советую вам не тянуть. Я не верю, что вы не в состоянии узнать имя того, кто нанял Шеппи.

– Я не собираюсь обманывать вас, лейтенант. Но вы сами убедились, что Джек не оставил записей. Без них я в таком же дурацком положении, как и вы.

– Дайте мне адрес вашей конторы. У вас там осталась секретарша?

– Машинистка. Глупенькая девчонка семнадцати лет. Проку от нее никакого, один перевод денег на зарплату. О наших делах ей ничего не известно.

По выражению лица Ренкина нетрудно была заметить, что он сомневается в правдивости моих слов.

– Когда выясните, на кого работал Шеппи, зайдите ко мне в полицейское управление. Даю вам двадцать четыре часа. В противном случае придется снова навестить вас.

Последние слова Ренкин произнес с плохо скрытой угрозой. После этого он вышел из номера, с силой хлопнув дверью.

Я решил обойтись без еды. У меня появилось опасение, что Ренкин свяжется с полицией Сан-Франциско и с Эллой побеседуют еще до того, как это успею сделать я.

Я вышел из гостиницы и, пройдя квартал, завернул в кафе, где заперся в телефонной будке. Об Элле я сказал Ренкину лишь половину правды. Ей действительно исполнилось только семнадцать лет, но слово «глупенькая» к ней никак не подходило: она была на редкость энергичной и находчивой секретаршей. Сейчас, набрав номер нашей сан-францисской конторы, я ощутил подлинное удовольствие, услышав ее молодой и свежий голос: «Добрый день, агентство „Стар“ к вашим услугам».

– Говорит Лу, – быстро сказал я. – Я в Сан-Рафеле. Джек прибыл сюда по делу и вызвал меня телеграммой. У меня плохие новости, Элла: его убили.

Я услышал в трубке, как быстро и тяжело она задышала. Ей всегда нравился Джек. Когда она появилась в нашей конторе, Джек по привычке и с ней собирался завести романчик, но я сумел убедить его, что Элла еще слишком молода и ее следует оставить в покое. Все же его ухаживание оставило след в сердце молодой девчонки – Элла, я это ясно видел, была неравнодушна к нему.

– Джека убили? – переспросила она с дрожью в голосе.

– Убили, – повторил я. – Теперь послушай, Элла, у меня важное дело. Полиция старается выяснить, на кого он работал. Я ничего не знаю об этом. Говорил он тебе что-нибудь?

– Нет. Он сказал только, что наклюнулось дельце и ему надо ехать в Сан-Рафел.

По ее голосу я чувствовал, что она с трудом сдерживает слезы. Мне было жаль девчонку, но времени на утешение не оставалось.

– Ему позвонили насчет работы или сообщили письмом?

– Звонил мужчина.

– Назвал себя?

– Нет. Он отказался сообщить свою фамилию, когда я об этом его спросила. Он сказал, что желает говорить с одним из владельцев.

Я сдвинул шляпу на затылок и некоторое время стоял, отдуваясь. Воздух в будке был настолько тяжелым, что на него впору было облокотиться.

– Поройся в его бумагах, Элла. Возможно, он записал фамилию клиента.

– Хорошо, я поищу.

Я стоял в будке, обливаясь потом. Наконец, не выдержав духоты, я слегка приоткрыл дверь и впустил свежий воздух. Тут-то я и заметил переодетого полицейского, находившегося возле стойки с содовой водой. Хотя он и был в штатском, во всем его облике читалось одно: «фараон». Чтобы не обнаруживать интереса к моей особе, он уделял повышенное внимание стоявшей перед ним чашечке кофе.

Я мысленно выругал себя за то, что недооценил Ренкина. Теперь ему будет нетрудно догадаться, что я разговаривал со

своей конторой.

– В блокноте у Джека много всякого хлама, – услышал я наконец голос Эллы. – Но фамилия только одна: Ли Криди.

– Спасибо, Элла, возможно, это что-нибудь значит. Теперь немедленно уничтожь блокнот. Я подожду. Разорви его и спусти в канализацию. Полицейские могут явиться в любую минуту, они не должны его видеть.

Через три минуты вновь послышался ее голос:

– С блокнотом все в порядке.

– Молодец. Теперь вот что: полиции я сказал, что ты глупенькая девчонка и о делах мы с тобой не разговариваем. Веди себя соответственно. Скажи, что Джеку кто-то звонил, но кто и зачем – не знаешь. После звонка он собрался и уехал в Сан-Рафел. Понятно?

– Да.

– И не давай им себя запугать.

– Хорошо, Лу.

– И еще одно. Мне неприятно тебя просить, Элла, но сам я сейчас ничего не могу сделать. Сообщи о смерти Джека его жене. Передай, что я отправил ей письмо. Пусть не волнуется насчет похорон: я все сам устрою.

– Вы не собираетесь возвращаться?

– Нет. Мне надо выяснить, кто и почему убил Шеппи. Ты не забудешь зайти к ней, Элла?

– Нет, конечно... Только что вошли двое, – добавила она тише. – Думаю, они из полиции... – И повесила трубку.

Я достал носовой платок и вышел из телефонной будки. Сыщик сделал вид, что не узнает меня, и отвернулся.

Я заказал сэндвич и кофе.

Полицейский не спеша допил кофе, с деланным безразличием вышел на улицу и укатил восвояси.

2

Время уже приближалось к двум, когда я вернулся в гостиницу.

Проходя мимо номера Джека, я увидел, что дверь открыта, и решил заглянуть внутрь.

Возле окна стоял плотный мужчина в плохо скроенном костюме. При моем появлении он бросил в мою сторону неприязненный взгляд. Незнакомец выглядел экс-полицейским, и я подумал, что он, вероятно, и есть штатный сыщик, о котором говорил Бруер.

– Полиция изволила удалиться? – спросил я, входя в номер.

– Что вам здесь нужно? – проворчал он хриплым басом.

– Брэндон, – представился я. – Проживаю в соседнем номере. Вы – Гривс?

Он утвердительно кивнул, и мне показалось, что выражение его лица стало чуть-чуть менее враждебным. В номере был наведен некоторый порядок. Перья выметены, ящики комода задвинуты, набивка матраца водворена обратно,

а разбросанные бумаги собраны.

Личные вещи Джека лежали кучкой в углу: два потерянных чемодана, плащ, шляпа и теннисная ракетка. Маленькая, жалкая кучка, почти ничего не говорившая о ее прежнем владельце.

– Вещи они проверили? – спросил я.

Гривс кивнул.

– Их надо отправить его жене, – продолжал я. – В гостинице никто не мог бы этим заняться?

– Попросите коридорного Джо. Он отправит.

– У меня припасена бутылочка виски, ее давно следует откупорить. Если у вас нет срочных дел, пойдемте в мой номер, посидим вместе.

Мясистая физиономия Гривса просветлела. «У бедняги не слишком много друзей», – почему-то подумалось мне.

– Что ж, пару минут я смогу выкроить, – ответил он.

Гривс уселся на стул, а я устроился на кровати. Лед, который принесли утром, давно растаял, но я решил, что просить свежий было бы напрасной тратой времени, и разлил виски.

Круглое лицо Гривса было лишено притворства, взгляд, холодный и подозрительный, был одновременно и немного усталый. В усах виднелись редкие сединки. Быть сыщиком в низкопробной гостинице вряд ли доставляло ему удовольствие.

– Узнали они, кто убийца? – спросил он, отхлебнув из стакана.

– Может быть, и да, но мне об этом неизвестно, – ответил я. – Ты не разглядел девицу, которая заходила за ним?

– Разглядел. – Он вытащил из кармана мятую пачку сигарет, предложил мне и закурил сам. – «Фараоны» в этом городе признают сыщиков только больших гостиниц, мелочь, вроде меня, они просто не замечают. Но меня от этого не убудет, хуже им самим. Если бы Ренкин, который хвастает, что все знает, поговорил со мной, я мог бы рассказать кое-что интересное. Но нет, ему понадобился Бруер, эта жирная свинья с шелковым галстуком.

– Что бы ты мог ему рассказать?

– Помнишь, он спросил у Бруера, как выглядит девушка? Бруер только и заметил, что ее одежду, я же наблюдал за ней. Нетрудно было понять, что она нацепила все эти тряпки, чтобы ее не узнали. И к тому же она была блондинка. Я тебе это точно говорю: она или выкрасила волосы, или надела парик, но что на самом деле она была блондинка, я могу поручиться.

– Почему?

– Гривс усмехнулся:

– Надо уметь пользоваться глазами. На ней была блузка с короткими рукавами, и я заметил, что волосы на руках были светлыми. Да об этом говорил и весь ее вид – кожа, глаза и прочее.

Его доводы меня не убедили: волосы на руках выгореть могли на солнце. Однако, боясь, что у него пропадет жела-

ние к продолжению беседы, я не стал высказывать своих сомнений.

– Меня учили отыскивать в людях незаметные для других привычки, которые обычно выдают их с головой. И вот одну такую особенность я у нее заметил, – продолжал Гривс. – Она находилась в вестибюле пять минут и все это время барабанила пальцами по бедру, будто играла на пианино. – Он встал и показал, как она это делала. – Пальцами правой руки по бедру, вот так. – Он сыграл гамму. – И это была ее давнишняя привычка, она сама не замечала, что делала.

– Нелегко отыскать человека с такой забавной привычкой, а?

– Но если, скажем, ее все-таки найдут, музыкальные пальчики помогут решить вопрос.

Я кивнул в знак согласия.

– Да, пожалуй, ты прав. По ее внешности нельзя определить, чем она занимается?

Он пожал плечами:

– Кто ее знает. Вещи она умеет носить, и стиль в ней чувствуется. Может, она певичка, а может, работает где-нибудь манекенщицей.

– Обо всем этом ты, конечно, сообщил Ренкину?

Гривс загасил сигарету и покачал головой:

– Он не станет слушать меня, даже если я не поленюсь приехать к нему в управление. Для него я пустое место, пусть поэтому катится к черту.

– Кто-то обшарил номер Шеппи. Как он, по-твоему, попал туда?

– Воспользовался его ключом. Шеппи забрал ключ с собой, потом его уколошили, нашли ключ и, не теряя времени, явились сюда. Конечно, чтобы перевернуть в номере все вверх дном, нужны нервы, но вообще-то убийца был в безопасности; у нас мало прислуги, и в это время наверху никого не бывает.

Я решил, что пора рассказать ему кое-что о себе, вернее, о близости наших профессий. Достав визитную карточку, я протянул ее Гривсу.

– Я расспрашиваю тебя не из спортивного интереса.

Гривс прочел карточку, нахмурился и, потеряв мясистый нос, вернул ее мне.

– Он был твой компаньон?

– Да.

– Я давно собираюсь завести частное дело, оно куда прибыльней, чем моя работа. Ты, наверное, делаешь кучу денег?

– Не жаловался, пока не случилось вот это. Теперь мне временно придется прикрыть контору: надо отыскать убийцу.

Он удивленно поднял на меня глаза:

– Это забота полиции. Что ты сам можешь сделать?

– По-твоему, правильней будет вернуться в Сан-Франциско и продолжать как ни в чем не бывало? Хорошая это будет реклама для агентства «Стар»: одного компаньона ухлопали,

а другой и пальцем не пошевелил, чтобы разобраться в деле. К тому же Джек был мой лучший друг. Я не собираюсь дожидаться, когда полиция даст мне готовый ответ.

На лице Гривса появилась гримаса:

– Тогда смотри в оба. Ренкин не так уж плох, с ним можно ладить. Берегись капитана Кетчена – такого выродка свет не видывал. Нашему брату от него туго приходится, а частных сыщиков он ненавидит больше, чем бешеных собак. Если ему донесут, что ты что-то разнюхиваешь на его территории, готовься к неприятностям. Я не шучу: неприятности будут немалые.

– О каких неприятностях ты говоришь?

– Каких? Послушай. Случилось у нас как-то самоубийство, и вдова вызвала из Лос-Анжелеса частного сыщика. Она была уверена, что мужу ее помогли отправиться на тот свет. Кетчен велел сыщику убираться подобру-поздорову, но тот наплевал на его слова. И вскоре пожалел: когда он однажды сидел за рулем, в него со всего хода врезалась полицейская машина. Парень лишился автомобиля, а самого его с переломанной ключицей отправили в больницу. Когда его подлечили, он заработал еще шесть недель отсидки за вождение машины в пьяном виде. На суде он клялся, что, прежде чем отвезти в больницу, «фараоны» влили ему в рот полпинты виски, но ему никто не поверил.

– Да, похоже, что приятного в капитане мало. Спасибо за совет, я постараюсь держаться от него подальше.

Гривс допил виски и с видимым сожалением поставил стакан.

– Лучше не попадайся ему. Ну, мне пора. Пойду в вестибюль присматривать за старичками. Менеджер боится, что они приведут в номер какую-нибудь шлюху. Спасибо за выпивку. В случае чего можешь рассчитывать на меня.

Когда он был в дверях, я окликнул его:

– Имя Ли Криди говорит тебе что-нибудь?

Он вернулся и захлопнул дверь.

– Это самый богатый человек в нашем городе.

Я постарался не выдать своего возбуждения.

– Что ты понимаешь под богатством?

– Скажем, миллионов сто, а может, чуточку больше. У него пароходная линия «Грин Стар»: целая флотилия танкеров курсирует между Панамой и Сан-Франциско. Компания воздушных такси до Майами – тоже его дело. Но это еще не все: он хозяин трех газет и завода, на котором работают тысяч десять мужчин и женщин. Наш легковес – чемпион по боксу – тоже его собственность. Криди совладелец казино, гостиницы «Ритц-Плаза» и «Клуба мушкетеров» – единственного по-настоящему классного клуба в Сан-Рафеле. Чтобы стать его членом, твой доход должен исчисляться пятизначной цифрой. Но дело не только в этом: если у тебя не голубая кровь, не надейся попасть туда. Возможно, у Криди есть и еще кое-что, но в общем, я думаю, ты получил достаточное представление.

– Криди живет в этом городе?

– В особняке у залива Тор-Бэй. Если ехать по берегу, отсюда миль пять. Маленькая хибара с двадцатью пятью спальнями и бассейном, где впору плавать авианосцу. Чтобы не скучать, хозяин распорядился построить шесть теннисных кортов и зоосад со львами и тиграми. Сорок человек прислуги разбиваются в лепешку, чтобы ему угодить. Обзавелся Криди и частным портом, совсем крохотным, который только-только вмещает его игрушечку-яхту в четыре тысячи тонн.

– Женат?

– Конечно. – Гривс брезгливо сморщил нос. – Помнишь Бриджетт Бленд, кинозвезду? Так это она.

Я смутно припоминал, что видел ее однажды в каком-то фильме. Если мне не изменила память, на фестивале в Канах четыре года назад она произвела маленькую сенсацию, торжественно въехав на лошади в вестибюль отеля «Маджестик». Бросив вожжи изумленному клерку, наездница слезла с коня, вошла в лифт и скрылась в своем пятикомнатном номере. Бриджетт Бленд снималась в кино года два, потом неожиданно исчезла. По сведениям, проникшим в печать, она славилась необузданным нравом.

– Что у тебя может быть общего с Криди? – спросил Гривс.

– Ничего, – ответил я. – Это имя упомянули при мне, и я заинтересовался, кто он такой.

Гривс посмотрел на меня еще раз, задумчиво кивнул и

вышел.

Оставшись один, я вытянулся на кровати и закурил. Джек сообщал в телеграмме, что в Сан-Рафеле ему предложили на редкость выгодную работу. Если клиентом был Ли Криди, тогда действительно пахло большими деньгами. Но зачем понадобилось человеку с положением Криди, спрашивал я себя, нанимать неизвестного сыщика, да еще из города, находившегося в трехстах милях от его дома? Будь у меня его банковский счет, я мог бы купить всего «Пинкертон» и в придачу пару других детективных агентств.

Я пригладил рукой влажные от пота волосы.

Богатеи, подобные Криди, продолжал рассуждать я, окружены целой армией секретарей, лакеев, подхалимов и вышибал. Мелкую сошку, вроде меня, они и на выстрел не подпустят к своему шефу. Добраться до Криди будет нелегко, а спросить его, нанимал ли он Джека и для чего, по-видимому, вообще невозможно.

Но так или иначе, надо было что-то предпринимать. Выпив еще немного виски, я снял телефонную трубку.

– Соедините меня с Гривсом, – попросил я девушку на коммутаторе.

Наступила пауза, потом послышался голос сыщика.

– Мне надо кое-кому позвонить, – сказал я. – Коммутатор в порядке?

Ему не требовалось растолковывать, о каком порядке шла речь.

– Все спокойно. Некоторое время здесь околачивался «фараон», но сейчас он ушел.

Поблагодарив, я попросил телефонистку узнать в справочном номер Ли Криди и соединить меня с ним.

Прошло немного времени, и в трубке раздался мужской голос: «Резиденция мистера Криди. Вас слушают». Говоривший или держал во рту горячую картофелину, или ему только что удалили аденоиды.

– Мне необходимо поговорить с мистером Криди, – не теряя времени понапрасну, сказал я.

– Будьте добры назвать вашу фамилию, сэр, – голос звучал холодно и отчужденно, – и я соединю вас с секретарем мистера Криди.

– Лу Брэндон. Мне не нужен секретарь Криди, я хочу говорить с ним лично.

Я не рассчитывал, что моя настойчивость произведет какое-нибудь впечатление.

– Если вы подождете, сэр, я соединю вас с секретарем мистера Криди.

Полное безразличие в его голосе было оскорбительней, чем пощечина.

Раздались щелчки, затем отрывистый голос пролаял мне в ухо:

– Хаммершалт. Кто говорит со мной?

– Лу Брэндон. Мне нужен мистер Криди.

– Подождите минуточку. – В трубке послышался ше-

лест переворачиваемых страниц: Хаммершалт, по-видимому, рылся в адресной книге, пытаясь установить, кто такой Лу Брэндон. У Криди был осторожный секретарь: он не хотел грубить человеку, не узнав прежде, что он из себя представляет.

– Мистер Брэндон? – переспросил он теперь уже более требовательным голосом. – Что у вас за дело к мистеру Криди?

– Об этом он скажет вам сам. Если пожелает, конечно, – ответил я. – Соедините меня и не тратьте времени попусту.

Чтобы придать своим словам больше убедительности, я старался говорить нарочито резко. И хотя моя уловка не возымела должного действия, все же сомнение относительно моей персоны запало ему в душу.

– Вы не можете переговорить с мистером Криди, – сказал он, – если не изложите в общих чертах суть дела. Тогда я передам вашу просьбу, и он, если сочтет нужным, сам позволит вам.

Я понял, что разговор зашел в тупик. Попробуй я продолжать прежним тоном, он сообразит, что его просто берут на пушку. Поэтому я решил выложить свой последний и не слишком сильный козырь.

– Передайте ему, что я старший компаньон агентства «Стар» из Сан-Франциско. Он ждет моего отчета.

– Ждет отчета? – Голос звучал удивленно и не слишком уверенно. – Хорошо, мистер Брэндон, я поговорю с ним, и

мы, возможно, вам позвоним. Какой у вас номер телефона?..

Я потушил сигарету и допил виски. Придется прождать час, а может, и дольше, думал я. Ожидание при данных обстоятельствах было, конечно, не самым плодотворным занятием, но приходилось мириться и с этим, и, закрыв глаза, я попытался спокойно уснуть.

Мой сон прервал пронзительный телефонный звонок. От неожиданности чуть не свалившись с постели, я схватил трубку и глянул на часы: поспать мне удалось всего пятнадцать минут.

– Мистер Брэндон?

– Слушаю!

– Мистер Криди сможет принять вас сегодня в три.

Я не верил собственным ушам.

– В три часа?

– Да. Пожалуйста, не опаздывайте. У мистера Криди несколько важных деловых свиданий. Он сможет уделить вам всего несколько минут.

– Спасибо. Для меня этого достаточно, – ответил я и положил трубку.

С минуту я лежал на спине, уставившись в потолок. Потом резким движением спустил ноги с кровати. Человеком, нанявшим Джека, должен быть не кто иной, как Криди. Иначе его согласие принять меня было бы необъяснимым.

Я вновь глянул на часы: до встречи с Криди оставалось менее часа.

Я открыл чемодан и достал свой лучший выходной костюм.

Глава третья

1

Особняк Криди стоял в конце узкого полуострова, который тянулся на целую милю, до середины залива Тор-Бэй. Его было хорошо видно с Морского бульвара. Прежде чем свернуть на частную дорогу, проходившую по полуострову, я сбросил скорость, чтобы повнимательней рассмотреть жилище миллионера.

Дом Криди представлял собою массивное трехэтажное сооружение с широкими окнами, террасой и крышей из голубой черепицы. Белые стены дома чуть просматривались сквозь зеленый ковер выющихся растений. Одной своей стороной особняк, казалось, повис над обрывом. С него открывался, наверное, изумительный вид на залив.

Я сидел за рулем «бьюика». На одной из его дверей красовалась большая царапина, колпак колеса был изрядно помят. Кто ухитрился покалечить машину – полиция или Джек, налетевший на что-нибудь по пути из Сан-Франциско, – я не знал, хотя склонен был винить своего компаньона: он любил полихачить.

Во всяком случае, я был рад, что обзавелся машиной. Рас-

ходы на такси, насколько я мог судить о стиле жизни в Сан-Рафеле, были бы мне определенно не по карману. Я и без того опасался, что взятых в поездку денег мне хватит ненадолго.

Свернув с Морского бульвара на ведущее к полуострову шоссе, я через сотню ярдов подъехал к большому щиту, надпись на котором гласила, что дальше проезд разрешен лишь посетителям особняка «Тор». Так официально называлась резиденция Криди.

Еще через четверть мили дорога оказалась перегорожена шлагбаумом, возле которого приютилась крохотная сторожка. Двое мужчин в белых сорочках, белых плисовых бриджах и черных сапогах до колен наблюдали за моим «бьюиком». В своих форменных фуражках с кольцами на бедре они выглядели, как экс-«фараоны».

– У меня встреча с мистером Криди, – сказал я, высовываясь из окна.

Один из охранников подошел к машине. Его колючий подозрительный взгляд задержался на мне. Нетрудно было понять, что ни «бьюик», ни я не произвели на него благоприятного впечатления.

– Фамилия?

Я назвал себя.

Сверившись со списком, он сделал знак второму охраннику поднять шлагбаум.

– Прямо с перекрестка, затем налево. Машину поставьте

на шестую стоянку.

Я кивнул и двинулся дальше, чувствуя на спине их пристальные взгляды. Казалось, они старались запомнить меня на случай, если встретят в будущем.

Через открытые дубовые ворота с торчащими стальными шипами я попал на посыпанную песком дорожку, прорезавшую небольшую рощу и затейливо петлявшую посреди огромного сада с аккуратными газонами, замысловатыми клумбами и фонтаном.

На одной из клумб садовники-китайцы высаживали бегонии, располагая растения на совершенно одинаковом расстоянии друг от друга, на одном и том же уровне, с точностью, в которой китайские мастера остаются непревзойденными.

Свернув налево, я оказался на просторной гудронированной площадке, разделенной белыми полосами на пятьдесят стоянок. Некоторые из них были украшены дубовыми табличками с позолоченными буквами. Я прочитал фамилию Криди – мужа и жены, а также Хаммершалта. Было множество и других имен, ничего мне не говоривших.

– Богато живут, а? – раздался голос позади меня. – Все важные персоны, ничего не скажешь! Такими и остаются до самой смерти.

Я оглянулся.

Невысокий коренастый парень в белой форме охранника и фуражке, сдвинутой на затылок, дружелюбно улыбался.

ся мне. Лицо парня было красным, когда он приблизился, я ощутил сильный запах виски.

– Да, в мире живут разные люди, – философски заметил я.

– Что правильно, то правильно. По совести говоря, вся эта мишура, – он помахал рукой в сторону автостоянки с табличками, – пустая трата денег. Как будто не все равно, где поставить машину. – Его маленькие глаза испытующе прошлись по мне. – Ты ищешь кого-нибудь, приятель.

– Старика Криди, – ответил я.

– Не шутишь? – То ли от жары, то ли от виски он шумно отдувался. – Что же, поищи. Ну, а с меня хватит, достаточно я натерпелся в этом доме. Сегодня, слава богу, последний день – увольняюсь. – Он слегка подался вперед, легонько постучал пальцами по моей груди. – И почему эти деньги всегда достаются всякой швали? Возьми, к примеру, Криди, он никогда не бывает доволен: то не блестят ботинки, то пыль на машине. Розы в саду для него чересчур низкорослые, еда – слишком горячая или холодная. Ему ничем не угодишь, человек от него может сойти с ума. Будь у меня десятая часть его денег, я чувствовал бы себя королем, а ему все мало.

Я украдкой взглянул на часы: до трех оставалось четыре минуты.

– Так устроена жизнь, – сказал я. – Всякие попадают люди. Я хотел бы потолковать с тобой, но в три у меня свидание. Говорят, он может лопнуть от злости, если его заставишь ждать.

– Думаешь, если ты придешь вовремя, он сразу тебя и примет? Как бы не так! Его ждут по многу часов. Ну ладно, дело твое, иди целуйся со стариком. Я лично предпочел бы повстречаться с ядовитой змеей. Поднимись по этим ступеням, потом налево. – Он показал пальцем в направлении лестницы.

Я собрался было уже уходить, когда внезапно у меня появилась мысль.

– Ты занят сегодня вечером, часов около семи?

Его лицо расплылось в ухмылке:

– Спрашиваешь? Сегодня вечером у меня уйма дел. Я жил как в тюрьме у этого старого негодяя целых двадцать месяцев. Сегодня мне ничего так не нужно, как хорошенько напиться. А почему это тебя интересует?

– Я сам собираюсь напиться, – сказал я. – Может, мы повеселимся вместе?

Он недоверчиво посмотрел на меня:

– Ты что, любитель закладывать?

– По особым случаям. Мне кажется, сегодня как раз такой случай.

– Ну что же, идет. Моя девочка не терпит пьяных, и, по правде сказать, я собираюсь нализаться в одиночку. Но кто же станет отказываться от компании? Где и когда?

– Против семи возражений нет? А где – это уж тебе виднее.

– Тогда в баре у Сэма. Спроси любого, и тебе объяснят,

как пройти туда. Кстати, меня зовут Тим Фултон, а тебя?

– Лу Брэндон. Ну, будь здоров!

– Пока!

Перепрыгивая через ступени, я взбежал по лестнице, свернул налево и, миновав красивую террасу, очутился у парадных дверей: в запасе у меня оставалась одна минута.

Дверь отворил худой высокий старик в традиционной одежде голливудского мажордома. Сделав шаг в сторону и слегка наклонившись, он любезно разрешил мне пройти в холл, который, используя он в качестве гаража, свободно вместил бы шесть «кадиллаков» последней модели.

– Мистер Брэндон?

Я ответил, что он не ошибся.

Я последовал за стариком и, пройдя залитый солнцем внутренний дворик, оказался в приемной. Шесть бизнесменов, зажав в руках портфели, с утомленным видом сидели в креслах. При моем появлении они уставились на меня с таким тупым безразличием, что я понял: бедняги давно потеряли счет времени.

– Мистер Криди вызовет вас, – степенно произнес мажордом и плавно, словно передвигаясь на колесах, удалился.

Положив шляпу на колени, я сел и стал смотреть в потолок; бизнесмены, устав глазеть на меня, вновь погрузились в состояние транса.

Ровно в половине четвертого дверь распахнулась, и на пороге появился молодежавый мужчина с коротко стриженными волосами и волевым подбородком. На нем были черный пиджак, серые твиловые брюки и черный галстук. Бизнесмены, выпрямившись в креслах, схватились за портфели и застыли, словно охотничьи собаки при виде дичи.

Неприветливые глаза вошедшего прошли по приемной и остановились на мне.

– Мистер Брэндон?

– Я.

– Мистер Криди просит вас зайти.

– Прошу прощения, мистер Хаммершалт, – сказал один из дельцов, – но я жду с двенадцати. Вы сказали, что следующим на прием пойду я.

– Разве? – Хаммершалт посмотрел на него безразличным взглядом. – К сожалению, мистер Криди полагает иначе. Теперь, господа, он не освободится до четырех.

Мы вошли в другую приемную, несколько меньшую, чем первая. Здесь, возле массивной двери из полированного красного дерева, Хаммершалт остановился.

– Брэндон здесь, сэр! – приоткрыв дверь, сказал он. Потом, отойдя в сторону, пропустил меня вперед.

2

Офис Криди напоминал рабочий кабинет Муссолини, фо-

тографию которого мне довелось однажды видеть. Длинною он был футов шестьдесят, с двумя широкими окнами, из которых открывался чудесный вид на море и часть залива. В дальнем углу стоял письменный стол, по размерам не уступавший бильярдному столу. Еще я заметил несколько кресел и две потускневшие картины, принадлежавшие, вероятней всего, кисти Рембрандта.

За столом, сдвинув на лоб очки в роговой оправе, сидел маленький тщедушный мужчина. Он был лыс; его костистый, казавшийся очень твердым череп обрамляла лишь реденькая бахрома седых волос. Худое с мелкими чертами лицо имело напряженное выражение, которое еще более подчеркивали запавшие щеки и очень маленький, плотно сжатый рот. Лишь глаза, излучавшие незаурядную силу, свидетельствовали о том, что сидевший передо мной человек принадлежал к «великим мира сего».

Он впился в меня немигающим взглядом, и я почувствовал себя так, будто меня поместили в рентгеновский аппарат и теперь стараются сосчитать позвонки на спине.

Пока я шел через кабинет, он продолжал гипнотизировать меня, и, когда я добрался до стола, тело мое было влажным от пота. Откинувшись в кресле, он разглядывал меня теперь уже с близкого расстояния, как смотрят на отвратительную сине-зеленую муху, угодившую в суп.

– Что вам здесь нужно? – произнес он.

Голос звучал необычайно мягко и женственно.

Криди, по-видимому, полагал, что, морально подавленный, уничтоженный его презрением, я буду чуть ли не на коленях излагать суть своего дела. Однако ожиданиям его не суждено было сбыться.

– Меня зовут Брэндон, – бодро сказал я. – Я из Сан-Франциско. Четыре дня назад вы наняли моего компаньона по детективному агентству «Стар».

Худое лицо Криди оставалось бесстрастным: оно было таким же маловыразительным, как задняя стенка автобуса.

– Что заставляет вас предполагать, что я его нанял? – осведомился он.

Вопрос был задан осторожно, и я почувствовал, что он не вполне уверен в прочности своих позиций. Прежде чем пустить в ход тяжелую артиллерию, Криди решил, очевидно, провести основательный зондаж.

– Мы ведем учет наших клиентов, – не моргнув глазом, соврал я. – До того, как уехать в Сан-Рафел, Шеппи записал, что вы его наняли.

– Шеппи? Кто он такой?

– Мой компаньон. Человек, которого вы наняли, мистер Криди.

Он облокотился о стол, сцепил пальцы рук и положил на них свой заостренный подбородок.

– Я нанимаю двадцать – тридцать человек в неделю, – сказал он, – но среди них, насколько я помню, не было никого с фамилией Шеппи. Мне непонятно, какое отношение к этому

имеете вы. Я спрашиваю еще раз: что вам от меня нужно?

– Шеппи был убит сегодня утром. Я полагаю, что смогу закончить дело, над которым он для вас работал.

– Над каким делом он для меня работал?

Я знал, что рано или поздно разговор коснется этой самой уязвимой стороны вопроса. Криди, как выяснилось, не соби-рался так просто раскрывать свои карты.

– Вы знаете об этом больше, чем я.

Откинувшись в кресле, он несколько секунд барабанил пальцами по столу. Хотя лицо его было по-прежнему непро-ницаемым, я знал, что голова его лихорадочно работает. На-конец он нажал на кнопку звонка.

Дверь немедленно отворилась, и в кабинет вошел Хам-мершалт. Он должен был ожидать вызова возле дверей, ина-че его мгновенное появление объяснить было невозможно.

– Херц, – сказал Криди, не взглянув на вошедшего.

– Слушаюсь, сэр, – ответил Хаммершалт и снова исчез.

Криди продолжал барабанить по столу, взгляд его был об-ращен вниз.

Мы сидели в молчании около минуты, затем раздался лег-кий стук, и в отворившуюся дверь вошел приземистый, ко-ренастый мужчина. Я обратил внимание, что его правое ухо разорвано и прилегалo к голове настолько плотно, будто кто-то кирпичом или кувалдой попытался однажды вдавить его внутрь: ни один кулак не смог бы нанести удар такой силы. Его расплющенный нос расползся по лицу, маленькие глаза

горели неистовством, как у злобного орангутанга. На воротник густой гривой падали иссиня-черные волосы. Херц был одет в коричневые с желтоватым оттенком брюки и белый спортивного покроя пиджак, из-под которого виднелся ярко расцвеченный галстук.

Он двигался стремительно и бесшумно, как балетный танцор.

Выставив вперед острый подбородок, Криди кивнул в мою сторону.

– Посмотри на этого человека, Херц, – сказал он, – и запомни его хорошенько. Может быть, тебе придется им заняться. Если, конечно, он не окажется умнее, чем выглядит.

Вперив буравчики-глаза, Херц изучал меня несколько секунд. На его искалеченном лице не дрогнул ни один мускул.

– Я узнаю его, босс, – ответил он сильным голосом.

Криди жестом приказал ему выйти. Когда он бесшумно удалился, я сказал:

– Он должен превратить меня в отбивную, или я ошибаюсь?

Не ответив, Криди снял очки и, вытащив белоснежный носовой платок, начал тщательно протирать стекла.

– Я не люблю частных сыщиков, – сказал он через некоторое время, посмотрев на меня. – Я считаю их никчемными людьми, вымогателями и шантажистами. Я не нанимал вашего компаньона Шеппи, и мне никогда не приходила в голову подобная абсурдная мысль. Я советую вам немедлен-

но уехать из нашего города. Чтобы избавиться от назойливых типов вроде вас, я прибегаю иногда к помощи Херца. Это экономит время и бережет нервы. Херц – удивительный человеческий экземпляр, он твердо верит, что я его благодетель. Если я говорю ему, что мне докучает такой-то человек, он считает своим первейшим долгом воздействовать на наглеца, чтобы тот прекратил свои домогательства. Я никогда не спрашивал, как он добивается этого, но не было еще случая, чтобы Херц не оправдал моих надежд. Так обстоит дело, мистер Брэндон. Я не знаю вашего Шеппи, и я безусловно не нанимал его. Я не желаю иметь ничего общего с вами. Вы можете идти.

Я улыбнулся. Если вначале вся обстановка в доме миллионера, даже его пронизывающий взгляд, действовали мне на нервы и против воли внушали какой-то подсознательный страх, то теперь от этого не осталось и следа. Сейчас я ощущал лишь справедливое возмущение и злость, и это было моим сильнейшим оружием.

– Послушайте теперь меня, – ответил я, крепко опершись о стол руками и глядя ему прямо в глаза. – Я думал, вы поумнее и понаходчивей, мистер Криди, чем оказались на самом деле. Мне было неизвестно, нанимали вы Шеппи или нет, теперь я знаю, что да. Когда я звонил вашему секретарю, то был уверен, что вы не примете меня. Стоит ли человеку в вашем положении тратить время на мелкого сыщика, если, конечно, этого человека что-то серьезно не беспокоит?

Не дает, как говорится, уснуть по ночам... Но вы рассудили иначе: вам не терпелось выяснить, что же я все-таки знаю. И вы приняли меня в обход других, куда более важных посетителей, ожидавших уже несколько часов. Тогда я понял: вы чего-то боитесь, так боитесь, что страх мешает вам трезво рассуждать. Но вам повезло: я знаю очень мало, и вы убедились в этом. И вы решили не церемониться со мной и, чтобы я больше не мозолил вам глаза, как следует припугнуть. Для этого вам понадобилась ваша дрессированная горилла. Но я не собираюсь доставлять вам удовольствия и не уеду из города, пока не разберусь в гибели друга.

Криди продолжал невозмутимо сидеть в кресле. Его лицо оставалось бесстрастным, тонкие длинные пальцы по-прежнему протирали линзы очков.

– Вы все сказали? – спросил он.

– Почти. Я уверен, что Шеппи был нанят именно вами, что ему удалось докопаться до чего-то очень опасного для некоторых лиц. Поэтому его и убрали. В ваших руках должен быть ключ, который наведет полицию на след убийцы. Но вы молчите, вы не желаете быть замешанным в это грязное дело. Иначе вас спросят, зачем вам понадобилось нанять Шеппи. У меня есть опыт ведения дел с миллионерами. Если они решают нанять частного сыщика из другого города, значит, дело настолько деликатное, что местным детективам о нем лучше не знать. Я не знаю, найдет ли полиция убийцу, но я, во всяком случае, постараюсь это сделать. Теперь все.

Можете не звать лакея, я сам найду выход.

Поднявшись, я пошел к двери. За спиной послышался женственный голос Криди:

– Я предупредил вас, мистер Брэндон, теперь пеняйте на себя.

3

По дороге в гостиницу я размышлял о встрече с Криди.

Я был доволен ее результатами: ясно, что клиентом Шеппи мог быть только он. Но все же оставалась непонятной причина смерти Джека: убили его потому, что он раскопал что-то, работая по заданию Криди, или его прикончил из ревности какой-нибудь гангстер. Мысленно я проклинал его страсть к амурным делишкам, из-за которых моя задача становилась вдвойне сложнее. Я был рад, что договорился о встрече с Тимом Фултоном. Нередко озлобленные служащие выбалтывают много интересного о своих бывших хозяевах, а именно информации мне сейчас и недоставало.

Я ехал по городу не спеша, и, когда минут через сорок добрался до гостиницы, у подъезда стояла полицейская машина.

При моем появлении дверца автомобиля распахнулась, и Кенди тяжело двинулся в мою сторону, старательно работая на ходу челюстями.

– С тобой желает говорить капитан Кетчен, – произнес он,

останавливаясь в яре от меня. – Поехали?

– А если я не желаю?

– Поехали, – не меняя интонации, повторил он. – Мне приказано привести тебя силой, если будешь упрямиться.

– Он не сказал, что ему нужно?

– Если бы этот вопрос задал кто-нибудь другой, я подумал бы, что передо мной идиот. Но тебе я прощаю – ты незнаком с нашими порядками.

Решив не связываться с полицией, я направился к машине и устроился с Кенди на заднем сиденье. Полицейский, сидевший за баранкой, рванул машину с места и с бешеной скоростью помчался по улицам.

– Капитан не делится с подчиненными своими мыслями, ты это хочешь сказать?

– Вот именно, – ответил Кенди. – Если не хочешь остаться на всю жизнь калекой, смотри в оба, когда будешь у нас в управлении. Не болтай языком, если тебя не спрашивают, отвечай на вопросы быстро и правдиво. Веди себя так, будто ты в церкви.

– У капитана вспыльчивый характер?

Кенди кисло усмехнулся:

– Вот сейчас ты говоришь со смыслом. Капитан Кетчен и впрямь немного вспыльчив. Так ведь, Джо?

Водитель сплюнул в окошко.

– Как медведь с чирьем на заднице, – сказал он.

Кенди затрясся от смеха.

– Джо любит поболтать о капитане, когда того нет поблизости. При капитане из него не вытянешь и слова.

Джо снова сплюнул:

– Что делать! Человек должен есть, а у меня и так всего восемь зубов осталось.

– Шутник! – Кенди достал сигарету и закурил. – В общем, смотри, не болтай понапрасну.

– Убийцу еще не нашли? – спросил я.

– Пока нет, но найдут. За последние десять лет у нас уколошили пять человек, но преступники будто в воду канули, ни одного не поймали. Надо же и нам когда-нибудь отличиться. Вот мы и будем стараться на этот раз. Правильно я говорю, Джо?

– Поживем – увидим, – уклончиво ответил Джо. – Людей у нас, конечно, хватает, и есть неплохие ребята. Наши инспектора могут раскопать любое дело, если захотят, но им почему-то всегда не везет. Они могут найти убийцу, но я не стал бы спорить на получку, что его обязательно найдут.

– Вот так-то, – сказал Кенди, широко улыбаясь, хотя в его глазах я не заметил особой радости.

– А что думает об этом капитан Кетчен?

– Никто не задает капитану дурацких вопросов: его мысли – тайна для всех. Он всегда немного обижается, когда его просят поделиться ими. На твоём месте я не стал бы обижать малыша.

Мы проехали еще с полмили, прежде чем я спросил:

– Нож вы тоже не нашли?

Кенди отрицательно покачал головой:

– Нет. Лейтенант считает, что убийца забрал его с собой.

Возможно, так оно и было, но на получку Джо я спорить не стал бы: его могли зарыть, на пляже сколько угодно песка.

– А тело девушки?

– Искали, но не нашли. Я так и знал, что не найдут. Лейтенант думает, что она успела удрать еще до того, как прикончили твоего дружка.

– Может, она его и убила?

В машине было душно, и Кенди пыхтел от жары.

– Нет. Удар был такой силы, что вряд ли это сделала женщина.

– Женщины не такие уж слабые создания...

Кенди докурил сигарету и выкинул ее в окно.

– Не стал бы я спорить на твою получку.

Машина остановилась возле полицейского управления. Мы поднялись по лестнице. Воздух был густо напоен специфическим казенным запахом.

– Не лезь на рожон, – еще раз предупредил меня Кенди. – Думай не только о себе, но и о других. Капитану ничего не стоит впасть в ярость, и тогда достается всем его подчиненным.

Он постучал в дверь и замер в ожидании.

– Что надо? – прогремел изнутри голос, показавшийся мне таким же нежным и приятным, как звук сирены, завывающей вдали.

вающей на кораблях во время тумана.

Кенди нерешительно передернул плечами; улыбка на его лице была робкой и подобострастной. Повернув ручку, он открыл дверь и вошел в небольшую, неряшливо обставленную комнату, полную табачного дыма.

– Лу Брэндон, сэр.

За обшарпанным столом, положив перед собой волосатые руки, сидел громадного роста грузный мужчина. Он был не первой молодости, но еще в хорошей физической форме. Его жиденькие седые волосы были словно прилизаны коровой. На тяжелом лице, отталкивающем своей жестокостью, сверкали устремленные на меня глаза.

Кенди прикрыл за нами дверь, обращаясь с нею осторожно, будто она была сделана из яичной скорлупы.

– Брэндон? – переспросил Кетчен, яростно ткнув сигарой в пепельницу. Потерев ладонью щеку, он продолжал: – Когда ты уберешься из города?

– Не знаю, – стараясь говорить мягко и вежливо, ответил я. – Возможно, через неделю.

– Что собираешься делать здесь еще целую неделю?

– Знакомиться с достопримечательностями, ходить с девушками на пляж, загорать и купаться.

Он вряд ли ожидал подобного ответа.

– И ты не собираешься совать нос в чужие дела?

– Конечно, мне интересно знать, как лейтенант Ренкин ведет следствие, – сказал я, – но я уверен, он прекрасно спра-

вится и без моей помощи.

Кетчен откинулся в кресле, спинка кресла жалобно закрипела.

– Что-то слишком мягко ты стелешь... – Несколько секунд он подозрительно смотрел на меня. – Я не люблю чужих ищеек в наших краях. Когда мне удастся их поймать, я беру их к ногтю.

– Охотно верю, капитан.

– Да? Не думай, что сумеешь меня одурачить. Сунься разок в это дело – и будешь всю жизнь вкалывать на лекарства. Понял?

– Да, капитан.

На лице у него появилась издевательская ухмылка:

– Значит, все понятно? Так-так... Запомни, о чем я предупреждал тебя. Держись подальше, не лезь куда не следует – и, может, ты выберешься отсюда целым и невредимым. Не появляйся больше в моем управлении. Если ты выкинешь какую-нибудь штуку и тебя притащат сюда, ты надолго запомнишь нашу вторую встречу. Я все сказал. Не забудь мои слова, повторять не буду. Попробуй обмануть меня – и тобой займутся мои ребята. – Он глянул на Кенди: – Забери эту трусливую мразь, пока меня не вырвало от ее вида.

Кенди тяжело оторвался от стены и распахнул дверь.

Кетчен угрожающе поднял палец и ткнул им в мою сторону.

– Держись подальше от этого дела, не то...

Я шагнул к двери, затем остановился и сказал:

– Можно задать вам один вопрос, капитан?

Кончиком языка он облизал толстые, похожие на пористую резину губы.

– Какой вопрос?

– Вызвать меня в управление предложил Ли Криди?

Его глаза сузились, огромные волосатые пальцы сжались в кулаки.

– Ты это о чем?

– Мистер Криди нанял моего компаньона Шеппи. Я не знаю, что он ему поручил, но Шеппи убили. Если дело касается убийства, в суд принято вызывать свидетелей, а Криди не очень-то хочется быть одним из них. Тогда ведь придется объяснять, для чего он нанимал частного сыщика. Я виделся с ним, и он заявил, что не знает никакого Шеппи. Он пробовал даже припугнуть меня своим наемным бандитом Херцем. Но, видно, он не очень доверяет ему, если обращается еще в полицию.

В наступившей тишине было слышно, как Кенди тяжело перевел дыхание.

Кетчен побагровел. Медленно, очень медленно он поднялся на ноги. Я наблюдал, как он приближается ко мне.

– Значит, я еще не вытряс из тебя твою подлую душонку, – произнес он сквозь зубы. – Ну, хорошо, у меня есть кое-что про запас...

Я ожидал удара и успел немного отклониться в сторону.

Этим я частично ослабил его силу, и все же в голове у меня зазвенело, и я чуть не упал.

Когда через некоторое время я с трудом выпрямился, темно-багровое от застоявшейся крови лицо Кетчена было в нескольких дюймах от моих глаз.

– Ну, а теперь, – злобным шепотом произнес он, – попробуй, ударь меня!

Соблазн заехать ему в скулу был велик. По собственному опыту я знал, что люди такого телосложения часто не выдерживают удара в эту часть лица, если он нанесен достаточно точно. Но я понимал, что он ждет от меня неосторожного шага: стоило мне замахнуться, и я моментально угодил бы в кутузку, где со мной расправились бы его молодчики.

И я не шелохнулся. Некоторое время мы смотрели друг другу прямо в глаза. Потом, отступив назад, он заорал, обращаясь к Кенди:

– Убери эту грязную собаку, пока я ее не прикончил!

Кенди не мешкая схватил меня за руку и поволок из комнаты. За дверью он отпустил меня.

– Что я тебе говорил, идиот! Теперь ты действительно заварил кашу! Убирайся!..

Я потрогал лицо: щека моя нестерпимо ныла.

– Хотел бы я встретиться с этой обезьяной где-нибудь в темной аллее. До свиданья, сержант, нелегкая у тебя служба!

Я быстро зашагал по коридору и, распахнув дверь, вышел на залитую солнцем улицу.

Глава четвертая

1

Бар Сэма, расположенный в сравнительно малолюдной, не посещаемой фешенебельной публикой части городского «променада», представлял собой большое деревянное сооружение, воздвигнутое на стальных сваях возле самой кромки берега.

Вблизи на автостоянке ожидали своих владельцев десятка три машин, среди которых не было ни дорогих «кадиллаков», ни «клипперов». Стоянка была бесплатной – так объяснил мне улыбчивый пожилой сторож.

Внутри бара, образуя букву «Г», тянулась вдоль стен стойка с напитками. На другой стойке, оборудованной дюжиной электрических вертелов, жарилась дюжина сочных цыплят. Не более десятка посетителей, взгромоздившись на высокие стулья, пили пиво и закусывали пиккулями.

На другом конце бара я увидел двойные двери, которые вели на веранду, обнесенную перилами и защищенную от солнца зеленым навесом. Там, около столов, толпились люди. Поскольку я настроился на серьезный разговор с Тимом Фултоном, присоединяться к ним не было смысла, и я решил

остаться в полупустом баре.

Подумав, не на веранде ли Фултон, и убедившись, что там его нет, я выбрал столик в углу возле открытого окна и заказал подошедшему официанту бутылку виски и льда.

Вскоре появился и Тим Фултон. Он был в мешковатых фланелевых брюках и голубой сорочке с расстегнутым воротничком. Пиджак был переброшен у него через плечо. Осмотревшись по сторонам и увидев меня, он широко улыбнулся и устремил многозначительный взгляд на бутылку.

– Флаг уже поднят, начинаем бал? – пошутил он. – Не хватило терпения дожидаться меня!

– Все в целости и сохранности, – ответил я. – Бутылка еще не открыта, садись. – Ну, как чувствуешь себя, свободный человек?

– Тебе не понять, ты всего этого не натерпелся. Мне следовало бы сходить к психиатру, может, он объяснит, какого черта я столько времени торчал там. – Он пощелкал ногтем по бутылке: – Долго мы будем любоваться ею?

Я налил виски и бросил по кубику льда. Мы коснулись стаканами, словно боксеры перчатками, и кивнули друг другу. После бесед с Криди и Кетченом холодное виски оказалось для меня как нельзя кстати.

Закурив, мы устроились поглубже в плетеных креслах, и наши лица озарились блаженными улыбками.

– Неплохо, а? – произнес Фултон. – Что может быть лучше, чем сидеть на берегу моря и пить хорошее виски! О чем

еще может мечтать человек? Приятно, конечно, если рядом красивая женщина, но отдыхать мужчины должны в обществе мужчин. И вот почему: женщины много болтают, виски – великий немой. В общем, дружище, мысль у тебя появилась отличная.

Я скромно заметил, что у меня всегда куча отличных мыслей.

– Есть у меня еще одна блестящая идея, – продолжал я. – Неплохо бы нам попробовать цыплят, которые так аппетитно жарятся. Но сначала выпьем еще немного.

– Согласен. Скажу по секрету, цыплята – это самое вкусное, что есть у Сэма. Ты можешь, конечно, пойти в дорогой ресторан или, скажем, в «Клуб мушкетеров». Там тоже недурно кормят – цыплят подают полдюжины официантов с серебряными вилками и орхидеями. Но и счет принесут такой, что глаза на лоб повылазят. Здесь обслуживание похуже, но, боже ты мой, до чего они вкусно их готовят! И дешево, – добавил он и, допив виски, со вздохом поставил стакан. – Я бываю здесь два раза в неделю, иногда со своей девчонкой, но чаще один. Я чуть не подыхаю со смеха, когда думаю, что все эти денежные мешки ходят в свои изысканные кабаки, где их обдирают, как липку, а кормят нисколько не лучше. И забавнее всего, что ни один из них не сунет сюда своего носа. Что ты! Его дружки, такие же толстосумы, могут подумать, что он еще недостаточно набит деньгами, а таких за людей в этом городе не считают.

Я снова налил виски.

– Но... И почему всегда возникает это проклятое «но»?.. – сказал он, покачивая головой. – Но и здесь стало хуже. Год назад сюда приходили простые парни и девчонки, все было спокойно и тихо. Потом о заведении Сэма пронюхала городская шпана, узнала, что здесь можно отлично выпить и закутить. Неподалеку в заливе стоит на якоре яхта, там забавляются рулеткой и прочими азартными играми. Этот плавучий притон притягивает к себе всяких подонков, как падаль – навозных мух. На прошлой неделе я разговаривал с Сэмом. Он говорит, что дела его идут не блестяще. В баре полно хулиганов, и он ничего не может с ними поделать. Как-то они затеяли драку, пустили в ход ножи. Сэм, правда, утихомирил их, но все равно завсегдатаев становится все меньше. Еще одна потасовка – и порядочной публики здесь не останется.

Я согласился, что перспективы у Сэма действительно не из приятных. Мой взгляд упал на кучку здоровенных парней в кричащих одеждах, околачивавшихся возле стойки.

– Букмекеры, – сказал Фултон, проследив за направлением моего взгляда. – Пока они трезвые – их можно не опасаться. Настоящие гангстеры придут позднее. – Он закурил еще одну сигарету и пододвинул пачку ко мне. – Ну, ладно, хватит о них. Как у тебя обошлось со стариком?

– Не часто встречаешь людей с таким мерзким взглядом, – ответил я. – Да и в кабинетах таких мне еще не приходилось бывать. Не сладко, наверное, у него работать!

– Золотые слова! Вот я и раздобыл себе работенку полегче: буду теперь возить старушку по магазинам, носить для нее сумку и всячески улаживать. Мне эта старушенция нравится. Может, у меня и язва пройдет, которую я заработал у Криди.

– Кстати, о старушенциях. – сказал я. – Что ты можешь рассказать мне о Херце?

На лице Фултона появилась гримаса отвращения:

– Ты решил испортить мне вечер? Откуда ты знаешь его?

– Он был с Криди, когда я пришел туда. Он показался мне талантливым головорезом. Что у него общего с Криди?

– Херц его телохранитель, – сказал Фултон. – Если Криди приказывает ему расправиться с кем-нибудь, Херц с удовольствием выполняет поручение.

– Зачем Криди нужен телохранитель?

Фултон пожал плечами:

– Чем богаче эти скоты, тем больше они о себе думают. Им постоянно кажется, что их собираются ограбить или убить. Ты спрашиваешь, зачем ему телохранитель... А для чего, спрошу я тебя, ему нужны таблички на автостоянке? Так, для важности. Попробуй найми себе телохранителя, и все будут думать, что ты тоже важная птица. Криди чудит, но ты не думай, что это безобидный старик. Он опасный, очень опасный человек. Гангстеры, которые приходят в этот бар, ему в подметки не годятся, хотя в карманах у них ножи и револьверы. Криди – хозяин этого города, он делает все, что

хочет. Захотел иметь плавающий притон – и вот, пожалуйста, в заливе стоит яхта. Ему наплевать, что в городе из-за нее полным-полно уголовников, он, видите ли, привлекает туристов. А все доходы от азартных игр делит с другими владельцами.

– Херц действительно такой отъявленный негодяй, каким кажется?

– Да. – Фултон кивнул. – У Криди все первосортное. Если он нанимает гангстера, это должен быть стопроцентный бандит. Честно говоря, я побаиваюсь Херца, у него с головой не все в порядке.

Я подумал, что в этом отношении Херц мало отличается от капитана Кетчена.

– Ты читал, что сегодня утром на пляже Бэй-Бич убили одного парня?

– Я видел что-то в вечерней газете, – ответил Фултон. – А что тебе до него?

– Этот парень был моим компаньоном. Я думаю, что пару дней назад он заходил к Криди. Ты случайно не видел его там?

– Заходил к старику? Возможно, я его и видел. На этой неделе я почти все время дежурил у ворот. Как он выглядел?

Я дал подробное описание Шеппи. Он был огненно-рыжим, и я не сомневался, что, если Фултон встречал его, ему не составит труда припомнить. Я оказался прав.

– Конечно, – ответил он. – Высокий парень с рыжими во-

лосами. Так-так... Его проверял Логан. Я в это время стоял у шлагбаума и фамилию не расслышал.

– Ты не ошибаешься? Если, предположим, тебя вызовут в суд, ты сможешь показать под присягой, что это был он?

– Конечно, я могу поклясться. Он приезжал во вторник. Высокий рыжий парень с короткой стрижкой. Я, как сейчас, вижу его в сером костюме за баранкой «бьюика».

Упоминание о машине окончательно убедило меня, что Джек виделся с Криди. Теперь необходимо было выяснить, что побудило их к встрече. Я не обманывался в том, что это окажется нелегким делом.

– Значит, его убили? – спросил Фултон, глядя на меня с любопытством.

– Да. Полиция думает, что его прикончил из ревности какой-нибудь шалопай. Вполне вероятно, что так оно и было: Джек любил таскаться за девчонками.

– Ты говоришь – «полиция думает». Ты был у них, что ли?

– Меня вызывал капитан Кетчен. По этому мерзавцу, должно быть, давно скучает виселица.

– Верно, он порядочная скотина. Капитан иногда заходит к Криди за своей долей. Раза четыре в год. Ты не поверишь, сколько грязных притонов развелось у нас, а Кетчен делает вид, что ничего не замечает.

– И Криди тоже на этом греет руки?

– Я же сказал тебе, что у него в руках весь город. Может, он и не хозяин всех этих кабаков, но, будь уверен, доход от

них он получает немалый. Кетчену тоже перепадает кусок.

– У него есть жена?

– У кого? У Криди? Он был женат четыре раза, а может быть, и больше. Его последняя женушка – Бриджетт Бленд, бывшая кинозвезда. Видел ее когда-нибудь?

– Видел, но давно. Кажется, она была красотка по всем статьям.

– На нее и сейчас стоит посмотреть. Но она не идет ни в какое сравнение со своей падчерицей. Вот та действительно красотка! Такой куколки я никогда не встречал, хотя в жизни своей перевидал немало всяких.

– Она живет с ними в одном доме?

Фултон отрицательно помотал головой:

– Нет. Раньше они жили вместе, но мачеха ее выжила. Из зависти. Когда у старика бывали гости, на нее никто не смотрел, все внимание доставалось Марго. Ни одна женщина не потерпела бы этого. Они непрерывно ссорились, и в конце концов Марго собрала вещички и съехала. Сейчас она живет в квартире на бульваре Франклина. Говорят, что старик привязан к ней и очень скучает. Мне тоже без нее было тоскливо: как-никак, а в том проклятом доме с ней одной можно было иметь дело. От Бриджетт у меня начиналась зубная боль: чуть услышу, как она брюзжит или ругается после бессонной ночи, так зубы ноют.

Я начинал узнавать полезные вещи.

В нашем распоряжении оставался еще целый вечер, и под-

гонять ход событий не имело смысла. Поэтому я перевел разговор на предстоящий чемпионат мира по боксу и терпеливо ждал, пока Фултон не выскажет все свои соображения по этому важному вопросу. Потом мы перешли к спортивным играм и наконец плотно застряли на самой старой, но в то же время самой интересной теме – о женщинах.

Было около девяти, когда мы разделались с бутылкой виски. Солнце село, оставив на потемневшем небе огромные красные пятна.

Я подозвал официанта и велел ему принести заказанных мною цыплят. И Фултон, и я почувствовали себя приятно захмелевшими, в отличном настроении. Мы правильно сделали, что пили не спеша – медленно посасывали виски, как это и подобает делать с добрым шотландским напитком. Иначе мы были бы сейчас совершенно пьяны.

За окном в сгустившейся тьме сверкал огнями Сан-Рафел. В эту минуту он мне казался чуть ли не самым чудесным местом на земле.

– А Бриджетт ладит со старым хрычом?

Фултон пожал плечами.

– А кто с ним ладит? У него на уме одни деньги, на женщин ему наплевать. Развлекается она с другими.

– С кем, например?

Фултон хихикнул:

– Есть у нее один канадский француз – Жак Трисби. На вид – красавчик, а по уму и повадкам – примитивное живот-

ное.

Я смотрел в окно, прислушиваясь к тому, что говорит Фултон, и не сразу обратил внимание на подошедшего к нашему столику человека. От выпитого виски рефлексy мои были замедлены, и я решил, что это официант принес нам заказ. Потом я услышал, что у Фултона внезапно перехватило дыхание, как это бывает с сильно напуганным человеком. Я быстро обернулся.

Возле нас, пристально глядя на меня маленькими безумными глазками, стоял Херц. За ним, образуя полукруг, застыли четверо рослых смуглых парней, преграждавших дорогу к выходу.

2

Шум в баре неожиданно стих, и все присутствовавшие обернулись в нашу сторону.

Я находился в неудобной позиции: мое кресло было примерно в футах от стены, и от Херца меня отделял лишь небольшой стол. У Фултона за спиной не было стены, и положение его было несколько лучше.

Посетители бара определенно ожидали потасовки. Самые благоразумные во избежание ненужного риска устремились к выходу с выражением паники на лицах.

В наступившей тишине сиплый голос Херца прозвучал громко и отчетливо:

– Ты не забыл еще меня, собака? Я не люблю шпионов, и сейчас ты в этом убедишься!

Краешком глаза я заметил, как негр в белом фартуке и жилетке, с фигурой Джо Луиса вышел из-за стойки и быстрой походкой направился к нам. На его помятом широко-скулом лице застыла извиняющаяся улыбка. Он пересек бар, обошел стороной четырех парней и буквально через мгновение оказался рядом с Херцем.

– Не устраивайте нам беспорядков, босс, – вежливо сказал он Херцу. – Если вам нужно побеседовать с друзьями, идите на улицу. И вам, и нам будет спокойней.

Медленно обернувшись, Херц посмотрел на негра. В его глазах засверкали крошечные красные искорки, плечо слегка подалось назад, и в следующий миг я услышал оглушительный звук, будто мне самому съездили в барабанную перепонку: негр отлетел в сторону и очутился на четвереньках на полу.

Все это заняло какие-то доли секунды. Не мешкая, я навалился всей тяжестью на стол, толкнув его на Херца, который после нанесенного им удара еще не успел восстановить равновесие. Он откатился назад, налетев на двух своих спутников и освободив, таким образом, для меня некоторое пространство, где я мог маневрировать относительно свободно.

Вскочив на ноги, я ухватился за стул. Фултон тоже вооружился стулом. Не особенно раздумывая, он с размаху опустил его на голову ближайшего гангстера, и тот словно под-

кошенный рухнул вниз.

Два здоровенных вышибалы – белый и негр – появились в дверях и, держа наготове дубинки, бросились к ним. Они схватились с тремя бандитами, оставив меня и Фултона лицом к лицу с Херцем.

Я ударил его стулом по голове, и он, пошатнувшись, издал рычащий звук и яростно устремился на меня. Не отступи я назад, Херц, возможно, схватил бы меня, но я изловчился и с размаху двинул кулаком в его рожу. Я был уже на достаточном расстоянии от него, когда меня чуть не сбил с ног один из вышибал, и я угодил прямо на Херца.

Прежде чем тот успел что-либо предпринять, я схватил его за кисть обеими руками, повернулся на пол-оборота и, закинув его руку за плечо, изо всех сил рванул вниз. Он перелетел через мою голову со скоростью реактивного снаряда и с грохотом шмякнулся на пол.

Быстро обернувшись, я стал искать Фултона. Тот стоял, прислонившись к стенке, и прижимал к лицу платок. Ноги его еле держали.

– Скорее отсюда, скорее! – закричал я, подбегая к нему.

Один из оказавшихся рядом со мною гангстеров взмахнул кастетом, который со свистом рассек воздух в дюйме от моего уха. Ударом правой, пришедшимся ему ниже пояса, я сбил его с ног и, схватив Фултона, потащил к выходу.

Нам предстояло пройти по ярко освещенным мосткам, по обеим сторонам которых плескалась вода, к автостоянке на

берегу, тоже залитой светом.

Фултон был плох, он еле плелся, а Херц со своими гангстерами мог появиться в любой момент.

– Убегай! – простонал он. Я больше не могу! Уходи, пока они тебя не прикончили!

Я перекинул через плечо руку Фултона и, поддерживая его свободной рукой, потащил по мосткам. Вскоре за моей спиной раздался топот, и я, отпустив Фултона, приготовился встретить Херца.

– Беги! – крикнул я своему товарищу. – Я задержу эту обезьяну!

Мне пришлось легонько подтолкнуть его, и, когда он, шатаясь, заковылял прочь, Херц был уже около меня.

Он двигался с быстротой и ловкостью профессионального боксера, но я все же успел занять положение, при котором свет от фонаря падал ему прямо на глаза. Не помня себя от неистовой ярости, он бросился на меня, но я неожиданно присев на корточки и обхватив руками его толстые бедра, перебросил через себя. Он катился по скользким доскам, когда я, вскочив на ноги, помчался вперед.

– Эй, Брэндон, сюда! – окликнул меня Фултон из моего «бьюика», мотор которого был уже заведен, и я, добежав до машины, буквально упал на место водителя, включил передачу и надавил на педаль акселератора.

Херц был в двадцати ярдах от нас с искаженным от бешенства лицом, когда машина рванулась с места. Мы пулей

вылетели с автостоянки, чудом не задев ворота, и выехали на бульвар. Не сбавляя скорости, я свернул на боковую улицу и лишь в конце ее немного притормозил.

– Болит? – спросил я Фултона.

– Переживу как-нибудь, – ответил он.

– Где тут ближайшая больница? Я отвезу тебя.

– Третий поворот налево, потом прямо с полмили.

Я прибавил скорость, и минут через пять мы остановились у входа в отделение «Скорой помощи».

– Теперь я справлюсь сам. – Он вылез из машины. – Надо быть идиотом, чтобы трепать языком, как я. Черт меня дернул связаться с тобой!

– Прости. Кто мог ожидать, что наша встреча кончится так печально. Ты можешь подать в суд на Херца – свидетелей было достаточно.

– Из этого ничего не выйдет. Самому же себе сделаешь хуже. Нет уж, с меня довольно. Я собираю вещички и смаываюсь отсюда. – И он нетвердо заковылял прочь.

Я подождал, когда он исчезнет в дверях, потом развернулся и быстро поехал в гостиницу.

3

Отдохнув в приятной тишине своего крохотного номера и обмыв под душем синяки, я вспомнил, что так и не успел поужинать, и, позвонив по телефону, попросил принести мне

сэндвичи с индюшкой и пинту охлажденного на льду пива.

В ожидании еды я вытянулся на кровати и подвел итог своей деятельности за прошедший день.

Я чувствовал, что сунул палку в осиное гнездо. Теперь у меня были все основания опасаться за свое будущее, если, конечно, я не решусь отказаться от всей этой затеи.

Рано или поздно мне вновь придется встретиться с Херцем, и я знал, что в следующий раз не удастся отделаться синяками и фонарем под глазом.

Если даже мне повезет и я сумею избежать повторной встречи с Херцем, оставался еще Кетчен. Стоило последнему заподозрить, что я продолжаю расследование, и он не замедлит сфабриковать какое-нибудь липовое обвинение, чтобы упрятать меня за решетку. И я отдавал себе отчет в том, что пребывание в городской тюрьме не будет похоже на веселый загородный пикник.

Очевидно, мне была необходима протекция какого-нибудь высокопоставленного лица, но к кому обратиться за помощью, я не имел ни малейшего представления. Да и был ли в этом городе кто-нибудь могущественней Криди, кто мог бы приказать полицейскому капитану оставить меня в покое? Это представлялось маловероятным.

Покончив с общими рассуждениями, я перешел к конкретным фактам, которые мне удалось установить. Не оставалось сомнения в том, что Криди нанимал Джека. Криди финансировал в этом городе некоторые сомнительные заве-

дения, владельцами которых являлись гангстеры. Он женат, и жена изменяет ему с неким Жаком Трисби. У него есть дочь Марго, живущая отдельно на бульваре Франклина, которую он продолжает любить. Я достал телефонную книгу и, полистав, выяснил, что ее квартира находится в доме под названием «Франклин армз». Когда я клал книгу обратно, послышался стук в дверь и в номер вошел слуга с сэндвичами и пивом. Он с любопытством уставился на мой подбитый глаз, но ничего не сказал – это была деликатность, которую я высоко оценил, поскольку вдаваться в разговор мне совершенно не хотелось.

Подождав, когда он уйдет, я слез с постели и, усевшись в единственное кресло, принялся за еду.

Кто-то принес вещи Джека в мой номер, аккуратно сложив в углу. При виде этих вещей я вспомнил, что до сих пор не написал его жене. Закурив, я взял со стола лист бумаги и начал трудиться над письмом, которое закончил лишь к половине одиннадцатого. Я сообщал, что решил выделить ей часть денег, чтобы как-то компенсировать утрату мужа. Зная, что она будет торговаться озлобленно и нудно в надежде вытянуть из меня все, что возможно, я умышленно немного занизил сумму. Она никогда не питала ко мне симпатии, и ее все равно не устроило бы, сколько бы я ни предложил.

Заклеив конверт, я бросил его на туалетный столик, чтобы отправить утром.

Потом я открыл чемодан Джека. Мне хотелось убедиться,

что там нет ничего компрометирующего его в глазах супруги. Решение мое оказалось совершенно правильным: в чемодане оказались фотографии и письма, просмотрев которые я понял, что он дурачил ее весь последний год. Я порвал их и бросил в мусорную корзину.

Потом я перебрал остальные вещи, находившиеся в чемодане. Под внутренней обивкой я обнаружил пакетик отрывных спичек – из тех безделушек, которые рестораны и ночные клубы раздают посетителям в качестве сувениров. Пакетик был обтянут темно-красным шелком, на котором золотыми буквами были вытиснены два слова: «Клуб мушкетеров». Ниже стоял номер телефона.

Я задумчиво вертел пакетик между пальцами. По словам Гривса, сыщика из «Адельфи-отеля», «Клуб мушкетеров» был самым изысканным и дорогим в городе, и мне было непонятно, каким образом спички могли оказаться у Джека. Я хорошо знал своего компаньона и был совершенно уверен, что, не будь на то настоящей необходимости, связанной с работой, он ни за что не пошел бы в ночное заведение столь высокого класса. Джек умел ценить заработанные им деньги и развлекался со своими спутницами в местах поскромнее.

Не на шутку заинтригованный загадочным пакетиком, я забрал его с собой и, выйдя из номера, спустился в вестибюль.

На мой вопрос, где Гривс, клерк за конторкой дежурного администратора ответил, что он у себя в кабинете.

– Что у вас с глазом, мистер Брэндон? Дорожное происшествие? – спросил он.

– В этой гостинице нахальная прислуга, – с достоинством ответил я. – Попросил принести ужин ко мне в номер, и официант ударил меня сэндвичем в глаз... Но это пустяки, мне не привыкать к подобному обслуживанию.

Оставив его с недоуменно разинутым ртом, я спустился по лестнице и оказался в комнатухе Гривса, по размерам напоминавшей шкаф. Сыщик, сидевший за крохотным столом, раскладывал пасьянс и при моем появлении поднял глаза.

– Кому-то не понравилась твоя физиономия? – без особого интереса спросил он.

– Угу, – лаконично ответил я и, наклонившись вперед, бросил перед ним пакетик со спичками.

Нахмурившись, Гривс вопросительно приподнял брови:

– Откуда он у тебя?

– Нашел в чемодане у Шеппи.

– У Шеппи? Но он никогда не был в клубе, могу поспорить на доллар. Без денег и знакомых он не прошел бы дальше вышибал.

– Ни малейшего шанса?

– Ни одного из десяти миллионов.

– А если его кто-нибудь провел? Это ведь разрешается?

Гривс утвердительно кивнул:

– Разрешается. Член клуба может привести кого хочет.

Однако, если другим гость не понравится, виновного могут

исключить из членов. Так у них заведено.

– Мог он где-нибудь найти спички?

Гривс неопределенно пожал плечами.

– Я впервые их вижу. Не думаю, что завсегда и клубы пользуются такими спичками: это негигиенично, они могут подцепить микробы своими аристократическими белыми пальчиками. Наверное, кто-то провел туда твоего дружка, и он прихватил спички с собой: вот, мол, и я там был. Если человек любит бахвалиться, почему бы ему не позабавиться этой шуткой?

– У тебя нет случайно списка членов клуба?

Он криво усмехнулся, бочком вышел из-за стола и подошел к шкафу. Порывшись, он протянул мне небольшую брошюру в переплете из темно-красного шелка с такой же надписью, что и на моем пакетике спичек.

– Я нашел ее в одном из номеров гостиницы «Ритц-Плаза» и взял на всякий случай: авось пригодится когда-нибудь. Список устарел года на два.

– Я верну его тебе, – сказал я, забирая со стола спички и засовывая брошюру в карман. – Спасибо.

– Кто тебе поставил фонарь?

– Ты его не знаешь, – ответил я. – Добрый, но нервный малый. – И вышел из кабинета.

В вестибюле, отыскав уголок поспокойнее, я сел в кресло и начал просматривать список. Всего в нем было около пятисот фамилий. Четыреста девяносто семь из них мне ниче-

го не говорили, три фамилии привлекли мое внимание: Бриджетт Криди, Жак Трисби и Марго Криди.

Закрыв брошюрку, я легонько похлопал ею по руке.

Несколько минут я сидел задумавшись, потом у меня появилась идея, и я стал размышлять более целеустремленно. Идея не была блестящей, но попробовать, во всяком случае, не мешало.

Я узнал у швейцара, где находится бульвар Франклина, спустился по лестнице и пошел к своему «бьюику».

Глава пятая

1

«Франклин армз» оказался чопорным аристократическим домом, в котором могли жить лишь сливки общества. Число квартир в нем, вероятно, не превышало тридцати. Перед домом был подсвеченный разноцветными лампами фонтан со скульптурной копией «Мальчика с дельфином» Донателло. На ухоженных клумбах росли небесно-голубые петунии. В облике дома чувствовалось не меньше достоинства, чем у вдовствующей герцогини.

Поставив «бьюик» между серебристым «рейтом» и серебристо-розовым «роллс-ройсом» и пройдя через двери-вертушку, я очутился в отделанном дубом вестибюле. Вдоль стен в хромированных горшках пламенели гвоздики, а посередине в небольшом бассейне плавали золотые рыбки.

За конторкой в дальнем углу стоял высокий блондин в безукоризненном смокинге, с усталым, чуть презрительным выражением на красивом изнеженном лице.

– Мисс Криди, пожалуйста, – сказал я.

Потрогав свой безупречный галстук, он прошелся по мне взглядом карих глаз, оценивая с точностью до одного цента

стоимость моего костюма, галстука, сорочки и шляпы. Итог, как нетрудно было заметить по его лицу, был неутешительным для меня.

– Мисс Криди ожидает вас?

– Нет, но я только что беседовал с ее отцом и был бы признателен за возможность переговорить с нею. Меня зовут Лу Брэндон.

Он раздумывал в нерешительности, постукивая по полированной поверхности конторки кончиками наманикюренных пальцев. По напряженному выражению его глаз было видно, что мышление не являлось привычным для него занятием.

– Вы лучше напишите записку, и я передам, – сказал он наконец и, приподняв руку, взглянул на массивные золотые часы. – Для визита несколько поздновато...

– Вот что, красавчик, тебе не кажется, что я могу попортить твою внешность? Позвони мисс Криди, и пусть она сама решает.

Посмотрев на меня с удивлением и тревогой, холеный блондинчик открыл дверь за конторкой и исчез.

Не обратился бы он за помощью закона, подумал я. Если какой-нибудь не в меру усердный полицейский арестует меня по обвинению, что я докучаю элите Сан-Рафела, положение мое окажется незавидным.

Но волновался я понапрасну. Через пару минут блондин вновь появился в вестибюле и, с кислым видом показав на

автоматический лифт, коротко бросил:

– Третий этаж, седьмая квартира, – и повернулся ко мне спиной. Поднявшись наверх и пройдя коридор с дубовой облицовкой, я остановился возле нужной мне двери, из-за которой доносились приглушенные звуки музыки – по радио исполняли Моцарта. Я нажал на кнопку звонка, и через мгновение в отворившейся двери показалась пожилая женщина с приятным лицом, одетая в черное шелковое платье и белый, украшенный оборочками, фартук.

– Мистер Брэндон?

– Да.

Вручив ей шляпу, я прошел в небольшую прихожую, где находился лишь овальный стол, в центре которого красовалась серебряная ваза с орхидеями.

– Мистер Брэндон, – объявила горничная, открывая следующую дверь и пропуская меня вперед.

Я оказался в просторной гостиной. Около светло-оранжевых стен стояли такого же цвета кресла, пол был застлан мохнатым белым ковром.

Подле гигантской радиолы стояла высокая стройная девушка с шелковистыми пепельно-светлыми волосами. Ее глаза напоминали огромные черные фиалки. Это была хозяйка квартиры мисс Криди.

У нее была высокая грудь, красивые ноги и изящные, слегка округлые бедра. Стройность фигуры подчеркивало вечернее платье с глубоким вырезом. Нитка бриллиантов, свер-

кавших на шее, пробила, вероятно, осязательную брешь в банковском счете старого Криди: такие подарки принято делать в семьях миллионеров, когда дочерям исполняется двадцать один год. Довершали наряд усыпанные бриллиантами ручные часики и кольцо на мизинце с длинным плоским рубином в золотой оправе.

Я мог понять радость миссис Криди, когда ее падчерица выезжала из дома: соперничать с ней было действительно трудно.

– Прошу извинить меня за столь поздний визит, мисс Криди. Я не стал бы тревожить вас, если бы не чрезвычайно срочное дело.

Она чуть заметно улыбнулась. Это не было ни проявлением дружеского расположения, ни неприязню: подобной безличной улыбкой воспитанная хозяйка приветствует в своем доме незнакомца. Ни больше ни меньше.

– Оно имеет отношение к моему отцу?

– Боюсь, что нет. Признаться, я не рассчитывал, что вы согласитесь принять меня, и решил поэтому воспользоваться именем вашего отца.

Она смотрела мне прямо в глаза, и под ее вопросительным взглядом я почувствовал себя не совсем уверенно.

– Я возглавляю детективное агентство «Стар», – торопливо продолжал я. – Надеюсь, вы не откажетесь мне помочь.

Она нахмурилась, выражение ее лица стало чопорным и натянутым.

– Если я правильно поняла, вы – частный сыщик?

– Именно так. Я веду следствие, и вы, мисс Криди, можете мне серьезно помочь.

Взгляд ее стал совсем ледяным.

– Помочь вам? Извините, но я не понимаю, с какой стати я должна вам помогать?

– Конечно, вы не обязаны этого делать... Но ведь есть люди, которые считают своим долгом помогать друг другу. Разрешите мне в двух словах изложить суть дела, возможно, оно вас заинтересует.

В ее глазах я прочел нерешительность, но в конце концов она села, жестом предложив мне кресло.

– Пять дней назад, мисс Криди, – начал я, – мой компаньон Джек Шеппи приехал сюда из Сан-Франциско. Его вызвал клиент, отказавшийся сообщить свою фамилию нашей секретарше. Поскольку я в это время отсутствовал, Шеппи уехал один, оставив в записной книжке имя вашего отца.

Она внимательно слушала, и я заметил, что выражение отчужденности постепенно исчезает с ее лица.

– Шеппи телеграфировал мне и попросил срочно приехать в Сан-Рафел. Когда я прибыл, в гостинице его не оказалось: дежурный клерк сообщил, что он ушел на пляж. Спустя некоторое время явился полицейский и, узнав, что я компаньон Шеппи, попросил опознать его: он был убит сегодня в купальной кабине на пляже Бэй-Бич.

Теперь она смотрела на меня широко открытыми глазами.

– О да, я читала об убийстве в вечерних газетах. Но я не думала... Он был ваш компаньон?

– Да.

– Вы говорите, он записал в блокноте фамилию моего отца? – Она нахмурилась: – Странно, зачем ему это понадобилось?

– Не знаю, хотя, возможно, именно ваш отец и вызвал его по телефону.

Отведя в сторону взгляд, она начала играть рубиновым кольцом на мизинце. Мне показалось, что она слегка нервничала.

– Папа никогда не звонит сам. Если бы ему понадобились услуги сыщика, он сказал бы секретарю.

– Вопрос мог быть чересчур деликатным, – возразил я.

Она по-прежнему смотрела в сторону.

– Не знаю, но, так или иначе, ко мне все это отношения не имеет... Извините, мне пора уходить.

– Сегодня я виделся с вашим отцом, – сказал я, заметив, что в глазах у нее вновь появилось настороженное выражение. – Он заявил, что не знает никакого Шеппи. Ваш отец угрожал мне. Он вызвал телохранителя и велел расправиться со мной, если я буду совать нос в чужие дела.

На лице ее проступил легкий румянец!

– И все же мне непонятно, какое отношение убийство вашего компаньона имеет ко мне. Извините, мне действительно надо уходить. – Она поднялась.

– Я пытаюсь установить, что делал Шеппи, находясь в Сан-Рафеле, – сказал я, тоже вставая. – Мне удалось выяснить, что он был в «Клубе мушкетеров», но с кем он ходил, я не знаю. Вы член этого клуба, я прошу вас стать моим поручителем и провести меня. Мне необходимо навести справки.

Она глянула на меня так, словно я предложил ей совершить небольшую прогулку на луну.

– Это абсолютно исключено, – решительно заявила она, и тон ее подчеркивал невероятность подобного предложения. – Если даже вы попадете в клуб, – а у меня нет никаких намерений быть вашим поручителем, – никто не потерпит, чтобы вы наводили там справки.

– Я согласен с вами, мисс Криди, – попасть туда действительно нелегко. Но если бы все-таки я оказался в клубе, могу вас заверить, я получил бы ответы на многие вопросы.

Она нетерпеливо покусывала нижнюю губу.

– Но это невозможно. Извините, мистер Брэндон, я вынуждена просить вас уйти.

– Моя просьба – не каприз и не прихоть. – Я никак не хотел смириться с неудачей. – Было совершено убийство. У меня есть все основания полагать, что полиция и пальцем не шевельнет, чтобы отыскать преступника. Сегодня я разговаривал с капитаном Кетченом из отдела по расследованию убийств. Он пригрозил, что если я немедленно не прекращу расследование, то меня заставят пожалеть об этом. И это не было дурной шуткой: час назад меня пытались избить толь-

ко за то, что я задавал вопросы. Кое-кто в Сан-Рафеле хочет замять убийство. Шеппи был не только моим компаньоном, но и другом, и пусть никто не думает, что смерть его останется безнаказанной. Я прошу вас помочь мне, все, что мне нужно, это...

Протянув руку, она коснулась кнопки звонка:

– Это не мое дело. Мне жаль, но я не в состоянии помочь вам.

Дверь отворилась, и вошла горничная.

– Тесса, мистер Брэндон собирается уходить. Проводи его.

– Что же, по крайней мере, вы не пытались запугать меня тюрьмой, как капитан Кетчен, и не угрожали бандитами, как сделал ваш отец, – улыбнулся я. – Извините, что отнял у вас столько времени, мисс Криди.

С самого начала я не особенно рассчитывал на успех встречи, я все же время впустую потрачено не было. Я вынес впечатление, что Марго знает, с какой целью отец нанимал Шеппи.

Я решил поближе познакомиться с приятелем Бриджетт Криди – Жаком Трисби. Возможно, Шеппи было поручено выяснить, как далеко зашла их «дружба». Ведь Криди упорно отрицал факт знакомства с моим компаньоном, прибегнул к угрозам. Признайся он в своей связи с Шеппи, и ему пришлось бы рассказать в суде, что сыщика он нанял для слежки за женой. Не много найдется мужчин, которым до-

ставило бы удовольствие распространяться на подобную тему.

Было всего десять минут двенадцатого. Сидя в «бьюике», я раздумывал над тем, что делать дальше. Наконец завел мотор и поехал на пляж Бэй-Бич.

2

Проезжая через «променад», я наблюдал за запоздалыми купальщиками. В мертвенно-бледном свете луны море было цвета старого серебра.

Минут через десять я доехал до пляжной конторы, которая, как я и думал, оказалась закрытой. Купальные кабинки, скрытые в тени пальм, были погружены в полную темноту.

Поставив машину в боковом проезде за конторой, я зашагал к пляжу. Он был тих и безлюден, как зал ожидания на вокзале в рождественское утро.

Укрывшись в тени, я внимательно оглядел кабины. Ренкин мог оставить здесь дежурного полицейского, а встреча с законом в данную минуту совершенно не входила в мои планы. Я напряженно вглядывался в окружавшую меня темень, но не заметил ни малейшего движения, не услышал никаких подозрительных звуков.

Итак, я мог быть относительно спокойным за то, что, кроме меня, на пляже никого не было. Покинув укрытие, я двинулся вдоль кабин, пока не добрался до второй от конца, где

обнаружили убитого Джека.

Потрогав дверь и убедившись, что она заперта на ключ, я достал фонарик, стальные отмычки. Потом, просунув отмычку между замком и косяком двери, я с силой приподнял ее и надавил плечом. Изнутри, как от раскаленной железной печи, пахнул жаркий и спертый воздух.

Я сделал шаг в кабину и увидел две табуретки, стол и кушетку. В углу, где нашли Джека, по-прежнему темнело на полу большое пятно.

Две двери вели в раздевалки. Одной из них пользовался Шеппи, другой – пришедшая с ним женщина.

Кем могла быть спутница Джека?..

Приманкой? Джек при его легкомыслии вполне мог угодить в ловушку. Если он попал на пляж в результате какого-то хитро подстроенного обмана, то какое отношение к этому имел Криди?

А может, он связался с любовницей какого-либо гангстера и тот поймал их с поличным? Пока разъяренный бандит сводил счеты с Шеппи, девица поспешила удрать, бросив одежду.

Сдвинув шляпу на затылок, я вытер рукою капельки пота со лба.

Или же она сама убила его?..

Я вошел внутрь, плотно прикрыв за собою дверь. Если на пляже находился какой-нибудь энтузиаст ночных купаний или любитель кататься на лодке при луне, видеть свет в ка-

бине ему было совсем не обязательно.

Я открыл дверь одной из раздевалок. Это была крохотная каморка со скамьей, четырьмя крючками для одежды и небольшим зеркалом. Я провел по ней лучом фонарика в надежде обнаружить признаки того, что Шеппи раздевался именно здесь, но отыскать ничего не удалось. Комнатка была настолько мала, что полиция не могла пропустить даже самую мелочь.

Внезапно у меня появилось странное ощущение, что я не один в душевой и тесной кабине. Погасив фонарик, я остался в непроглядной тьме, чувствуя лишь бешеное биение сердца.

Некоторое время вокруг меня все было спокойно. «Наверное, мне начинают мерещиться всякие ужасы», – подумал я, но затем где-то рядом услышал звук, напоминающий вздох человека.

Я отступил назад и вышел из раздевалки.

По дороге вдоль пляжа с шумом промчалась машина.

Я осветил пол кабины, но, как и прежде, ничего не увидел. Тогда я направил луч на дверь второй раздевалки и плавно повернул ручку.

...Она сидела на полу лицом ко мне. На ней был голубой купальный костюм, и ее смуглая золотистая кожа была покрыта крупными каплями пота. На левом плече запеклась длинная струйка крови, невидящий взгляд был устремлен в пространство.

Это была красивая девушка лет двадцати пяти с темными

шелковистыми волосами и фигурой манекенщицы.

Я стоял, пригвожденный к месту, с пересохшим ртом, чувствуя, как взмокла сорочка от холодной испарины.

Я неподвижно стоял в мертвящей призрачной тишине, бессмысленно уставившись на девушку.

Помочь я ничем не мог – было слишком поздно.

3

На полу возле нее убийца бросил нож с пластмассовой рукояткой. Это был необычный нож – такими пользуются домохозяйки, чтобы доставать лед из ванночек холодильников. Девушка умерла той же смертью, что и Шеппи, только на этот раз рука убийцы дрогнула и агония была продолжительной.

Она следила за своей внешностью – ее волосы были аккуратно уложены, ногти окрашены в темно-красный цвет. Она могла быть богатой или бедной, манекенщицей или одной из многих тысяч работниц Сан-Рафела. Она могла иметь какую угодно профессию.

Я был уверен лишь в одном: она была той девушкой, которая заходила в гостиницу за Джеком Шеппи, той самой, которую Гривс назвал блондинкой. Он утверждал, что она носила парик или красила волосы, и, чтобы убедиться в его неправоте, я поднес фонарик к ее телу. На ней не было парика, и волосы имели естественный цвет. «Тренированные

сыщики тоже ошибаются», – думал я, направляя луч света на ее руки: нежный пушок на них выглядел совсем светлым. И это было понятно: когда человек месяцами поклоняется солнцу, волосы на руках меняют цвет.

Духота в крохотной каморке была невыносимой, и я, чувствуя, что одежда моя насквозь пропиталась потом, вышел из раздевалки.

Только теперь я обратил внимание еще на одну дверь, которая вела в смежную кабину. Именно через нее должен был проникнуть убийца. Возможно, он и сейчас находится по соседству...

Погасив фонарик, я неслышно приблизился к двери и приложил к ней ухо. Ничего не услышав, я ощупью отыскал ручку и слегка повернул ее. Потом чуть-чуть надавил плечом, но дверь не подалась. Кто-то запер ее изнутри...

Я отошел от двери, чувствуя нестерпимую сухость во рту. Если у него не было второго ножа, то вполне вероятно, что имелся про запас револьвер.

Мои невеселые размышления прервал донесшийся откуда-то издали звук – это было завывание полицейской сирены. С каждым мгновением вой нарастал: «фараоны» спешили по делу, и наиболее вероятным местом, куда они мчались, была купальная кабина с убитой девушкой.

Я снова зажег фонарик и, хотя времени у меня было в обрез, постарался как можно тщательнее обтереть носовым платком дверные ручки: отпечатки пальцев могли привести

Кетчена на мой след. Покончив с этим, я в несколько прыжков добрался до выхода, проскользнул наружу и огляделся. Хотя на пляже по-прежнему никого не было, для игры в прятки он подходил не больше, чем тыльная сторона моей ладони.

Сирена выла теперь где-то совсем близко, и я понял, что мне оставался единственный путь: через открытый пляж.

Когда меня вынуждают обстоятельства, я могу бегать, и бегать неплохо. В былые времена я пару раз завоевывал кубки в беге на полмили. Это были не олимпийские призы, но меня они вполне устраивали.

Я припустил по песку. Я пробежал около пятисот ярдов, когда смолкла сирена. Я задыхался, ноги от усталости едва держали меня.

Когда иссякали последние силы, я увидел, что берег впереди круто обрывается к морю, и кубарем скатился вниз, к самой воде. С минуту я лежал неподвижно, жадно глотая воздух. Отдышавшись, поднялся на четвереньки и осторожно забрался на песчаный гребень.

В белом свете луны я увидел фигуру полицейского, потом дверь в кабину с трупом темноволосой девушки отворилась и из нее вышел еще один блюститель порядка. Он что-то сказал своему товарищу, и тот, сорвавшись с места, побежал обратно к шоссе.

Если полиция застанет меня на пляже, это будет счастливая ночь для капитана Кетчена. Я ни минуты не сомневался,

что он сумеет воспользоваться неожиданной удачей.

Чуть живой я дотащился до своей машины и, не зажигая фар, погнал ее прочь.

Дежурный клерк «Адельфи-отеля» дружески улыбнулся мне и протянул ключ.

– Не правда ли, чудесная ночь? Вы обратили внимание, как красиво отражается в море луна?

Буркнув в ответ бог знает что, я забрал ключ и пошел к лифту. Я собрался войти в кабину, когда зазвонил телефон и клерк окликнул меня:

– Мистер Брэндон, вас! Вы будете говорить из номера или из вестибюля?

Ответив, что из номера, я вошел в лифт, теряясь в догадках, кто мог звонить мне в столь поздний час.

– Алло?

– Мистер Брэндон? – послышался женский голос, чистый, низкий и чем-то знакомый.

– Да.

– С вами говорит Марго Криди.

– Рад слышать вас, мисс Криди. – Я недоуменно сдвинул шляпу на затылок.

– Я говорю из «Клуба мушкетеров», – продолжала она. – Я проверила книгу посетителей. В ней нет фамилии Шеппи.

– Он мог пройти под другим именем. – Я старался не вы-

дать своего изумления.

– Мне это тоже пришло в голову, но швейцар утверждает, что в клубе несколько месяцев не было ни одного рыжего джентльмена.

Я не помнил, упоминали ли газеты, что убитый на пляже человек был рыжим.

– Отчего вы решили, что он здесь был?

– В его чемодане я нашел пакетик с названием клуба.

– Он мог взять у кого-нибудь из знакомых.

– Конечно. Большое спасибо за помощь, мисс Криди. Я... – В телефоне послышался легкий щелчок – она положила трубку.

Что побудило ее переменить решение и позвонить мне? Было над чем поломать голову, черт подери.

Значит, Джек не ходил в «Клуб мушкетеров». У меня не было оснований не доверять ей. Гривс тоже считал это маловероятным. В вещах Шеппи я не нашел смокинга, а без него он не прошел бы дальше швейцара.

Но откуда взялись спички и почему Джек позаботился так надежно их упрятать? Он не отличался любовью к красивым безделушкам и от ненужных вещей старался побыстрее избавляться.

Швырнув на кровать шляпу, я подошел к чемодану Джека и достал спички. Потом, сев в кресло, стал внимательно их разглядывать.

Всего я насчитал двадцать пять отрывных спичек, на каж-

дой было напечатано название клуба. На внутренней стороне пакетика я прочел рекламную надпись магазина художественной керамики – одного из заведений, которые, словно грибы после дождя, вырастают в местах, посещаемых туристами.

Она гласила:

«Обязательно посетите „Школу керамики“ Маркуса Хана – подлинную сокровищницу искусства. Шато, Эрроу-Пойнт, Сан-Рафел».

Надпись вызвала во мне недоумение: зачем понадобилось фешенебельному клубу, который и на порог не пустил бы ни одного туриста, заниматься подобной рекламой? Что за странное коммерческое соглашение между двумя сторонами?

Я оторвал одну спичку. Приблизив ее к глазам, увидел, что на обратной стороне были напечатаны цифры: С451135. Отогнув остальные спички, я убедился, что и на них были номера, шедшие по порядку до С451160.

Положив обратно оторванную спичку, я несколько минут оставался в неподвижности: что могла означать эта непонятная нумерация? Не найдя ответа, я сунул пакетик к себе в бумажник.

Было уже около часа ночи. Утром я узнаю из газет фамилию девушки в купальном костюме, сейчас же благоразум-

ней всего отправиться спать. Я поднимался на ноги, когда в номер ко мне постучали. Это было не деликатное постукивание коридорного, а громкие, бесцеремонные удары, которыми возвещают о своем прибытии всемогущие представители власти.

Мне было необходимо собраться с мыслями, и я не спешил открывать. «Неужели заметили, когда я убежал с пляжа, – подумал я, – или нашли в кабине мои отпечатки?»

В дверь забарабанили громче.

– Пошевеливайся! Мы знаем, что ты здесь! – прокричал чей-то голос.

Я достал из бумажника спички и засунул их под край ковра. Потом, повернув ключ, открыл дверь.

Сосредоточенно пережевывая резинку, в номер шагнул Кенди, взгляд его темных глаз был неприязненным и злым. За ним с неподвижными лицами и настороженными глазами вошли двое верзил в штатском.

– Поехали, – сказал Кенди усталым голосом. – Капитан Кетчен хочет видеть тебя.

– Что ему нужно? – спросил я, не трогаясь с места.

– Об этом ты спросишь у него. Ну что, пойдешь сам или тебя вести под ручку?

Выбирать не приходилось. Неравенство сил было очевидным, и, хотя встречаться с Кетченом совершенно не хотелось, я взял шляпу и, ни слова не говоря, зашагал в сопровождении полицейских по коридору.

Глава шестая

1

Глаза ночного клерка вновь полезли на лоб, когда он увидел меня в сопровождении Кенди и двух верзил в штатском. Уже второй раз в течение суток меня выводили из гостиницы блюстители закона, и я подумал, что утром, возможно, администрация попросит меня освободить их от моего присутствия. В том случае, конечно, если я вернусь из управления целым и невредимым.

Но в этом-то я как раз и не был уверен. Я хорошо помнил встречу с Кетченом и его угрозы, а он, как видно, не бросал слов на ветер.

Мы сели в ожидавшую нас машину: двое в штатском впереди, Кенди и я на заднем сиденье. Взревела сирена, и машина, как и в прошлый раз, рванулась с места и с бешеной скоростью понеслась по улицам. Она оторвалась так резко, что я услышал, как у меня хрустнули шейные позвонки.

– Не возражаешь, если я закурую? – сказал я Кенди, в основном затем, чтобы что-то сказать.

– Не стоит, – ответил он безразлично и устало. – Мне приказано не церемониться с тобой.

– Чем недоволен капитан?

– Если не знаешь ты, почему это должно быть известно мне? – И разговор прекратился.

От нечего делать я начал смотреть в окно. Я не ощущал особого подъема от предстоящей встречи. Вероятно, кто-нибудь заметил меня на пляже и по телефону сообщил в полицию. Вспомнились рассказы очевидцев о допросах с пристрастием. Если капитан Кетчен собрался допрашивать с пристрастием, дела мои плохи.

Когда машина, подъехав к управлению, затормозила, Кенди порывлся в кармане и извлек пару наручников.

– Надевай браслеты, – грубо сказал он, хотя в его голосе я различил извиняющиеся нотки. – Капитану нравится, когда все сделано по форме.

– Вы арестуете меня? – спросил я, протягивая руки. От холодного прикосновения стальных наручников настроение мое стало еще хуже.

– Никто не собирается тебя арестовывать. Капитан просто хочет с тобой побеседовать.

Костоломы в штатском остались внизу, а мы с Кенди поднялись на второй этаж. Я шел следом за Кенди, едва не наступая ему на пятки. Осторожно постучав, Кенди отворил дверь в кабинет Кетчена. Я увидел капитана в обществе Ренкина и неизвестного мне высокого худощавого мужчины лет сорока. У незнакомца были волосы цвета соломы и неприятное лицо хорька, на котором поблескивали очки без оправы.

– Брэндон доставлен, капитан, – объявил Кенди. И сделал шаг назад, предоставив мне роль главного действующего лица.

Кетчен стоял около окна; его массивное с широкими скулами лицо было налито кровью. Он глядел на меня, как глядит посаженный в клетку тигр, когда мимо него проводят жирного ягненка. Ренкин сидел на стуле, шляпа была надвинута на глаза, в пальцах дымилась сигарета. Он не обернулся, когда я вошел.

Человек с волосами цвета соломы наблюдал за мной с интересом и отчужденностью бактериолога, увидевшего под микроскопом неизвестный, возможно смертельный, микроб.

– Почему в наручниках, капитан? – спросил он слабым голосом аристократа, кичащегося своей утонченностью.

Мне показалось, что у Кетчена внезапно перехватило дыхание.

– Если вам не нравится, как мы арестовываем преступников, можете жаловаться комиссару, – раздраженно ответил он.

– Разве мистер Брэндон арестован? – вежливо осведомился человек с соломенными волосами.

Хотя у него была физиономия хорька и холеный голос высокомерного вельможи, мне он определенно начинал нравиться.

Кетчен бросил на сержанта злобный взгляд:

– Сними эти проклятые наручники!

Вставив ключ в замок, Кенди повернул его и снял наручники. Стоя спиной к капитану, он настолько осмелел, что решился осторожно подмигнуть мне.

Когда он отошел, я принялся старательно растирать руки, делая вид, что испытываю мучительную боль.

– Садитесь, мистер Брэндон, – сказал незнакомец. – Меня зовут Керм Холдинг, я из окружной прокуратуры. Мне сообщили, что капитан Кетчен намеревается беседовать с вами, и я решил присутствовать при разговоре.

Настроение мое постепенно улучшалось.

– Рад познакомиться с вами, мистер Холдинг. Сегодня я уже встречался с капитаном, и мне тем более приятно, что вы здесь.

Сняв очки, Холдинг внимательно посмотрел на них и вновь водрузил на нос.

– Капитан Кетчен не выходит за рамки служебных обязанностей, – сказал он без особой убежденности.

Я выдавил из себя улыбку:

– Возможно, капитан просто любит пошутить. Однако, не зная этого, я воспринял его угрозы вполне серьезно. Теперь по его доброй славной мордахе я вижу, что он всего-навсего великий шутник.

Издав kloкочущий горловой звук, Кетчен начал медленно приближаться ко мне.

– Кто будет задавать вопросы: вы или я, капитан? – спросил Холдинг, и в его голосе внезапно зазвенел металл.

Остановившись на полпути, Кетчен перевел взгляд на Холдинга, наблюдавшего за ним презрительно и брезгливо.

– Вы сели за руль, вы и правьте лодкой, – злобно отчеканил он. – Что касается меня, то я буду жаловаться комиссару. Вас и вашу прокуратуру давно пора поставить на место, вы позволяете себе слишком много.

Повернувшись, он быстро зашагал к выходу и с силой хлопнул за собой дверью.

– Я нужен вам, мистер Холдинг? – спросил Кенди.

– Нет, спасибо, сержант.

Входная дверь снова закрылась, на этот раз бесшумно.

– Мистер Брэндон, садитесь же, – произнес Холдинг, показав рукою на стоящее против стола кресло.

Я сел. Холдинг, играя карандашом, напряженно смотрел на меня.

– В конце месяца капитан Кетчен уходит в отставку. Его место займет лейтенант Ренкин.

– Поздравляю! – сказал я.

Ренкин, теребя галстук, беспокойно заерзал на стуле.

– Лейтенант отвечает за ведение следствия по этому делу, – продолжал Холдинг. – Я имею в виду два убийства на пляже Бэй-Бич.

В его словах заключалась ловушка, но я сразу разгадал ее. Не побывай я вечером в пляжной кабине, я не знал бы ничего о втором убийстве. Мне следовало выказать удивление, но, подумав, я отказался от этой мысли. Я понимал, что в по-

лицию меня привезли неспроста: либо они нашли отпечатки моих пальцев, либо кто-то видел, как я входил в кабину. Кроме того, могли заметить мой «бьюик». Понимая, что иду на определенный риск, я решил сказать правду.

– Если следствие теперь ведет лейтенант, я готов сделать заявление. Я мог рассказать обо всем еще час назад, но боялся угрозы капитана. Он постарался бы приписать мне убийство девушки, сообщи я в полицию, что нашел ее.

Мне показалось, что напряженность во взгляде Холдинга стала менее заметной.

– Значит, вы и были тем человеком, который входил в кабину?

Я кивнул.

– Не лучше ли начать с самого начала? – Ренкин потянулся вперед и взял со стола записную книжку. – С какой целью вы ездили на пляж?

– Мне было полезно еще раз взглянуть на место, где убили Шеппи. Я понимаю, что звучит это не очень убедительно, но утром туда было трудно подступиться – кругом стояла полиция.

Мое объяснение Ренкин воспринял довольно скептически, но сомнения оставил при себе.

– В котором часу вы приехали на пляж? – спросил он.

Я назвал время и подробно рассказал, что случилось потом. Услышав завывание полицейской сирены, я понял, что, если Кетчен застанет меня наедине с мертвой девушкой, аре-

ста не избежать. Свой рассказ я закончил описанием панического бегства и возвращения в гостиницу.

Ренкин посмотрел на Холдинга, потом внезапно взгляд его холодных глаз потеплел, и в них появилась улыбка.

– Вряд ли можно винить вас за поспешное бегство, – сказал он. – Другой на вашем месте поступил бы, пожалуй, так же. Но все же я не советую вам повторять подобные подвиги в будущем. Вы отдаете себе отчет, что могло произойти? – продолжал Ренкин. – Вас арестовали бы по обвинению в убийстве. К счастью, доктор установил, что удар ножом был нанесен, по крайней мере, за два часа до вашего появления. Он судит по характеру запекшейся крови.

– Как узнала полиция, что в пляжной кабине убитая девушка?

– Вас заметили на пляже и позвонили в управление.

– Что бы вы делали без нашей замечательной американской публики? – с восхищением в голосе воскликнул я и затем уже более спокойным тоном спросил: – Следов убийцы обнаружить, конечно, не удалось?

Ренкин отрицательно покачал головой.

Тогда я задал вопрос, который в данный момент интересовал меня больше всего:

– Кто она?

Загасив сигарету, Ренкин откинулся в кресле и обменялся взглядом с Холдингом. Тот пожал плечами.

– У нас нет сомнений, что она – та самая женщина, ко-

торая заходила за Шеппи. Однако нам еще не удалось выяснить, чем занималась она с одиннадцати часов утра до момента смерти. Ведь одета она была лишь в купальный костюм.

– Вы опознали ее?

– Да. Ее зовут Тельма Каузнс. Она не вернулась с работы, и хозяйка сообщила о ее исчезновении. Мы пригласили хозяйку в полицию, она опознала труп. Мы вызвали, кроме того, человека, у которого работала Тельма, он должен вскоре прийти.

– Кто он?

Ответ лейтенанта заставил меня насторожиться.

– Его зовут Маркус Хан, он владелец магазина с громким названием «Школа керамики». На мой взгляд – это просто ловкий плут. Девушка работала у него продавщицей в демонстрационном зале.

2

Мне нужно было срочно решать, говорить ли Ренкину о найденном мною пакетике спичек с непонятной рекламой магазина Маркуса Хана. Пожалуй, было еще преждевременно полностью раскрывать свои карты. Я должен был удостовериться, что Ренкин всерьез собирается отыскать убийцу Шеппи. Хотя расследование сейчас вел он, это не означало, что ему не мог помешать тот же капитан Кетчен, последуй

на то приказ Криди. Поэтому, взвесив все обстоятельства, я счел за лучшее промолчать.

– Мы собираемся выяснить, что за дела были у Шеппи с этой девицей, – сказал Ренкин. – Возможно, что здесь не обошлось без ее дружка: он мог застать их в кабине и, не долго думая, разделаться с обоими.

Я посмотрел на Холдинга: тот с безразличным видом продолжал забавляться письменным прибором.

– Думаю, что узнать, с кем она проводила время, довольно легко, – сказал я.

– Об этом, вероятно, что-нибудь знает Хан. – Ренкин посмотрел на часы. – Пожалуй, мне лучше пойти в морг. Он должен быть уже там. У вас нет возражений? – спросил он Холдинга.

– Нет, конечно.

Я хотел встать, но Холдинг поднял руку:

– Задержитесь, я хочу еще раз послушать, что вы сейчас рассказывали, мистер Брэндон. Вы можете идти, лейтенант.

Ренкин поднялся и, кивнув мне, вышел.

Некоторое время Холдинг молчал. Достав из кармана трубку, он не спеша набивал ее табаком. Официальная часть была позади, и, поняв, что теперь нам предстоит непринужденная беседа, я вытащил пачку сигарет и тоже закурил.

– Итак, сегодня утром вы уже разговаривали с капитаном Кетченом? – не глядя на меня, спросил Холдинг.

– Это был односторонний разговор, говорил все время

Кетчен. Но я все же высказался под конец и заработал оплечу.

– Мне известно, что вы упоминали имя Ли Криди, – сказал Холдинг, устремив взгляд в потолок.

– Я был вынужден это сделать, – ответил я, внимательно наблюдая за собеседником.

– Вы думаете, Криди был клиентом вашего компаньона? – Теперь Холдинг смотрел мне прямо в глаза.

– Да.

Холдинг раскурил трубку и, нахмурившись, выпустил через нос клубы дыма.

– Какие у вас основания?

– Шеппи записал фамилию Криди в блокноте. Он не стал бы этого делать, не будь Криди клиентом.

– А разве не могло случиться, что неизвестное нам лицо попросило собрать о Криди кое-какие сведения? Об этом вы подумали?

– Мне приходил в голову и такой вариант, но с ним не вяжутся другие факты.

Я рассказал о разговоре по телефону с секретарем Криди и о том, как в кабинет миллионера меня провели в обход других посетителей. Я не забыл упомянуть и об угрозах в мой адрес, и о нападении Херца.

Попыхивая трубкой, Холдинг слушал меня с отсутствующим выражением.

– Я уверен, что Криди нанимал моего компаньона, – за-

кончил я. – Теперь же, во избежание возможных неприятностей, он решил отрицать этот факт.

С минуту Холдинг размышлял.

– Вы в самом деле заинтересованы в том, чтобы выяснить, кто убил Шеппи? – сказал он наконец.

– Безусловно.

– Когда мне сообщили о вашей встрече с Кетченом, – сказал Холдинг, – я позвонил в прокуратуру Сан-Франциско и попросил навести о вас справки. Я получил довольно лестные отзывы: ваше агентство не раз помогало полиции. Вы неплохо зарекомендовали себя и за время работы в городской прокуратуре. Я разговаривал с помощником прокурора. Он не утверждал, что вы были образцом дисциплинированности, но, когда вам предоставляли свободу действий, вы неплохо проводили расследование.

– Он так высоко отозвался о моих способностях потому, что до сих пор не вернул мне десять долларов, – сказал я, недоумевая, к чему клонит Холдинг.

– Ну хорошо, вернемся к делу. Вы пытаетесь установить обстоятельства смерти Шеппи?

– Да. И я не намерен прекращать расследование из-за чьих-то угроз.

Холдинг понимающе кивнул.

– Наверное, мы сумеем помочь. – Он потер щеку. – В разумных пределах, конечно. Но гарантий успеха, естественно, дать не можем.

– Мне мешает Кетчен. Если он оставит меня в покое, с Херцем я сумею справиться сам.

– С Кетченом я поговорю, он перестанет вмешиваться. Но Херц может оказаться орешком покрепче, чем вы думаете. Его не следует недооценивать.

– Я не враг самому себе.

Помолчав, Холдинг сказал:

– Вот, пожалуй, и все. Время позднее, давно пора спать.

– Странно, отчего это вдруг мне решили предоставить свободу действий? – в раздумье покачал я головой. – По-видимому, я буду таскать для вас каштаны из огня, и мне хотелось бы знать о них чуточку побольше.

Кадык у Холдинга нервно заходил вверх, вниз, но его лицо оставалось по-прежнему непроницаемым.

– Я не ставил бы вопрос в такой плоскости, – осторожно сказал он. – Речь идет об убийстве вашего компаньона, и мне казалось, что вы, как специалист в этой области, будете заинтересованы в проведении отдельного расследования.

– Не принимайте меня за простака, мистер Холдинг, коль уж вы начали эту игру, давайте будем пооткровенней друг с другом.

– Я не вполне уверен, что полиция сумеет добиться успеха, – сказал Холдинг, тщательно выбирая слова. – Если девушку и вашего Шеппи убил какой-нибудь гангстер, полиция, надо надеяться, найдет преступника. Но если в дело замешан Криди, трудно рассчитывать на положительные результаты.

– И вас это очень волнует?

Он бросил на меня быстрый взгляд.

– Хорошо, я раскрою свои карты, иначе вам трудно будет ориентироваться в обстановке.

– Тогда раскрывайте все карты, – сказал я, – и те, что спрятаны у вас в рукаве.

Он пропустил мое замечание мимо ушей.

– Через несколько недель в городе состоятся выборы новой администрации, – сказал он медленно. – И оппозиция ищет возможность ослабить влияние Криди, который, по существу, держит весь город мертвой хваткой. Если имя Криди будет фигурировать при расследовании двух убийств, оппозиция не преминет воспользоваться этой благоприятнейшей ситуацией. Нынешняя администрация не очень популярна, но у нее исключительно большие финансовые возможности. Случись какой-нибудь скандал, и газеты оппозиции раздуют его до гигантских размеров, а это может сыграть на выборах решающую роль.

– Если я правильно понял, мистер Холдинг, вы – на стороне оппозиции?

– Я верю в справедливость и свободу, – произнес он, вынимая изо рта трубку и глядя на нее так, будто крайне удивлен, что она все еще продолжает гореть. Рот моего собеседника удивительно напоминал отверстие в крысоловке.

– Весьма похвально, мистер Холдинг, – сказал я. – Если оппозиция добьется победы, вы, очевидно, будете новым

прокурором Сан-Рафела?

Его адамово яблоко снова запрыгало. Посмотрев на меня поверх очков, он почесал мочку уха. Он, вероятно, никак не мог решить: принять ли вид оскорбленного человека или свести дело к шутке. Наконец, выбрав последнее, он изобразил широкую улыбку, такую же фальшивую, как ресницы у красотки из кордебалета.

– Я полагаю, что так оно и будет, но к делу это никакого отношения не имеет. Абсолютно никакого.

– Кто жаждет крови Криди?

– Не следует употреблять столь сильные выражения. Идет честная джентльменская борьба между администрацией Криди и судьей Гаррисоном, который выступает с требованием реформ.

– А какова роль Ренкина во всем происходящем?

– Если расследование убийства Шеппи пойдет в направлении, нежелательном для администрации, Ренкин ничего не сможет сделать, – сказал Холдинг. – Комиссар полиции – закадычный приятель Криди, он не станет поощрять то, что может повредить интересам его друга.

– А Ренкин мечтает стать капитаном, и поэтому портить отношения с начальством ему нет смысла, – сказал я. Так как Холдинг, очевидно, не собирался возражать, я продолжал: – Итак, каждый заботится о своей шкуре, а возможность рисковать любезно предоставляют мне.

– Судья Гаррисон обладает немалым влиянием. У оппози-

ции газеты с большим тиражом. Конечно, вам следует проявлять осторожность. Если вы не переступите рамки закона, никто не будет вам ставить палки в колеса.

– Если не считать Криди и Херца.

– Вы сказали, что сами позаботитесь о Херце?

– Я позабочусь о нем, но я ничего не говорил о «рамках закона».

– Об этом мне, пожалуй, лучше ничего не знать.

Поразмыслив над его словами, я сказал:

– В общем, дела обстоят следующим образом: я продолжаю расследование и все, что мне удастся выяснить, сообщая вам. Вы со своей стороны держите связь с комиссаром и в случае необходимости добиваетесь от него разрешения на арест. Так?

– Не совсем. Сведения, которые у вас будут, лучше передавать не мне, а в газету «Сан-Рафел». Ее издатель – горячая голова, он напечатает все, что может нанести ущерб интересам администрации. Если обстоятельствами убийства Шеппи заинтересуется пресса, комиссару волей-неволей придется что-то делать.

Я криво усмехнулся:

– А вы и Ренкин останетесь в тени. Если дело не выгорит, никто не сможет вас ни в чем упрекнуть.

Ему не понравилось мое замечание.

– Пока администрация... – начал он, но я не дал ему закончить.

– Я буду продолжать расследование, – сказал я. – Разумеется, не для того, чтобы на выборах победил судья Гаррисон. Дело касается убийства моего компаньона, и нераскрытое дело – плохая реклама для фирмы.

Он глубокомысленно кивнул:

– Я понимаю ваши чувства.

– Я не привык питаться воздухом, и для меня важно размотать клубок. – Я поднялся. – И еще: если оппозиция победит и это частично будет моей заслугой, надеюсь, что мне возместят расходы?

На лице его появилась кислая мина:

– Вопрос о расходах можно обсудить, но сначала я должен быть уверен, что Криди замешан в этом деле.

– Само собой. Могу я рассчитывать на чью-либо помощь?

– Ренкин знает, о чем я с вами договариваюсь. Время от времени позванивайте ему домой, он будет сообщать, как идут дела у полиции.

– Кстати, как зовут эту «горячую голову», издателя, которого вы упоминали?

– Ральф Трой. На него можно положиться. Дайте ему факты, и он опубликует.

– Сначала надо их иметь, – сказал я. – Ну хорошо, посмотрим, что мне удастся сделать. До свиданья!

Он протянул мне руку:

– Желаю удачи, и будьте осторожны!

Встреча с Холдингом не вселила в меня особых надежд:

мне по-прежнему приходилось полагаться на собственные силы и надеяться на удачу. Что же касается осторожности, то его напоминание было излишним: я не собирался рисковать без нужды.

3

Когда я выходил из полицейского управления, мне пришло в голову, что было бы полезно взглянуть на Маркуса Хана, но так, чтобы он не видел меня.

Сказав дежурному сержанту, что мне нужно переговорить с лейтенантом Ренкином, я спросил дорогу к моргу и направился к приземистому зданию, над дверью которого горел синий фонарь. Два окна были освещены, и я заглянул внутрь.

Около стола с телом Тельмы Каузнс, покрытым простыней, стоял Ренкин. Напротив него я увидел невысокого мужчину с копной пшеничных волос и бородкой клинышком. Мужчина был одет в сине-желтую клетчатую ковбойку и черные брюки, плотно прилегавшие к бедрам и расходившиеся в виде колокольчиков на лодыжках. На ногах были мексиканские сапоги с высокими каблуками и сложной вышивкой серебром. У него был правильной формы нос, глубоко посаженные умные глаза и выпуклый лоб.

Маркус Хан внимательно слушал Ренкина, похлопывая по сапогу тонким хлыстом. Он выглядел бы мужественно и внушительно, будь рядом с ним оседланный конь; без него же он

был лишь кричаще одетым калифорнийским сумасбродом.

Судя по выражению лица Ренкина, беседа с Ханом не была плодотворной. Тот лишь кивал, изредка вставляя слово. В конце концов Ренкин набросил простыню на лицо мертвой девушки, и Хан пошел к выходу.

Я быстро отступил в тень.

Когда, миновав двор, Хан скрылся из виду, я вошел в морг. Ренкин с удивлением уставился на меня.

– Это был Хан? – спросил я.

– Да. Мошенник каких мало, но дело с горшками у него процветает. Он сколотил состояние, обманывая этих простофиль-туристов. Знаете, что он мне сказал? Ни за что не отгадаете! – Ренкин кивнул на мертвую девушку: – Она была такой набожной, что считала грехом оставаться наедине с мужчиной. У нее не было ни одного знакомого парня, если не считать за парня приходского попа. Поп был единственный человек мужского пола, с кем ее видели вместе, да и то во время сбора пожертвований для больных. Доктор говорит, что она девственница. Завтра я собираюсь сходить к священнику, но думаю, мы можем верить словам Хана.

– И все же она встречалась с Шеппи?

На лице Ренкина появилось брезгливое выражение.

– Он был и вправду такой донжуан, что мог влюбить ее в себя?

– Это было в его силах. Он умел понравиться женщине, хотя часто пользовался нечистоплотными приемами. Меня

удивляет другое: почему он связался с такой святошей, как Тельма? Это совсем не его вкус. Может, отношения их были чисто деловыми: она передавала информацию, в которой он нуждался?

– Для этого не нужно устраивать свидания в пляжных кабинках. – Ренкин подошел к выключателю и погасил свет. – Договорились вы с Холдингом?

– В общем – да. Он, между прочим, посоветовал звонить вам домой, чтобы знать, как идут дела у полиции.

– И не советовал звонить ему самому?

– Нет, об этом разговора не было.

– И не будет. Зачем ему рисковать? – Приблизившись, Ренкин коснулся моей руки. – Будьте осторожны с Холдингом. Вы не первый, кого он использует в своих целях. Он любит выезжать на чужом горбу. Мистер Холдинг умеет целоваться с администрацией, обниматься с оппозицией. И все сходит с рук этому сукину сыну. Берегитесь его.

Опустив плечи и глубоко засунув руки в карманы пиджака, Ренкин вышел из морга и зашагал прочь. Даже без предупреждения я все равно не стал бы доверять Холдингу: недаром мать родила его с лицом хорька.

Было без двадцати пяти минут два, когда, сев в «бьюик», я отъехал от полицейского управления. Я чувствовал себя совершенно измотанным.

В гостинице, лоя на себе укоризненные взгляды ночного клерка, я вызвал лифт. Потом устало побрел по коридору и,

войдя в номер, включил свет.

И выругался.

Все в номере было перевернуто вверх дном, точно так же, как утром в комнате Шеппи. Кто-то вытащил ящики из комода, разорвал матрац и выпустил пух из подушек. На полу валялись вещи – мои и Шеппи.

Придя в себя, я бросился к ковру, под которым были спрятаны спички, но здесь все было в порядке: пакетик оказался на месте, и я удовлетворенно улыбнулся.

Я взял пакетик и, присев на корточки, внимательно осмотрел. Оторванная спичка, которую я засунул между остальными, упала в кучу пуха, и я затратил немало времени, прежде чем отыскал ее. «Если кто-нибудь пытался похитить у меня загадочные спички, – гордясь своею смекалкой, подумал я, – ему пришлось убраться не солоно хлебавши».

Потом чувство самодовольства внезапно исчезло, и я стал вертеть в пальцах оторванную спичку: она была совершенно чистой, без единой цифры. Я поспешно проверил остальные спички: они ничем не отличались от первой.

Кто-то забрал пакетик, принадлежавший Шеппи, и подменил его другим в надежде, что я не замечу разницы.

Я опустился на изодранную кровать. Я слишком хотел спать и в данную минуту решительно ничего не соображал.

Глава седьмая

1

Я проснулся, когда перевалило за одиннадцать.

Позвонив дежурному клерку, я сообщил, что в мое отсутствие в номер проникли незнакомые лица. Клерк не мешкая вызвал полицию, и я удостоился еще одного посещения Кенди. Я ни словом не обмолвился о спичках. Посмотрев на беспорядок в номере, он поинтересовался, все ли на месте, и я сказал, что никакой пропажи не заметил.

Потом я перебрался в другой номер, а Кенди с подручными принялись отыскивать отпечатки пальцев. Я был уверен, что они ничего не найдут.

Заказав по телефону кофе и гренки и помывшись под душем, я в ожидании завтрака прилег на постель. Мне было над чем поразмыслить. В истории с двумя убийствами было много непонятного, и чем быстрее мне удалось бы пролить свет на некоторые факты, тем больше было бы шансов на успех.

Существует ли связь между «Клубом мушкетеров» и «Школой керамики»? Если да, то не это ли пытался установить Шеппи? Какую роль играл в этом деле Маркус Хан?

Нанимал ли Криди моего компаньона для слежки за женой? Шеппи в этом случае мог наткнуться на какой-нибудь интересный факт, далекий от его главной цели.

И наконец, что привело в одну пляжную кабину Джека Шеппи и высоконравственную девицу Тельму Каузнс?

Когда официант принес кофе, зазвонил телефон. Сняв трубку, я услышал голос Ренкина:

– Говорят, у вас ночью были посетители?

– Да, кто-то навестил меня, когда я находился в управлении.

– Кого-нибудь подозреваете?

Глянув в потолок, я сказал:

– Имей я хоть малейшее подозрение... Сначала они перетряхнули номер Шеппи, теперь очередь дошла до меня.

– Будьте осторожны: в следующий раз они могут навестить вас с оружием.

– Спасибо за заботу.

– Я хотел услышать о происшедшем из первых уст. Кенди говорит, что они не нашли никаких следов... Значит, вы никого не подозреваете?

– В данный момент – никого. Я сам ломаю голову над всей этой историей. Если удастся что-нибудь выяснить, я позвоню вам.

Ренкин, помолчав, продолжал:

– Я разговаривал со священником: Тельма Каузнс и в самом деле избегала мужчин. Поп заверил, что она ни за что

не пошла бы на пляж с незнакомцем.

– И все же она была вместе с Шеппи.

– Да, это правильно. Ну ладно, меня ждет работа, я пытаюсь узнать что-нибудь о владельце ножа, которым ее убили.

– На нем не было отпечатков?

– Нет. Такой нож можно купить в любом хозяйственном магазине. Мои люди наводят справки. Если появятся какие-нибудь новости, вам сообщат.

Я поблагодарил. Я не ожидал, что Ренкин будет стараться по-настоящему помочь мне. Напомнив, что вечером необходимо присутствовать на предварительном следствии, он положил трубку.

Допив кофе, я позвонил в сан-францисскую контору. Смерть мужа, услышал я от Эллы, жена Джека приняла близко к сердцу, но сейчас самое страшное уже позади.

– Сегодня она должна получить мое письмо, – сказал я. – Запри покрепче сейф и жди ее визита. Если будет требовать денег, скажи, что вечером я вышлю ей чек.

Несколько минут мы говорили о делах. Элла сказала, что в контору поступило два интересных предложения, однако я, несмотря на их финансовую привлекательность, не почувствовал искушения.

– Предложи Керкхиллу пятьдесят процентов, и пусть он займется ими, – сказал я. – Мне необходимо остаться здесь. Постарайся управиться одна.

– Хорошо.

Она была сообразительной девушкой, и я знал, что могу на нее положиться.

После вчерашних приключений я не пришел еще окончательно в себя и чувствовал усталость во всем теле. Поэтому решил отправиться на пляж и хорошенько искупаться.

Я спустился в вестибюль, где встретил старого знакомого толстяка Бруера. Взяв у меня ключи, клерк смущенно сказал:

– Мистер Брэндон, боюсь, что...

– Знаю, знаю, можешь не продолжать, – перебил я. – В гостинице большой наплыв, и вам срочно понадобился мой номер. Потерпи до вечера, я подыщу себе другое пристанище.

– Мне лично очень жаль, но у нас столько жалоб. – Он ухитрился выглядеть так, будто ему и вправду было необычайно больно расставаться со мной. – С тех пор как вы у нас поселились, полиция приходила четыре раза.

– Я понимаю, что причинил вам много хлопот. К вечеру я съеду.

– Очень любезно с вашей стороны, мистер Брэндон.

Я погнал «бьюик» к морю. Был полдень, и пляж постепенно заполнялся народом. Сверкали огромные пестрые зонты, парни и девушки перебрасывались мячами, плавали или просто лениво валялись на песке.

Надев плавки, я направился к воде, буквально перешагивая через едва прикрытые цветными лоскутами тела блондинок, брюнеток и огненно-рыжих девиц. Я отплыл от берега

на четверть мили и повернул назад.

Народу на берегу к этому времени стало еще больше. Я тщетно пытался найти место, где мне не пришлось бы тереться о других. Оглядываясь по сторонам, я заметил под синим-белым зонтом девушку, которая усиленно махала рукой.

На ней был белый купальник и большие темные очки. Я узнал ее по шелковистым волосам и стройной фигуре: Марго Криди приглашала присоединиться к ней. На ее красивом, чуть настороженном лице блуждала улыбка.

– Неужели это мистер Брэндон? – спросила она, делая вид, что не верит своим глазам.

– Именно так, если, конечно, никто не напялил на себя мою шкуру. А это мисс Криди за преогромными очками? – Я принял предложенную ею игру.

Рассмеявшись, она сняла очки, и я получил возможность еще раз насладиться ее красотой.

– Не изволит ли мистер Брэндон присесть? Или он слишком занят?

– Большое спасибо за телефонный звонок. – Я плюхнулся на горячий песок рядом с ней. – Признаться, я не рассчитывал на вашу помощь.

Обхватив руками колени, она смотрела на море.

– Вчера я была в клубе, и во мне пробудилось любопытство. В убийстве всегда есть что-то интригующее, не так ли? – Она вновь надела очки, скрывшие, к моему огорчению, добрую половину ее лица. – Когда вы спросили, мог ли ваш

друг попасть в клуб, я была уверена, что это невозможно. И все же решила убедиться, что я права.

– Вы читали утренние газеты? – Повернув голову, я смотрел на нее, испытывая понятное волнующее чувство.

– Вы имеете в виду второе убийство? Неизвестную девушку? Я думаю, она и была той самой женщиной, которая зашла за вашим другом. С ней он потом отправился на пляж.

– Вы правы, это она.

– В городе только и говорят что о ней. – Придвинув пляжную сумку, она начала старательно что-то искать. – Все это необычайно загадочно, не правда ли?

Раскаленное солнце стало раздражать меня не на шутку, и я укрылся в тени зонта, оттуда я мог смотреть ей прямо в лицо. «Красивая девушка!» – еще раз с досадой подумал я.

– А не могла она покончить с собой?

– Могла, конечно, но вероятность самоубийства невелика: зачем убивать себя таким необычным оружием? Ведь имеются более простые пути.

– Но, предположим, она убила вашего друга и решила затем искупить свой грех, умерев той же смертью? Газеты пишут, она была на редкость набожной. Ей могло показаться, что это единственная возможность загладить свою вину.

Ход ее мыслей удивил меня:

– Черт побери! Вы сами до всего этого додумались?

– Нет. Я разговаривала с одним знакомым, и он высказал такое предположение. Я подумала, что, может быть, он

и прав.

– На вашем месте я не стал бы ломать голову над тем, как она умерла. Это дело полиции, – заметил я. Потом, подумав, спросил: – Вы никогда не бывали в районе Эрроу-Пойнт? Она работала в магазине, который все называют «Школой керамики».

– «Школа керамики»? Как же, я отлично знаю этот магазин. Маркус Хан – удивительный человек, он делает чудесные вещи. Не далее как на прошлой неделе я купила у него скульптуру мальчика. Это настоящее произведение искусства.

– Вы никогда не встречали там эту девушку?

– Может, и встречала. Но у него столько молоденьких продавщиц, что вряд ли я сумела бы запомнить ее.

– Мне говорили, что в лавчонке у Хана продается просто хлам для туристов?

– Это правильно, но только отчасти. В «Школе керамики» есть второй зал, куда пускают лишь постоянных клиентов. Именно там и выставляется все лучшее.

– Иными словами, Хан процветает?

– Да, он зарабатывает немалые деньги, но он их вполне заслуживает.

Когда она говорила о Хане, лицо ее светилось восторгом. Марго искренне верила, что он – великий художник.

– Хотелось бы заглянуть туда. Вы не откажетесь как-нибудь пойти со мной, мисс Криди? Я, конечно, не покупатель,

но хорошая керамика интересуется и меня.

Она ответила не сразу. Она или думала о чем-то другом, или по какой-то причине не хотела согласиться на мою просьбу.

– Хорошо, – сказала Марго после долгой паузы. – Я дам знать, когда соберусь в «Школу». Вы по-прежнему живете в «Адельфи-отеле»?

– Кстати, об отеле. Я был немало удивлен, когда вы позвонили по телефону. Кто сообщил вам, что я остановился именно там?

Она засмеялась.

У нее были красивые зубы: не слишком большие, ровные и белые, как зернышки апельсина. И вдобавок она умела смеяться: не просто разевать рот, как это делают многие девушки, а заражать других своим весельем. Она нравилась мне больше и больше и волновала так, как, пожалуй, ни одна другая женщина.

– Я узнала адрес у Хаммершалта, вы, наверное, уже встречали его. Ему известно абсолютно все. Еще не было случая, чтобы он не ответил на мой вопрос.

– А я никак не мог понять, каким образом вам удалось меня найти, – сказал я и вернулся к вопросу о гостинице. – Сегодня вечером я должен выехать из «Адельфи-отеля». Полиция так часто навещала меня, что администрация перепугалась: как бы постояльцы не подумали, что облавы у них – обычное явление. Мне предстоит подыскать новое жилище.

– Не думайте, что это будет так просто. Сейчас самый разгар сезона.

– Наверное, это будет нелегко, но, как говорится, сие от меня не зависит.

Мне и самому не улыбалась перспектива переезда. Обычно поисками гостиницы занимался Джек, у которого в этом отношении был прирожденный талант: он всегда находил отель со свободными номерами. Я, бывало, часами гонял по десяткам гостиниц без всяких результатов. Джеку же стоило заглянуть в первую попавшуюся – и мы могли въезжать.

– Вы случайно не знаете какой-нибудь недорогой гостиницы? – спросил я и тут же, вспомнив, с кем разговариваю, расхохотался: – Нет, о таких вещах вам, конечно, ничего не известно.

– Сколько времени вы собираетесь жить у нас?

– Пока не наведу ясности в деле. Возможно, потребуется неделя, возможно, и целый месяц. Трудно сказать.

– Вы умеете сами себя обслуживать?

– Что за наивный вопрос? Конечно. Вы, может, думаете, что у меня дома прислуга?

– Не знаю, подойдет ли вам мое предложение. Я арендую небольшое бунгало на берегу залива Эрроу-Бэй, но не пользуюсь им. Если хотите, можете временно там поселиться.

Я недоуменно уставился на Марго:

– Вы шутите?

– Можете, если хотите, там жить, – повторила она. – Дом

меблирован и оборудован всем необходимым. Когда я была в нем месяц назад, все было в исправности. Вам придется только платить за электричество, об остальном не беспокоиться.

– Очень любезно с вашей стороны, мисс Криди. – Ни разу в жизни я не был так ошарашен. – Я принимаю предложение не задумываясь.

– Если вы располагаете временем, мы можем съездить туда сегодня вечером. Я ужинаю с друзьями и освобожусь после десяти часов. Я захвачу с собой ключи и помогу вам разобраться с водой и светом.

– Мне крайне неудобно причинять вам столько хлопот, мисс Криди. Ведь я для вас – посторонний человек.

– Не надо об этом, мистер Брэндон. Для меня это не составляет беспокойства. – Марго посмотрела на часы. – Мне пора. Я обедаю с отцом, а он терпеть не может, когда его заставляют ждать.

– Не говорите ему, что я переезжаю в бунгало, – сказал я, наблюдая, как она натягивает на купальник платье с короткими рукавами. – Кажется, я не отношусь к числу его любимчиков.

– Я никогда не говорю с отцом о своих делах, – ответила Марго. – Если вы встретите меня возле «Клуба мушкетеров» ровно в десять, то мы сразу же сможем поехать в бунгало.

– Я буду ждать вас.

– До свиданья.

Опять на ее лице промелькнула едва заметная улыбка, наполнившая мое сердце неизъяснимым волнением. Глядя, как она удаляется, плавно покачивая бедрами и грациозно склонив набок голову, я понял, что увлечение женщинами в моем возрасте – еще отнюдь не пройденный этап.

2

После легкого обеда я вернулся в гостиницу и упаковал пожитки. Вызвав коридорного, я велел отправить вещи Джека его жене. Потом, написав ей коротенькую записку, вложил в конверт вместе с чеком на двести долларов. В записке я сделал специальную оговорку, что эта сумма будет вычтена при нашем окончательном расчете.

Когда мой багаж отнесли в «бьюик», я расплатился за гостиницу, выслушав еще раз извинения Бруера. Я успокоил его, сказав, что нашел место получше и что лично к нему претензий у меня нет.

Прежде чем отправиться в суд на предварительное следствие, я зашел к Гривсу. Тот сидел у себя в «кабинете», сосредоточенно смахивая пыль с ботинок.

– Ты идешь на следствие? – спросил я.

– Мне приказано явиться. – Он с отвращением швырнул тряпку в ящик стола и, поправив галстук, потянулся за шляпой. – Подвезешь?

– Конечно, я для того и зашел.

По пути в суд я поинтересовался, не видел ли он убитую Тельму Каузнс.

– Меня не просили опознавать ее, – раздраженно ответил Гривс. – Для таких, как я, у Ренкина нет времени. Туда ходил Бруер, смешно, верно? Этот толстый индюк и родную мать не узнает. А девчонку... ведь тогда она была в шляпе, в очках и к тому же – в темном парике.

Я не стал говорить, что относительно парика он не прав: не в характере Гривса признавать ошибки.

В суде помимо нас было всего девять человек. Пятеро представляли тот класс людей, которые от безделья днем и ночью околачиваются в местах отправления правосудия. Четверо остальных привлекли мое внимание. Девица в очках со строгим лицом расторопной секретарши, одетая в серое полотняное платье с воротничком и манжетами, – она сидела на задней скамье и стенографировала ход заседания. Белокурый мужчина в костюме жемчужно-серого цвета и темных очках – он с самонадеянным видом озирался по сторонам, время от времени позевывая. Он разевал при этом рот так широко, что, наверное, только чудом не вывихнул себе челюсти. И наконец, двое безукоризненно одетых упитанных мужчин. Входя в зал, следователь кивнул им как старым знакомым.

Всем поведением следователь ясно показывал, что эта история с убийствами ему смертельно уже надоела. Он нетерпеливо выслушал мои показания, смотрел в противополож-

ную сторону, когда, заикаясь от волнения, говорил Бруер, забыл вызвать Гривса и едва ли обратил внимание на то, что рассказал сторож пляжа. Немного оживился он лишь тогда, когда взявший слово Ренкин попросил недельной отсрочки для завершения следствия. С видимым облегчением представив отсрочку, он мгновенно исчез из зала.

Кивнув в сторону двух упитанных мужчин, я спросил у Гривса, кто они такие.

– Представители Хескета, самого крупного и пронирыливого адвоката на всем Тихоокеанском побережье.

– Он ведет дела Криди?

– Да. Другим фирмам такая работа не по плечу.

На мой вопрос, не знает ли он белокурого франта и девицу в заднем ряду, Гривс ответил, что видит их в первый раз.

Когда следователь удалился, блондин выскользнул из помещения суда так же бесшумно и незаметно, как исчезает налитая в раковину вода. Два лоснящихся господина, переговорив о чем-то с Ренкином, вскоре тоже ушли. Пока я наблюдал за ними, исчезла и девица в сером платье.

Гривс попрощался со мной, добавив, что надеется увидеть меня вновь.

В зале суда остались Ренкин и я.

– Что нового?

– Ничего, – ответил Ренкин не совсем уверенно. – Вернее, пока ничего. Мне не дает покоя этот нож, мы до сих пор не можем с ним разобраться. – Вынув из пачки сигарету, он

нервно крутил ее в пальцах. – Да и сама убитая – темная лошадка, никто не знает о ее прошлом.

– Лучше бы вам заняться прошлым Криди. Вот тут бы игра стоила свеч. Тех двоих, которые разговаривали с вами, прислал Криди?

– Нет. Они заглянули от нечего делать. Они приехали в город по другому вопросу, и у них оказалось лишнее время.

– Они так сказали? – Я от души расхохотался. – Ну и что, вы верите им?

– Меня ждет работа, – сказал Ренкин отрывисто. Ему было явно не по себе.

– Кто был блондин в сером костюме?

– Он из «Школы керамики».

– Интересно, что у него за дела в суде?

– Кто его знает? Может, его прислал Хан...

– Если я потребуюсь полиции, то меня надо искать по новому адресу. Я снял маленькое бунгало в заливе Эрроу-Бэй.

Ренкин глянул на меня с любопытством.

– Там только одно бунгало. Если мне не изменяет память, оно принадлежит Марго Криди.

– С памятью у вас все в порядке. Его я и арендую.

Он снова посмотрел на меня, хотел что-то сказать, потом, передумав, коротко кивнул и удалился.

Было половина пятого. Я сел в машину и поехал в город. По пути я спросил у полицейского, бесцельно слонявшегося по мостовой, как проехать в редакцию «Курьера». Посмот-

рев на мой обшарпанный «бьюик» с глубочайшим презрением, блюститель порядка снизошел до краткого объяснения, и я, поддав газу, через пятнадцать минут был около нужного дома.

В приемной редакции я вручил молоденькой секретарше визитную карточку, сказав, что хотел бы повидать Ральфа Троя. Она вышла и через несколько минут пригласила следовать за собой. Пройдя по коридору, мы оказались в крохотной комнатенке, где за письменным столом, заваленным горами бумаг, сидел, попыхивая трубкой, сероглазый человек. У него были тронутые сединой волосы и квадратная челюсть.

Увидев меня, он протянул большую сильную руку.

– Присаживайтесь, мистер Брэндон. Я слышал о вас от Холдинга. Он предупреждал, что вы, возможно, заглянете.

– Я зашел с единственной целью представиться, мистер Трой, – сказал я. – Сегодня я с пустыми руками, но вскоре, надеюсь, у меня кое-что будет. Я понял из слов Холдинга, что, если вам дать конкретные факты, вы их опубликуете?

Трой широко улыбнулся, показав крупные белые зубы.

– Моя цель, – сказал он, – печатать правду, и только правду. Этим я и держусь. Очень рад, что вы зашли. Я могу рассказать много полезного об этом городе. Вы слышали Холдинга, теперь послушайте меня. – Глубоко забравшись в кресло, он выпустил в потолок струйку дыма и продолжал: – Через месяц у нас состоятся выборы, предстоит отчаянная

борьба. Прежней шайке, державшей власть в течение пяти лет, нужно победить во что бы то ни стало. Иначе они пропали. Они могут лишиться всего, если их оторвать от руля правления. Сан-Рафел – золотое дно на Тихоокеанском побережье. Это излюбленное место миллионеров. Нигде, кроме Майами, не могут предложить им столько комфорта и развлечений, как у нас. И в то же время, мистер Брэндон, это земля обетованная для гангстеров, они, в сущности, контролируют всю городскую жизнь. Их невозможно уничтожить или выгнать из города, и даже Криди, пожелай он того, не смог бы справиться с ними. Поэтому он и не особенно тревожится. Рядом с его законными предприятиями процветает преступный бизнес, и он сам косвенно извлекает из этого немалую выгоду. Но не подумайте, мистер Брэндон, что Криди какой-нибудь закоренелый негодяй. Это приличный, даже вполне приличный человек. Но Криди – бизнесмен, и он имеет право требовать, чтобы деньги давали ему доход. Преступный сброд, обосновавшийся в Сан-Рафеле, повышает ценность его капиталовложений, поэтому он и не настаивает, чтобы были приняты строгие меры. Напротив, он готов в какой-то степени поделиться прибылью. Пока казино, плавучий притон, опера, ночные клубы и кинотеатры – одним словом, все, куда вложены его деньги, приносит доход, он будет терпеть и взломщиков, и мошенников, и торговцев наркотиками, и сутенеров. И, прекрасно разбираясь в обстановке, они не покушаются чрезмерно на его доходы. Сан-

Рафел – город коррупции и порока. Я сомневаюсь, что во всей администрации можно отыскать хотя бы одного человека, который не урвал бы своей доли пирога.

– И судья Гаррисон собирается навести здесь порядок? – спросил я.

Трой пожал плечами.

– Так он, во всяком случае, обещает. Но будьте уверены, это останется одними обещаниями. Что-нибудь, возможно, и будет сделано для отвода глаз – упрячут за решетку одного-двух второстепенных чиновников, пошумят, поразмахивают флагами, но через месяц-другой от настоящих хозяев поступит команда, и все станет на свои места. Судья в один прекрасный день обнаружит, что его счет в банке неожиданно увеличился, кто-нибудь преподнесет ему «кадиллак», и он поймет, что куда спокойней не вмешиваться в естественный ход событий. Такова система, а не люди. У человека могут быть честные намерения, но если вдруг запахнет большими деньгами, они улетучиваются, как пар в воздухе. Я не утверждаю, что можно купить любого, но что судья Гаррисон из этой породы, я знаю чертовски хорошо.

– Мне казалось, что заправляет преступным бизнесом именно Криди. Если не он, то кто же?

Прежде чем ответить, Трой некоторое время задумчиво пыхтел трубкой.

– Есть в нашем городе некий Кордец, владелец «Клуба мушкетеров». Для него не важно, кто победит. Он будет

прочно сидеть в кресле при любой администрации. О нем известно немного: прибыл откуда-то из Южной Америки, ловкий делец, умеет делать деньги различными темными путями. Если у Криди большой законный бизнес, то у Кордеца – такой же бизнес, только незаконный. Он-то и есть глава преступного мира в Сан-Рафеле. Чтобы покончить с гангстерами, надо сначала убрать Кордеца. Однако желающих помериться с ним силами не находится.

– «Клуб мушкетеров» не единственное, что у него есть?

Лицо Троя озарилось мрачной улыбкой.

– Нет, конечно. Львиную долю дохода он извлекает из предприятий Криди. Возьмите, к примеру, казино. Его построил Криди и имеет твердый процент с капитала, но Кордец тоже гребет четверть прибыли – за протекцию. Криди финансировал строительство плавучего притона, он резонно полагал, что это поможет привлечь в город туристов. И снова там оказался Кордец со своими двадцатью пятью процентами. Откажись Криди платить – и его роскошная яхта по неизвестным причинам взлетит на воздух. Криди знает об этом и предпочитает выкладывать денежки.

Я сидел молча, обдумывая услышанное, хотя ничего нового в рассказе не было. Такое же положение существовало в Нью-Йорке, Лос-Анжелесе, Сан-Франциско, в других американских городах. Я думал о том, что за тридцать шесть часов, прошедших с момента смерти Шеппи, я волею судьбы оказался в центре политической жизни этого чужого для

меня города. Может, Шеппи обнаружил что-нибудь опасное для Кордеца и его банды и гангстеры расправились с ним? Мне снова вспомнился длинный и тонкий нож – оружие профессионалов.

– Я хотел, чтобы вы получили представление, как обстоят дела, – сказал Трой. – И еще один совет: будьте осторожны с Холдингом. Доверяйте ему не больше, чем ядовитой змее. Пока вы действуете в его интересах – он с вами, но стоит сделать неосторожный шаг, который ему не понравится, – и вы приобретете опаснейшего врага. Остерегайтесь его!

Заверив Троя, что относительно Холдинга я не питаю иллюзий, я поделился своими соображениями о связи между Криди и Шеппи. Я изложил все факты, которые мне удалось собрать, упомянув также о загадочном пакетике спичек.

– Могу поспорить, – сказал я, – что Криди нанимал моего компаньона. Возможно, он хотел последить за своей женой. Шеппи, я думаю, наткнулся на что-то важное, не связанное с поручением клиента, и его поспешили убрать. Кто убил, я не знаю, хотя до разговора с вами полагал, что это дело рук Криди. Теперь мне предстоит пересмотреть свои выводы.

Трой кивнул в знак согласия.

– Криди не убивал Шеппи. Он может приказать избить кого-нибудь, это я допускаю, но убийство исключено. – Трой откинулся в кресле. – Ну и историю вы мне рассказали! Но в ней пока нет ничего, что мы могли бы напечатать. Надеюсь, что вам все-таки удастся выяснить, кто герой нашего рома-

на. – Он глянул на часы. – У меня дела, мистер Брэндон, мне надо идти. Я могу дать вам в помощь моего сотрудника Эрэнка Хеппла. Этот паренек – один из лучших моих людей, у него талант выискивать информацию. Располагайте им, как и когда угодно, – он неугомоним. Для начала, скажем, он может покопаться в прошлом Хана. Мне всегда казалось, что в этом свободном художнике есть что-то подозрительное.

– Хорошо. – Я поднялся. – Вы не знакомы с кем-нибудь из членов «Клуба мушкетеров»?

– Я?! – Он расхохотался. – Ни с кем абсолютно!

– Я собираюсь побывать там, увидеть все своими глазами.

– Не тешьте себя надеждой, вам это не удастся. Туда допускают лишь членов клуба и тех, кто ими приглашен.

– Поживем – увидим, – ответил я. – Я буду напоминать о себе. Надеюсь, что через пару дней смогу дать конкретные факты.

– Если речь будет идти о Криди, информация должна быть абсолютно надежной, догадки и предположения исключаются, – сказал Трой. – Я не могу позволить себе роскошь судиться с ним за клевету. Меня попросту вышвырнут из газетного бизнеса.

– Если факты будут касаться Криди, никто не сможет их опровергнуть.

Мы пожали друг другу руки, и я ушел.

На душе у меня стало чуть поспокойнее: теперь, по крайней мере, я знал, что могу на кого-то рассчитывать.

Глава восьмая

1

У полицейского регулировщика я выяснил, что «Клуб мушкетеров» находится на верхнем этаже отеля «Ритц-Плаз». Это было неожиданностью: я был уверен, что столь изысканный клуб занимает отдельное шикарное здание.

– Ты говоришь, это просто несколько комнат на верхнем этаже гостиницы? – переспросил я. – А я думал, что клуб нечто вроде Тадж-Махала.

Регулировщик снял фуражку и, обтерев пот со лба, покоился на меня.

– Тадж... что? – удивился он. – Ты сегодня с утра так плетешь, приятель?

– Ничего. Просто я думал, что он стоит на отдельном участке и по виду напоминает дворец.

– Ты можешь думать что угодно, это твое дело. Клуб на двадцать пятом этаже гостиницы, там, где висячий сад. Но чего тебе беспокоиться? Ни ты, ни я туда не попадем.

Поблагодарив, я вернулся к «бьюику». Посидев несколько минут в машине, вспомнил, что Гривс работал раньше детективом в «Ритц-Плаз». У меня появилась надежда, что он

подскажет мне способ, как проникнуть туда.

Доехав до ближайшей аптеки, я позвонил ему из автомата.

– Мне нужна твоя помощь, – сказал я. – Если можешь встретиться со мной, я угощу тебя пивом.

С минуту в трубке слышалось сопение, потом Гривс сказал, что будет ждать в баре Эла на Третьей улице минут через тридцать.

Прибыв в условленное место, я заказал пива и попросил бармена принести вечернюю газету.

В ней был отчет о следствии и фотографии Ренкина, наминавшего Шерлока Холмса в миниатюре. На последней странице был помещен портрет Тельмы Каузнс. Заголовок гласил, что полиция энергично продолжает расследовать обстоятельства второго загадочного убийства на пляже Бэй-Бич.

Я рассматривал фотографию девушки, когда явившийся Гривс тяжело взгромоздился на скамью напротив меня. Я сказал, что намереваюсь проникнуть в «Клуб мушкетеров».

– У тебя столько же шансов попасть туда, как и в Белый дом, – изрек он.

– На свете нет ничего невозможного, старина. Я хотел бы знать план гостиницы. Ты работал там и, наверное, еще не все позабыл.

Выпив пива, Гривс поставил кружку на стол и утер рот тыльной стороной ладони.

– Это ничего не даст. К ним на верхний этаж ведут два

частных лифта. Когдаходишь в гостиницу, нужно сначала пройти вестибюль, а потом по коридору налево. В конце его решетка, возле которой круглые сутки дежурят два охранника. Вот тут твое путешествие и закончится. Они не отопрут решетку, если ты им незнаком. Когда приходит член клуба, он расписывается в книге и поднимается в лифте. Что происходит потом, я не знаю, потому что никогда там не был. Советую не ломать напрасно голову: охранники тебя не пропустят. Иначе их вытурят взашей.

– Есть у них наверху ресторан?

– Один из лучших в Америке. Так, по крайней мере, говорят, самому мне там сидеть не доводилось. Ну, тебе легче от этого?

– Может, ты еще скажешь, что мясные туши и ящики с рыбой они тоже таскают через вестибюль гостиницы?

Кружкой пива он почесал свой мясистый нос.

– Кто говорит, что таскают? Они пользуются общим с гостиницей грузовым лифтом. Он позади здания. Я не знаю, как продукты доставляются в клуб, но видел, что их отвозят наверх и сопровождающий едет вместе с ними.

Я улыбнулся.

– Вот на это я и рассчитывал. Значит, если я отправлюсь наверх с попутным грузом, у меня есть шанс попасть в клуб? Не знаешь, кто согласился бы мне помочь? Я не пожалею пятидесяти монет.

Гривс, погрузившись в раздумье, медленно отхлебывал

пиво.

– Ты рискуешь головой, но это твое дело. Есть у меня знакомый малый, который работал в клубе – Гарри Беннауер. Не знаю, там ли он сейчас... Он был четвертым барменом или кем-то в этом роде. Гарри всегда сидел без денег: проигрывал на пари, ввязываясь в глупые споры. Он бы, пожалуй, согласился помочь.

– Узнай у него, – попросил я. – Если он все еще там, не хочет ли он заработать пятьдесят долларов. Передай, что я буду ждать ровно в семь у грузового лифта.

По лицу Гривса было видно, что к моей просьбе он отнесся без энтузиазма.

– Беннауер может надуть тебя и рассказать обо всем начальству. Тогда тебе несдобровать. У вышибал в клубе – кулаки, а не пуховые подушечки, знаешь.

– Это моя забота. Ты все-таки узнай.

Гривс пожал плечами и, поднявшись со скамьи, направился к телефонной будке. Я тем временем заказал еще пива.

Минут через пять он вернулся.

– Я разговаривал с ним, – сказал Гривс. – С деньгами у него сейчас обстоит так, что за пятьдесят монет он продал бы свою жену. В общем, он согласен. Теперь решай сам. Я не стал бы связываться с ним: он тебя продаст за твои же деньги.

– Пусть продает. Не убьют же они меня? Ну, на худой конец, выкинут из клуба. Сказал ты ему насчет семи часов?

Гривс кивнул.

– Беннауер будет ждать возле лифта. Могу поспорить, он тебя одурачит: возьмет денежки, а клуба ты так и не увидишь.

– Я не дам ему ни гроша, пока не увижу, что нужно. – Я глянул на часы: до семи оставалось сорок минут. – Ты не подскажешь, что мне прихватить для маскировки на всякий непредвиденный случай?

Гривс снова погрузился в размышления.

– Побудь здесь, я скоро вернусь, – сказал он и, не вдаваясь в объяснения, вышел из бара.

Вернулся он примерно через полчаса, неся под мышкой коричневый бумажный пакет. Сев за столик, протянул свою огромную ручищу:

– Ты должен двадцать монет.

Я достал бумажник и отсчитал четыре пятидолларовые купюры.

– За что?

Он положил пакет на стол:

– Я знаю одного торговца бренди, который спит и видит, как бы ему стать поставщиком клуба. Шансов у него нет никаких, но он этого не может уразуметь. Я наврал ему, что ты согласился предложить образцы его товара менеджеру клуба. Вот это пошло. – Он ткнул пальцем в пакет. – Но ради бога, не вздумай сам пробовать: у тебя по всему телу пойдут волдыри величиной с помидор. – Порывшись в кармане жилетки, он положил на стол визитную карточку: – Вот карточ-

ка его фирмы, возьми, может пригодиться.

– Огромное спасибо, дружище. Ты здорово меня выручил. Теперь я побежал, не то опоздаю.

– Если возле «Ритц-Плаз» найдут большой кусок мяса, я буду знать, что это – ты, – успокоил меня на прощание Гри-вс. – Ты застрахован?

– Не беспокойся, – бодро ответил я, забирая пакет, – я попадал в переделки и посерьезней.

– Только не в такие, как эта, – сочувственно сказал Гри-вс. – И скоро ты в этом убедишься.

2

Возле служебного входа в гостиницу дремал пожилой сторож. При моем появлении он бросил на меня недовольный взгляд.

– Попаду я отсюда в «Клуб мушкетеров»? – останавливаясь перед ним, спросил я.

– А что у тебя там за дело?

Я сунул ему под нос визитную карточку фирмы.

– Договорился потолковать с менеджером о продаже бренди. Выгодное дельце, папаша, так что не вставляй палки в колеса коммерции.

– Поднимайся на самый верх. – И он показал пальцем в сторону лифта.

Дед вновь погрузился в дремотное состояние, а я вошел в

кабину подъемника и нажал кнопку с надписью «Клуб мушкетеров».

Медленно поднимаясь, я держал руку во внутреннем кармане пиджака: там на ремне, привязанном к плечу, был спрятан револьвер. Прикосновение к холодному металлу немного успокаивало нервы.

Прошла минута, показавшаяся мне вечностью, и лифт остановился. На моих часах было ровно семь.

На лестничной площадке, загроможденной деревянными ящиками, поджидал Гарри Беннауер. Это был крошечный человечек в белом пиджаке и черных брюках. Его лицо с запавшими глазами и растопыренными ушами было настолько отталкивающим, что охотник за человеческими головами с острова Борнео наверняка гордился бы им, как лучшим украшением своей коллекции.

Но я дружелюбно улыбнулся ему.

– Давай деньги, и поживее, – сказал он.

Я протянул пять пятидолларовых бумажек.

– Что это? Гривс сказал – пятьдесят.

– Гривс сказал также, чтобы я не очень-то тебе доверял.

Половину – сейчас, половину – потом. Сначала я посмотрю на этот кабак.

– Не суйся в ту дверь, – торопливо сказал он, пряча деньги, – если не хочешь неприятностей на свою голову.

– Там кто-нибудь есть? Я же сказал, что мне нужно посмотреть заведение. Не думаешь ли ты, что я подарил тебе

пятьдесят долларов?

– Через десять минут туда пожелует босс. Сейчас он в своем кабинете.

– Кордец?

Беннауер кивнул.

– А где менеджер, который заказывает у торговца вина?

– Тот у себя.

– Тогда иди вперед, а я за тобою следом. Если мы налетим на кого-нибудь, я здесь по делу: принес на пробу бренди.

Беннауер стоял в нерешительности: его определенно не устраивал такой поворот. Но двадцать пять долларов на земле не валяются, и, миновав коридор, мы оказались в роскошно обставленном коктейль-холле, рассчитанном человек на триста. Вдоль стен, образуя букву «V», тянулась стойка. Пол был сделан из черного стекла. Над половиной зала крыши не было. В гигантских кадках росли бананы и пальмы, потолок и стены укрывали красные, розовые и оранжевые цветы вьющихся растений.

– Служебные помещения – с той стороны, – сказал Беннауер, указывая на двери позади стойки. – А в ресторан вход отсюда... Что тебе еще показать?

– Принеси мне сувенир на память. Пару пакетиков спичек, которые здесь раздают гостям.

Решив, вероятно, что я спятил, он подошел к стойке бара, и, нагнувшись, достал пригоршню пакетиков.

– Эти?

Взяв три пакетика, я открыл их и проверил обратную сторону спичек: ни на одной из них не было нумерации.

– А других у тебя нет?

– Каких других? Ты же просил спички, которые раздают гостям, – вот они!

– У твоего босса должны быть другие спички.

Лицо Беннауера покрылось блестящими капельками пота.

– Вот что, парень, кончай это дело. Если тебя здесь найдут, я лишусь работы. Забирай свои проклятые спички и сматывайся!

– Давай заглянем в служебные помещения. Я подброшу еще полсотни.

– Ты что, вконец рехнулся? Убирайся! – Он быстро терял самообладание.

Дверь, которая вела в административные помещения, отворилась, и вошел полный мужчина в белом пиджаке со значком, изображавшим виноградную гроздь. Судя по эмблеме, это был менеджер.

У него была внешность типичного латиноамериканца: густые, сильно напомаженные волосы и тоненькие усики. Взгляд маленьких черных глаз перебежал с Беннауера на меня.

– Это мистер Годец, – поспешно сказал мне Беннауер. Он еще не совсем потерял голову. – Вы не имеете права врываться без предварительной договоренности. – И повернулся к Гомецу: – Этот парень хотел вас видеть.

Я подобострастно улыбнулся:

– Не уделите ли вы минутку вашего времени, мистер Годец? – Я – О'Коннор, «Калифорния Уайн компани». – И протянул визитную карточку. Годец начал разглядывать ее с непроницаемым лицом. Я ощущал неприятный сладковатый запах помады, исходивший от его волос.

Прочитав карточку, он принялся задумчиво постукивать ею о стойку. Он не сводил с меня глаз.

– Мы не ведем дел с вашей фирмой, – сказал Годец.

– Именно об этом я и хотел с вами поговорить. У нас есть товары, которые, безусловно, вас заинтересуют. Я принес для пробы особого бренди.

– Как он попал сюда? – спросил Годец, обращаясь к Беннауеру.

Мой сопровождающий обрел второе дыхание.

– Не знаю. – Он пожал плечами. – Этот тип вошел сюда и спросил вас.

– Я поднялся на грузовом лифте. Я что-нибудь сделал не так?

– Мы встречаемся с торговцами только по предварительной договоренности.

– Провинциальная неосведомленность, мистер Годец, простите. Вы не сможете назначить встречу на завтра? – Я положил пакет с бренди на стойку. – Если вы познакомитесь с содержимым, мы завтра же поговорим о деле.

– О деле мы поговорим сейчас, – раздался голос сзади.

Гомец и Беннауер замерли, будто кто-то мановением волшебной палочки превратил их в мраморные изваяния. При-знаюсь, и у меня слегка екнуло сердце: смуглый мужчина в смокинге, с белой камелией в лацкане стоял в двадцати футах от нас. У него было узкое лицо с тонким орлиным носом, плотно сжатым ртом и черными беспокойными глазами. Я был уверен, что это Кордец: только присутствие самого босса могло так разительно изменить поведение моих собеседников.

Кордец подошел к стойке и, прочитав визитную карточку, хладнокровно разорвал ее и бросил на пол. Он поднял на меня подернутые сонной поволокой глаза.

– Я сказал «нет» еще месяц назад. Тебе понятно, что значит «нет»?

– Извините, – пробормотал я. – Ведь я новичок в городе и не знал, что кто-то уже показывал наш товар.

– Теперь будет известно. Убирайся, и чтобы духа твоего здесь не было!

– Хорошо, хорошо, извините. – Вид у меня был расстроенный и смущенный. – Разрешите оставить бутылку. Это отличное бренди. Мы могли бы поставлять его на очень выгодных условиях.

– Вон!

Я двинулся по стеклянному полу к выходу. Неожиданно дверь распахнулась, и в ней появились трое мужчин. Образовав полукруг, они загородили мне путь.

Двоих – долговязых парней с тупыми лицами – я видел впервые, третий хорошо был знаком: передо мною со зловещей улыбкой на искалеченном лице стоял Херц.

3

С минуту Херц и я молча разглядывали друг друга. Высушив кончик языка, он провел им по пересохшим губам, напомним змею, готовую броситься на жертву.

– Вот мы и повстречались, – негромко произнес он. – Ты помнишь меня?

Планируя вторжение в «Клуб мушкетеров», я не рассчитывал, что мне придется иметь дело с Херцем. В худшем случае, полагал я, вышибалы помнут мне бока и дадут под зад коленом. Появление Херца меняло ситуацию в корне.

Не отрывая взгляда от Херца и одновременно наблюдая за Кордецом, я начал двигаться бочком к выходу. Владелец клуба смотрел на разыгравшуюся перед ним сцену непонимающими глазами.

– Что все это значит? – спросил он.

– Его зовут Брэндон, босс, – сказал Херц. – Он частный сыщик, дружок той мрази, которую вчера прикончили.

Кордец равнодушно пожал плечами, обошел стойку и направился к двери с надписью «Администрация». На ходу он коротко бросил:

– Уберите его!

Я оказался один против пятерых; шестым потенциальным противником был сам Кордец, решишь он снизойти до расправы со мной. Херц приближался. Его близко посаженные глаза продолжали улыбаться; чтобы как-то выравнять очевидное неравенство сил, я выхватил револьвер.

– Осторожней, – сказал я, перемещая дуло револьвера по полукругу так, чтобы держать под прицелом всех сразу. – Не советую подходить, иначе кое-кому несдобровать!

Херц внезапно остановился, будто наткнувшись на стену. Вероятно, он не рассчитывал увидеть оружие в моих руках.

Кордец, шагнувший было в открытую дверь, тоже остановился и с некоторым удивлением посмотрел на меня.

– Я велел тебе убираться, – произнес он. – Чего ты ждешь?

– Пусть эта обезьяна уйдет с моего пути, – сказал я, кивком головы указывая на Херца.

В следующий момент зал погрузился в темноту. Кто погасил свет, я не видел. Возможно, это Голец решил ускорить ход событий. Послышался топот сорвавшихся с места людей, и я нажал на курок. Оранжевая струя пламени вылетела из револьвера, зазвенело разбитое стекло, и на меня накатилась волна человеческих тел. Я оказался на полу. Жадные руки тянулись к моему горлу, искали оружие. Я пробовал выстрелить вновь, но кто-то вырвал у меня револьвер. Удар кулака обрушился на мою голову...

Когда я пришел в себя, в зале снова горел свет. Я лежал на спине, и надо мною стояли три гангстера. Один из них

держал мой револьвер.

Челюсть нестерпимо ныла, а голова, казалось, готова была расколоться пополам. Я услышал гулкие звуки шагов, и к трио победителей присоединился Кордец.

С трудом приподнявшись, я сел.

– Выкиньте его отсюда, – сказал Кордец. – Сделайте так, чтобы он надолго забыл дорогу в клуб. – И зашагал к выходу, постукивая по стеклу высокими каблуками ботинок.

Херц с подручными почтительно ожидал ухода босса. Вслед за Кордецом поспешили скрыться Гомец и Беннауер.

Сидя на полу, я внимательно наблюдал, как Херц, взяв мой револьвер, перехватил его за дуло. С изувеченного лица не сходила бессмысленная улыбка.

Профессиональные бандиты знают, как использовать револьвер в качестве дубинки. Удары наносятся во все точки, кроме жизненно важных. Человек после такой обработки становится инвалидом если не на всю жизнь, то на многие месяцы.

Я недаром работал в прокуратуре Сан-Франциско как следователь по особым поручениям в течение пяти лет. По долгу службы мне приходилось почти ежедневно бывать в городских доках – страшном месте, кишашем бандитами. И я знал: пока Херц не очутится позади меня, он не опасен. Но пусть он думает, что имеет дело с простаком.

Когда он взмахнул револьвером, я, изобразив на лице неопиcуемый ужас, подался назад.

– Выпустите меня отсюда, – жалобно заскулил я. – Я больше никогда не появлюсь здесь! Дайте мне только уйти!

– Мы выпустим тебя, дружок. – Довольная улыбка расплылась по физиономии Херца. – Потерпи только малость.

Я отполз еще немного назад. Херц разрешил даже встать. Потом, пританцовывая, он бросился ко мне, намереваясь нанести удар по голове. Но я точно рассчитал время и отпрянул в сторону. Револьвер со свистом рассек воздух, рука Херца тяжело ударилась о мое плечо, и в тот же миг я оказался рядом с ним. В следующее мгновение я притянул его за лацканы пиджака, согнулся – и он перелетел через меня с грациозностью акробата, ткнулся мордой в стеклянный пол и заскользил по нему.

На очереди был второй гангстер. Удар, в который я вложил всю тяжесть своего тела, едва не раздробил ему скулу, и он вслед за Херцем покатился по скользкому полу.

Целым и невредимым оставался третий. Когда он бросился на меня, на лице его было смятение. Ускользнув от пудового кулака, я быстро нагнулся и, схватив противника за лодыжки, рванул кверху.

Переводя дыхание, я огляделся. Херц с приятелем, валяясь на полу, считали звезды. Я подобрал мой револьвер и сунул в карман. У меня не было причин для недовольства собою: в подобных переделках я не бывал уже лет пять и все же сохранил неплохую форму.

Необходимо было срочно решить, что делать дальше. Я

мог без промедления обратиться восвояси, но мог и спрятаться здесь. Пока что я не узнал ничего, что оправдывало бы риск моего визита к Кордецу. Рассудив, что вероятность повторного проникновения в клуб ничтожно мала, я решил повременить с уходом.

Выбежав на террасу, я осмотрелся. Справа виднелись освещенные окна административных помещений, под которыми тянулся широкий выступ. На коньке крыши была устроена горизонтальная площадка, на которой, сумея я до нее добраться, можно было бы в относительной безопасности переждать час-другой. Когда клуб наполнится посетителями, мне представится, наверное, случай поподробней познакомиться с местными порядками.

Послышался слабый стон одного из бандитов, и я понял, что времени на размышления осталось немного. Ступив на ограждение террасы, я дотянулся до узкой парапетной плиты, проходившей вдоль края крыши, и, крепко ухватившись, подтянулся. Хотя я не страдал головокружением, мысль о пропасти в двадцать пять этажей была несладкой.

Я изо всех сил цеплялся за черепицу, чувствуя, что одно неверное движение, и я покачусь вниз. К счастью, резиновые подошвы ботинок не скользили, и я благополучно добрался до горизонтальной площадки.

Часов около восьми клуб пробудился к жизни: начали подъезжать дорогие автомобили, заиграл оркестр, терраса осветилась огнями. Еще через час, когда посетителей стало

значительно больше, наступило время действовать.

Затаив дыхание, я спустился на тот широкий выступ, который тянулся вдоль окон служебных помещений. Я пошел по нему, вжимаясь в стену и по пути заглядывая в окна.

Две первые комнаты с письменными столами, пишущими машинками и шкафами были пусты, возле третьего окна я остановился.

В кресле с высокой спинкой сидел за большим столом сам Кордец. Не выпуская изо рта длинный мундштук с коричневой сигаретой, он проверял бухгалтерские книги.

Кордец был поглощен работой. Его золотой карандаш стремительно летал по рядам цифр, делал какие-то пометки. Минут через десять, когда стало уже казаться, что я теряю время понапрасну, послышался стук в дверь.

– Войдите! – сказал Кордец, и в кабинете появился полный мужчина с болезненным цветом лица. На вошедшем был отличный смокинг с красной гвоздикой в петлице, в манжетах белоснежной сорочки сверкали бриллианты. Осторожно закрыв за собою дверь, мужчина молча устремил взгляд на Кордеца.

Закончив работу, владелец клуба соизволил наконец посмотреть на своего гостя.

– Если у тебя нет денег, Донахью, – сказал он, – лучше сразу убирайся. Мне надоело с тобой возиться.

Пришелец нервно перебирал пальцами галстук, на лице его застыло выражение неприкрытой ненависти.

– Деньги у меня с собой, – ответил он, – так что обращайся повежливей. – Вытащив из заднего кармана брюк пачку банкнотов, он бросил их на стол. – Здесь – тысяча.

Кордец пересчитал деньги. Потом подошел к сейфу и загородил его собою так, чтобы постороннему не была видна комбинация набираемых на диске цифр. Пошарив внутри, он вытащил два пакетика спичек и швырнул их на стол.

Тщательно проверив пакетики, посетитель сунул их в карман жилетки и, не произнеся ни слова, ушел. Кордец некоторое время неподвижно сидел за столом, затем взял золотой карандаш и снова принялся за подсчеты.

За сорок минут Кордеца навестили еще два человека: пожилая располневшая женщина и молодой парень, которого можно было принять за студента колледжа. Оба расстались с пятьюстами долларов, получив взамен по пакетикам спичек. С ними Кордец тоже обращался презрительно и высокомерно, словно оказывал величайшую услугу.

Время приближалось к десяти, и нужно было спешить на свидание с Марго Криди. Осторожно отойдя от окна, я сел на карниз и прыгнул на балкон гостиницы «Ритц-Плаз».

Потом прошел через пустой номер и направился к лифту.

Глава девятая

1

На ней было плотно прилегающее изумрудно-зеленое платье с блестками и глубоким вырезом на груди, шею украшала нитка крупных изумрудов. Марго вся переливалась зелеными искорками, и я особенно остро ощутил убожество своего потрепанного «бьюика».

– Привет! – сказал я, высовываясь из машины. – Не буду говорить, что вы очаровательны – это звучит чересчур слабо.

В ее живых глазах появилась чуть заметная улыбка.

– Это специально для вас, – сказала Марго, наклоном головы показывая на платье. – Мне приятно, что оно вам нравится.

– «Нравится» не то слово. Ваша машина здесь?

– Нет. Я покажу бунгало, и потом, надеюсь, вы не откажетесь отвезти меня обратно?

– Я полностью к вашим услугам.

Я открыл дверцу, и она села рядом. Мой взгляд на какое-то мгновение задержался на ее стройных ногах, потом я выжал сцепление, и машина тронулась.

– Поверните направо и поезжайте до конца «промена-

да», – руководила она мной.

«Променад» был забит множеством автомобилей, и я ехал рывками со скоростью не больше двадцати миль в час. Но мне и не хотелось ехать быстрее. Море и пальмы в мягком свете луны выглядели чудесно.

– Говорят, «Клуб мушкетеров» самое изысканное заведение в городе, – сказал я. – Часто вы там бываете?

– Да. Это единственное место, где можно отдохнуть от туристов. Кроме того, папе принадлежит половина клуба, и мне не приходится платить в ресторане. А это тоже что-нибудь да значит.

– Заложите один из ваших изумрудов – и вы сможете посещать клуб всю жизнь.

– Они не мои. – Марго засмеялась. – Отец разрешает только носить их. Когда мне надоедят изумруды, я отнесу их обратно, и он даст чего-нибудь взамен. У меня самой ничего нет. Даже об этом платье не могу сказать, что оно мое.

– А бунгало, которое вы арендуете?

– Бунгало тоже арендует отец.

– Сомневаюсь, чтобы ему понравился новый постоялец.

Может, мне лучше не переезжать?

– Он ничего не узнает.

– А не придет ему в голову заглянуть к дочери на чашку чая?

– Он ни разу не был у меня.

– Что ж, вам виднее. Итак, вы богатая, но несчастная дочь

своего отца?

Она передернула плечами.

– Папа любит распоряжаться всем. У меня никогда не бывает наличных денег. Я посылаю счета, и он их оплачивает.

– К сожалению, никто не оплачивает мои счета.

– Но вам и не указывают, что вы должны купить...

– Не рассказывайте мне больше о своей безрадостной жизни. Иначе мне станет нестерпимо жаль вас. Вряд ли вам требуется моя жалость.

Она вновь засмеялась:

– А почему бы и нет? Я люблю, когда меня жалеют, но это случается не часто.

Мы выехали на улицу, где транспорта было поменьше, и я увеличил скорость.

– Вы не поверите, но иногда мне до зарезу нужны деньги, – сказала Марго.

– Так же, как и мне. Но вам проще: вы можете сколотить состояние, работая манекенщицей.

– Папа никогда не разрешит мне работать. Он дорожит честью семьи. Меня никто не возьмет, если он того не пожелает.

– Это отговорка. Вы не обязаны жить в Сан-Рафеле. Перебирайтесь в Нью-Йорк – и через пару месяцев вы покори-те весь город.

– Вы серьезно так думаете?.. Поверните налево, потом поезжайте прямо.

Я увидел неровную грунтовую дорогу, которая вела, казалось, прямо в море.

Мы подпрыгивали на ухабах и выбоинах. Пальмы закрывали луну, и крошечную темень освещали лишь фары.

Открыв сумочку, Марго вынула сигарету и закурила.

– Бунгало мне нравится своей заброшенностью и уединенностью. Скажите, у вас никогда не появляется желания побыть одному?

Мысль об одиночестве ассоциировалась у меня с возможным визитом Херца, и я ответил:

– Смотря когда.

С четверть мили мы ехали молча, потом впереди показалось приземистое здание.

– Вот мы и на месте. Есть у вас карманный фонарик? Нужно найти выключатель.

На небе мягко светила луна, освещая пустынную полоску песчаного берега, пальмы и море. Вдали горели окна одинокого дома.

– Что там?

– Эрроу-Пойнт. – Марго рылась в сумочке в поисках ключа.

– Свет горит в заведении Хана?

– Да.

Марго открыла замок и зажгла свет. Я увидел, что нахожусь в роскошной гостиной с баром для коктейлей, радиолой и телевизором. На бело-голубом мозаичном полу стояло

несколько уютных кресел, у стены – широкая кушетка.

– Неплохо, – сказал я, озираясь по сторонам. – Вы не боитесь пускать сюда дикаря?

Подойдя к двойным застекленным дверям, она с силой распахнула их и зажгла электричество на террасе.

– Вам нравится здесь?

Стоя в дверях, она улыбалась.

– Необыкновенно!

На полках бара красовалась целая батарея бутылок, подобранных таким образом, чтобы удовлетворить любой, даже самый притязательный, вкус.

– Напитки тоже собственность вашего папы?

– Тоже его. Я беру их из дома – четыре бутылки за раз. Я не вижу причин, почему бы и мне иной раз не угоститься. – Марго достала из холодильника шампанское. – Давайте веселиться. Вы открывайте, а я тем временем принесу бокалы.

Я разорвал предохранительную проволоку на пробке и, когда Марго вернулась с бокалами на подносе, осторожно открыл бутылку.

Мы чокнулись.

– Что мы празднуем? – спросил я.

– Нашу встречу. Вы кажетесь мне первым человеком, которому не важно – богатая я или бедная.

– Постойте! С чего вы это взяли?

Выпив шампанское, она помахала пустым бокалом:

– Вы узнаете об этом в свое время. А пока посмотрите ваш

новый дом. Начните со спальни. Налево, вот в эту дверь.

Ее темные глаза были устремлены на меня, и я прочитал в них нечто, от чего перехватило дыхание. Я поспешил в спальню, твердя себе, что я ошибаюсь, и все же меня не покидало чувство, что сюда, в бунгало, Марго привезла меня не просто как гостеприимная хозяйка.

В спальне, окрашенной в светло-зеленый и темно-коричневый тона, я увидел переполненные одеждой встроенные шкафы и двуспальную кровать на мозаичном полу. Ванная, находившаяся рядом, была отделана с такой роскошью, будто ее собирались использовать для съемок кинофильма из жизни высшего общества.

Когда я вернулся в гостиную, Марго лежала на кушетке возле окна, задумчиво глядя на залитое лунным светом море.

– Понравилось? – спросила она, не меняя позы.

– Еще бы! Боюсь, что в последнюю минуту вы раздумаете и не пустите меня.

– Вам нечего волноваться, я не живу сейчас здесь.

– Но в бунгало ваши вещи.

– Они мне не нужны. Все, что находится в этих шкафах, уже порядком надоело. Я люблю, когда вещи отдыхают. Потом, возможно, я снова буду носить кое-что из этих тряпок. В бунгало хватит места и для вас.

Я сидел в кресле рядом с ней, и сознание, что мы совсем одни, волновало меня. Повернув голову, она посмотрела мне

в глаза:

– Как продвигается ваше расследование?

– Черепашьими шагами. Но было бы грешно обвинить меня: от дела отвлекают более интересные вещи.

– Какие, например?

– Это бунгало и... вы.

– Я отвлекаю вас от дел?

– Конечно.

Она снова бросила на меня взгляд:

– Тогда это взаимно.

Наступило молчание. Потом, спустив с кушетки ноги, она встала.

– Я хочу искупаться. Пойдемте?

– С удовольствием. – Я тоже поднялся. – Мне надо взять мои вещи, они в машине.

Достав из багажника дорожную сумку, я прошел в спальню. Марго была там. Переодевшись в белый халат, она смотрелась в высокое зеркало, поправляя опущенные на плечи волосы.

– Я кажусь вам красивой?..

Я чувствовал, что начинаю терять контроль над своими поступками. Предприняв отчаянную попытку приостановить сползание в бездну, чтобы потом не раскаиваться в содеянном, я нашел в себе силы сказать:

– Может, мы искупаемся завтра, а сейчас я отвезу вас домой? Боюсь, вы будете утром жалеть...

Не дав мне закончить, она отрицательно покачала головой:

– Я никогда не жалею о том, что делаю.

2

– Дай мне сигарету!

Я протянул руку к прикроватной тумбочке и, вытряхнув из пачки сигарету, чиркнул зажигалкой. В мигающем свете крошечного огонька лицо ее выражало безмятежное спокойствие, и, когда наши взгляды встретились, она улыбнулась.

– Не думай обо мне плохо, дорогой, – негромко сказала Марго. – Это случается нечасто. Ты можешь не верить, но в такие минуты мною руководят не поддающиеся контролю импульсы, я не чувствую стыда, лишь счастье, что меня любят. – В темноте она нашла мою руку.

Мне было приятно слышать ее слова, и все же я испытывал смущение, что все произошло так быстро и неожиданно. Слишком быстро я поддался своему чувству, такое легкомыслие было непозволительным.

– Ты чудесная девушка, – сказал я, касаясь губами ее лица. Пальцами она провела по моим волосам.

– Все кажется чудесным, пока люди нравятся друг другу, – чуть печально произнесла Марго и, соскользнув с кровати, бесшумно вышла из комнаты.

Надев халат, я последовал за ней. Она стояла перед застек-

ленной дверью, напоминая в серебристом свете луны прекрасное изваяние мастера.

– Поплаваем, Лу? – сказала она, беря меня под руку. – И потом я поеду...

Отплыв от берега ярдов на двести, мы не спеша повернули обратно. Теплая вода обволакивала наши тела, стояла ничем не нарушаемая тишина, и мне стало казаться, что на всей планете существуем лишь мы одни.

Держась за руки, мы вышли из воды и побрели по песку. На ступеньках террасы Марго остановилась и подняла на меня глаза. Я обнял ее гибкое молодое тело.

– Было так чудесно, Лу, – сказала она. – Я снова приду, если тебе не скучно со мной. Мне надо одеться. Ты отвезешь меня?

– Конечно. А ты не можешь остаться здесь на ночь?

Она отрицательно покачала головой.

– Нет. Мне тоже хотелось бы остаться, но горничная шпионит за мной. Если я не вернусь, она сообщит отцу.

– Знаешь, я буду платить тебе за этот домик, – внезапно сказал я. – Тридцать долларов в неделю. Я могу позволить себе эту сумму, деньги пригодятся на шпильки.

– Очень мило с твоей стороны, но это не меняет сути дела. Мне нужны большие деньги, а не мелочь. Нет, пользуйся домом бесплатно, платить ничего не нужно.

Пока мы ехали, я решил задать вопрос, весьма интересовавший меня. У нее было хорошее настроение, и я полагал,

что она согласится ответить.

– Как ты думаешь, твой отец мог нанять частного сыщика?

Марго уютно расположилась рядом со мной, положив голову на спинку сиденья. Услышав, о чем я спрашиваю, она чуть заметно насторожилась.

– Ты думаешь, я стала теперь более сговорчивой?

– Ты можешь не отвечать, если считаешь, что так лучше.

Я не буду в претензии.

– Отец ничего не говорил мне о сыщике, – помолчав, сказала она наконец. – Но если он все-таки нанимал твоего компаньона, то причина была только одна: Бриджетт.

– У него есть основания не доверять ей?

– Самые серьезные. Странно, что он не начал следить раньше. Вокруг нее всегда увивается какой-нибудь альфонс. Сейчас это мерзкий тип по фамилии Трисби. Папе, наверное, изрядно надоели любовные проделки моей мачехи. Я надеюсь, он все-таки с ней разведется, и тогда я вернусь домой.

– Тебе хотелось бы вернуться?

– Разве приятно, когда тебя выгоняют из дома? Бриджетт и я не могли жить под одной крышей.

– А что ты имеешь против Трисби?

– Все. Это ужасный человек, он принес несчастье многим семьям в городе.

Некоторое время я молчал, потом, когда мы подъезжали к «променаду», решил задать еще один вопрос:

– А не мог твой отец нанять Шеппи, чтобы следить за тобой?

Марго докурила сигарету и выбросила окурочек в окно.

– Для этого не надо нанимать сыщика. Все, что нужно, ему сообщает горничная. Он разрешил снять квартиру с условием, что старуха будет со мной.

Спустя минуту она спросила:

– Ты собираешься следить за Бриджетт?

– Это бесполезно. Ясно, что она не убивала Шеппи. На мой взгляд, получилось все, наверное так: Шеппи наняли следить за твоей мачехой, но ему удалось наткнуться на что-то такое важное, не имевшее к ней отношения. Он был сообразительный парень и мог доставить кое-кому много неприятностей. Поэтому его и убили. Этот город кишит гангстерами. Даже «Клубом мушкетеров», где бывает только «голубая кровь», заправляет гангстер. Шеппи, к примеру, мог разнюхать, что там не все чисто.

– Ты думаешь, он стал жертвой бандитов?

– Пока что такая версия кажется мне самой правдоподобной.

– Если отец выгонит Бриджетт, она останется без гроша. Своих денег у нее нет. Возможно, ей стало известно, что Шеппи собрал против нее какие-то улики. Не в ее интересах было спокойно ждать, когда он сообщит обо всем отцу.

– Не хочешь ли ты сказать, что она убила Шеппи?

– Конечно, нет. Убить мог Трисби. Этот сутенер живет на

деньги Бриджетт, и, окажись главный источник его дохода под угрозой, он пойдет на все.

Подобная возможность раньше не приходила мне в голову.

– Интересно бы взглянуть на него. Где он живет?

– У него маленький дом в районе Крест. Он называет его «Белой дачей», но на самом деле это просто мерзкое «любовное гнездышко».

В голосе Марго слышалась злоба, и я с любопытством посмотрел на нее.

– Он развлекается не только с Бриджетт, – продолжала Марго. – Любой женщине, у которой есть деньги, туда открыты двери.

– Он не один, таких тысячи, – спокойно заметил я. – Все побережье заполнено подобными типами.

В обратной дороге я старался не думать о Марго и сосредоточиться на Кордеце. По причинам, пока для меня неясным, пакетик спичек, обнаруженный в чемодане Шеппи, стоил пятьсот долларов, и я вправе был предположить, что цифры означали что-то очень важное. Я не исключал возможность, что именно этот таинственный пакетик послужил причиной смерти Джека. Конечно, прежде чем выйти из области догадок, мне предстояло собрать еще немало фактов, но в общем я чувствовал, что двигаюсь в правильном направлении.

Было без четверти три, когда я прибыл в бунгало. Поряд-

ком измучившись за день, я собирался выпить немного виски и улечься спать, но неожиданно увидел нечто, заставившее меня остановиться: на журнальном столике лежала сумочка Марго – изящная вещичка из черной замши, сделанная в форме раковины. Я надавил на золотую застежку и открыл ее. В шелковом кармашке под носовым платком я увидел пакетик спичек в красной матерчатой обертке.

С минуту я бессмысленно глядел на него, потом вынул и начал вертеть в пальцах. В пакетике я насчитал тринадцать спичек, остальные были оторваны. Отогнув их, я увидел знакомые цифры: номера шли по порядку от С451148 до С451160. Цифры не оставляли сомнения, что именно этот пакетик я обнаружил в вещах Шеппи, тот самый, который был украден из моего гостиничного номера.

Раздался телефонный звонок. Я знал наверняка, кто беспокоит меня в этот поздний час.

– Алло?

– Это ты, Лу? – Она тяжело дышала в трубку.

– Можешь ничего не говорить; я знаю, ты кое-что потеряла.

– Сумочку. Ты нашел ее?

– Она здесь, на журнальном столике.

– Слава богу! Я не могла вспомнить, где оставила ее – в клубе или в твоей машине. Я заеду утром, если, конечно, ты не завезешь ее сам. Могу я на тебя рассчитывать?

– Конечно. Утром я привезу ее.

– Спасибо, дорогой, Лу...

– Я слушаю.

– Я думаю о тебе.

Сунув руку в карман, я нащупал пакетик:

– Я тоже думаю о тебе.

– Спокойной ночи, Лу.

– Спокойной ночи, моя красавица. – И я положил трубку.

3

Хорошенько освежившись под холодным душем и почувствовав, что окончательно проснулся, я надел пижаму и проследовал в кухню, где принялся за приготовление кофе. Завтракал с комфортом на террасе. Отсюда было видно приземистое здание «Школы керамики», приютившееся на скалистом выступе полуострова.

Первое, что следовало сделать сегодня, решил я, это отправиться туда и, смешавшись с туристами, проникнуть внутрь.

Но прежде я хотел искупаться в море. Выпив кофе, я надел плавки и с разбегу бросился в воду. Я плавал около получаса, доказывая себе и всему миру, что Лу Брэндон по-прежнему такой же сильный и неутомимый, каким был раньше.

Потом, заперев бунгало, сел в «бьюик» и поехал в Эрроу-Пойнт.

Минут через пять на перекрестке мне попался указатель:

«Дорога к „Школе керамики“ – сокровищнице оригинального искусства», и я свернул на боковую дорогу. В зеркале я увидел позади себя большой сине-белый экскурсионный автобус, переполненный туристами. От избытка чувств эти путешественники-энтузиасты с обветренными кирпично-красными лицами и в немыслимых шляпах производили ужасающий гвалт.

Я прижался к обочине, и автобус, обдав меня облаком пыли, с грохотом промчался мимо.

Когда я доехал до стоянки, там находилось шесть машин. Сторож – немолодой мужчина в белом пиджаке, на кармане которого были вышиты две рыбки, – вручил мне квитанцию.

– Один доллар, – сказал он извиняющимся тоном. Он понимает, конечно, что это грабеж, но поделаться, к сожалению, ничего не может.

– Вы, наверное, ненавидите тех, кто может еще передвигаться пешком, – сказал я, отдавая деньги.

Узнав, что пешком сюда никто не приходит, я некоторое время продолжал разговор, ожидая, пока соберется вся компания, прибывшая на автобусе. Потом, когда туристы двинулись к зданию «Школы», я незаметно пристроился за ними.

Возле турникета я расстался еще с одним долларом, получив взамен входной билет от кассира, белый пиджак которого украшала та же эмблема с двумя рыбками. Он объяснил, что, если я куплю что-нибудь, деньги будут возвращены.

– Снявши голову, по волосам не плачут, – сказал я.

Кассир равнодушно пожал плечами.

– Пока мы не стали взимать плату, сюда приходили толпы зевак просто так, от нечего делать. И хоть бы один купил что-нибудь.

Уяснив скрытый смысл этого дела, я присоединился к группе туристов и вместе с ними попал в большой зал, где была выставлена для продажи керамика всех форм, размеров и расцветок. Вдоль стен тянулись невысокие прилавки, за ними в белых пиджаках с эмблемами фирмы стояли девушки-продавщицы. Они бросали на туристов безразличные взгляды, и я подумал, что, вероятно, вот так же несколько дней назад здесь изнывала от скуки Тельма Каузнс.

Всего я насчитал двадцать одинаково одетых девушек. Они готовы были продать посетителю любую безвкусную поделку, стоило тому проявить неосторожность и взять ее в руки.

В конце зала, прикрытая пурпурно-красной портьерой, виднелась дверь. Возле нее, закинув ногу на ногу и скрестив на груди руки, сидела блондинка с ледяным выражением на лице.

Я плелся в хвосте у туристов, останавливаясь, когда останавливались они, и вновь шаркал по полу вслед за ними. К моему удивлению, они делали покупку за покупкой, хотя цены были высоки, а продавался хлам.

Я не упускал из виду дверь за портьерой: крупные сделки должны были совершаться именно там. Через некоторое

время портьера раздвинулась, и появилась толстая старуха с ожиревшим китайским мопсом на руках. Я заметил, что ее короткие толстые пальцы были буквально унизаны бриллиантовыми кольцами. Старуха вышла на улицу и направилась к «кадиллаку» с ожидавшим ее шофером.

Одна из продавщиц – хорошенькая, невысокого роста девушка со вздернутым носиком и бойким выражением лица – привлекла мое внимание.

– Есть у вас что-нибудь, кроме этой ерунды? – спросил я. – Мне нужен свадебный подарок.

– Вы не можете подобрать ничего подходящего? – с наигранным удивлением спросила она.

– Взгляните сами. Что из этих вещей вы выбрали бы как подарок к вашей свадьбе?

Она прошлась взглядом по залу и сделала гримаску.

– Возможно, вы правы. Подождите минутку.

Выйдя из-за прилавка, она подошла к блондинке и что-то шепнула. Та окинула меня ледяным взглядом – я, по-видимому, не произвел на нее благоприятного впечатления: со мной не было китайского мопса и на руках не сверкали бриллианты. Для нее я был одним из многих тысяч бездельников-туристов.

Хорошенькая продавщица вернулась за прилавок.

– Вам поможет выбрать подарок мисс Мэддокс, – сказала она, глазами указывая на блондинку.

Встав со стула и слегка покачивая широкими бедрами,

мисс Мэддокс ожидала меня; ее высокая грудь мерно вздымалась и опускалась в такт дыханию. Такими формами мужчины любят на рекламах нейлоновых изделий.

– Что вы желаете? – спросила она скучающим голосом, рассматривая меня и по-прежнему не находя ничего, достойного внимания.

– Я ищу свадебный подарок. В названии вашего магазина есть слово «оригинальное искусство», но, к сожалению, ничего оригинального пока не нашел.

Она приподняла свои выщипанные брови.

– У нас есть и другие изделия, но стоят они недешево.

– Что ж, женятся ведь не каждый день. Можно взглянуть?

В этом зале было выставлено для обозрения и продажи около шестидесяти произведений мистера Хана. Каждый предмет покоился на отдельной подставке. Беглый осмотр убедил меня, что именно этими вещами должна была восхищаться Марго. Вещи во втором зале были так же непохожи на вещи первого, как обычные камушки на бриллианты.

– Это лучше, – сказал я, осматриваясь по сторонам и замечая еще одну зашторенную дверь. Возле нее сидела девушка, на этот раз рыжеволосая. – Разрешите мне немного побродить.

Отойдя на несколько шагов, мисс Мэддокс оперлась округлым бедром о прилавок. Глаза ее, выразившие безразличие и скуку, говорили, что мне не удастся ввести ее в заблуждение относительно своей персоны.

Керамика и бронза, выставленные для избранной клиентуры, были по-настоящему хороши. Особенно понравилась мне статуя обнаженной девушки, прикрывавшей руками грудь. Казалось, она излучала самую жизнь, и я не удивился бы, сойди она внезапно с пьедестала.

– Неплохо, – сказал я. – Сколько стоит эта девушка?

– Две тысячи долларов, – ответила мисс Мэддокс тоном продавца, называющего цену «роллс-ройса».

– Так дорого? Для меня это, пожалуй, не подойдет.

На лице ее появилась презрительная улыбка, и она отодвинулась от меня еще дальше.

Портьера двери, через которую я вошел, слегка приоткрылась, и внутрь проскользнул полный мужчина с болезненным цветом лица. На нем были белые фланелевые брюки и аккуратная спортивная куртка с затейливым петушиным гребешком на карманах; в толстых белых пальцах он держал шестидюймовую сигару.

Я узнал этого человека с первого взгляда: Кордец, продавший ему накануне вечером два пакетика спичек, называл его Донахью.

Краешком глаза я наблюдал за Донахью, который, увидев меня, остановился, словно его пригвоздили к месту.

Он нервничал – сделав несколько шагов, бросился назад, потом, вновь остановившись, посмотрел на меня.

– Эта безделушка, вероятно, подешевле? – сказал я мисс Мэддокс, делая вид, что поглощен скульптурой матадора.

– Три с половиной тысячи, – ответила она, не удостоив меня взгляда.

Донахью прошел через зал, остановился около рыжеволосой девицы, порылся в кармане и что-то показал ей. Это был пакетик спичек из «Клуба мушкетеров».

Девица отодвинула портьеру, и Донахью исчез за дверью.

Глава десятая

1

Я опять стал ходить по залу. Обе девушки следили за мной настороженно и подозрительно. Когда я разглядывал бронзового пуделя, мисс Мэддокс произнесла с раздражением в голосе:

– Это стоит тысячу семьсот долларов.

– Так дешево? – ответил я, мило улыбаясь. – Собачка выглядит совсем как живая. Тысяча семьсот – не цена для шедевra. Разрешите мне еще немного подумать?

Мисс Мэддокс поджала губы.

Портьера снова шевельнулась, и появился Донахью. Глянув на меня вытаращенными глазами, он суетливо прошмыгнул к выходу.

Я не мог околачиваться в зале до бесконечности. «Интересно, что принесет мне пакетик спичек из сумочки Марго?» – сказал я. Изобразив улыбку, я двинулся к рыжеволосому церберу и показал загадочный пакетик. Посмотрев с раздражением на мисс Мэддокс, девица слегка отдернула портьеру.

– Спасибо. Я хотел убедиться, что за мной никто не сле-

дит.

Поскольку на ее лице не выразилось никаких чувств, я понял, что мне не следовало вступать в разговоры, и впредь решил молчать, как рыба.

Я оказался в ярко освещенном коридоре. Я был в полном неведении относительно того, что меня здесь ожидает; мне было немного не по себе.

Дойдя до конца коридора, я остановился перед дверью со смотровым глазком. Рядом виднелась кнопка звонка. На небольшой полке стояла аляповатая глиняная чаша зелено-го цвета. Я заглянул в нее: на дне лежало около дюжины бумажных спичек. Все они были с обгорелой головкой, и на каждой имелся набор цифр.

Я в раздумье смотрел на спички, пытаясь постичь тайный смысл увиденного. Я был, наверное, на пороге какого-то важного открытия, хотя не мог пока правильно оценить его. Несколько раз я осторожно оглядывался, но на другом конце коридора все было спокойно, за мной никто не следил.

Я чувствовал немалый соблазн нажать на кнопку звонка и посмотреть, что из этого выйдет, но не решился испытывать судьбу дальше. Пришлось удовлетвориться сознанием того, что я обнаружил определенную связь между «Клубом мушкетеров» и «Школой керамики» Маркуса Хана. Члены клуба платили Кордецу большие деньги за спички, затем, придя сюда, расставались с ними. Но для чего?..

Я быстро пошел обратно по коридору и, вновь оказавшись

в зале, постарался придать себе такой же взволнованный и чуточку виноватый вид, что и Донахью. Рыжеволосая девица, занятая своими ногтями, не потрудилась взглянуть на меня, и я, пройдя через вторую дверь, присоединился к туристам, уже успевшим истратить свои деньги. Вместе с ними я вышел через турникет на улицу.

Из «Школы керамики» я поехал к Марго, положив спички в ее сумочку. Дежурный за конторкой сообщил Марго по телефону о моем прибытии, и она передала, что встретится со мной в баре на углу минут через пять.

На часах было четверть первого, когда, держа в руках большую пляжную сумку, она вошла в бар. Волосы были перевиты красной лентой, и выглядела она так сногшибательно, что взоры всех мужчин немедленно обратились в ее сторону.

– Я не могу долго быть с тобой, Лу, – сказала она, улыбаясь. – Меня ждут к ленчу на другом конце города. Ты принес сумочку? Твои труды будут вознаграждены. Спасибо, Лу. Я ужасно легкомысленно обращаюсь со своими вещами. – Она сунула сумочку в пляжный баул.

– Минуточку. Ты сначала проверь, все ли на месте.

Марго вопросительно посмотрела на меня:

– Разве что-нибудь могло пропасть?

Ее темно-фиолетовые глаза были бесхитростны и невинны.

– Марго, в сумке я нашел спички, о которых мне хотелось

бы кое-что узнать.

– Спички? – Ее взгляд выразил удивление. – Почему они тебя интересуют? – Раскрыв сумочку, она вынула пакетик. – Ты это имеешь в виду?

– Да. Где ты их достала?

– Понятия не имею. Откровенно говоря, я даже не знала, что они здесь. Но что с тобой, Лу? Почему ты вдруг заинтересовался какими-то спичками?

– Это те самые спички, Марго, которые я нашел в вещах Шеппи. Позднее кто-то украл их и подменил другими. И теперь я нахожу их в твоей сумочке.

– Почему ты думаешь, что это те самые спички? В клубе я видела сотни подобных пакетиков.

– Посмотри повнимательней: на обратной стороне каждой из них напечатаны цифры.

Нахмурившись, она отогнула одну за другой все спички.

– Действительно, странно. Но, возможно, цифры напечатаны на всех спичках клуба?

– Нет. Но ты не ответила на вопрос: как они попали к тебе?

– Вероятно, я принесла их из клуба вчера вечером. Я ужинала там. – С минуту она размышляла с сосредоточенным видом. – Да, конечно, я вспомнила. Я никогда не пользуюсь спичками, но вчера при мне не оказалось зажигалки, и я, наверное, взяла их в гардеробе.

Я покачал головой:

– Этого не могло быть. Это особые спички, Марго, из-за

них было совершено убийство. Их не могли дать в гардеробе.

Выражение ее глаз стало тревожным:

– Тогда я ничего не понимаю. Может, кто-нибудь дал их мне, когда я собиралась закурить?

– Я не хочу поверить, чтобы кто-нибудь добровольно расстался с ними. С кем ты вчера ужинала?

– В небольшой компании. Кроме меня были еще пять человек: Бриджетт с Трисби, один знакомый по имени Донахью, Гарри Лукас, с которым я иногда играю в теннис, и Дорис Литтл, моя подруга.

– Мог кто-нибудь из этой компании положить спички по рассеянности на стол.

– Это могло случиться, хотя я совершенно не помню, как они у меня оказались.

– Мне очень не нравится история со спичками, Марго. Пакетик стоит больших денег. Мне кажется невероятным, чтобы кто-нибудь мог забыть его на столе.

– Но человек, возможно, думал, что это обычные спички. Официанты в клубе раздают их всем посетителям.

– Может, ты и права. Но так или иначе, мне нужны эти спички. Я должен показать их лейтенанту Ренкину.

Глаза у Марго широко открылись:

– И тогда я окажусь замешанной в уголовном деле? Я не могу допустить, папа будет вне себя.

– Я обязан рассказать о спичках Ренкину. Но тебе нечего волноваться: полиция в Сан-Рафеле слишком боится твоего

отца.

– Но, дорогой, предположим, он скажет папе? Нет, ты не должен так поступать. Неужели ты этого не понимаешь? Он обязательно поинтересуется, каким образом ты нашел спички в сумочке? Надеюсь, ты не собираешься рассказывать ему, что произошло прошлой ночью?

Минуту я размышлял.

– Хорошо. Прежде чем идти в полицию, я переговорю с Трисби. Может, он что-нибудь расскажет.

Она протянула пакетик:

– Возьми, но, пожалуйста, не впутывай меня в это дело. Если газеты узнают, что я замешана...

Я погладил ее по руке.

– Успокойся. Но хорошенько подумай, как у тебя могли оказаться спички. Это важно, Марго.

– Обязательно. – Она посмотрела на часы. – Извини, мне надо бежать, я опаздываю. До скорой встречи, Лу.

– До свидания.

И Марго торопливо пересекла бар. Щелкнув пальцами, я подозвал официанта и расплатился по счету. Потом вышел на залитую солнцем улицу, завел машину и поехал к Трисби.

Горная дорога была пустынна, и я испытывал чувство глубокого одиночества.

Миновав деревянную калитку с табличкой «Белая дача», я двинулся узкой тропкой, которая и вывела к дому. Это было легкое сооружение с белыми стенами, просторной верандой и горшками бегонии под окнами; веранда была сплошь увита красно-белыми колокольчиками.

На балюстраде грелся на солнце сиамский кот, лениво подняв голову при моем приближении. Проводив меня безучастным взглядом, он вновь погрузился в пантеон сновидений, уткнувшись мордой в теплый камень.

Я поднялся на веранду и остановился у отделанной хромом застекленной двери. Я собирался нажать на кнопку звонка, когда из дома послышался женский голос:

– Ради бога, Жак, не пей сейчас, нам надо поговорить.

– Именно поэтому, дорогая, мне и нужно выпить. Неужели ты думаешь, что я смогу выслушать тебя трезвым? Пожалуйста, будь рассудительной.

– Ты порядочная свинья, Жак. – Голос женщины звучал зло и враждебно.

– Не стану спорить, возможно, ты и права, моя кошечка, – беззаботно ответил мужчина. – Но ты, по-моему, давно привыкла к свиньям.

По шипению сифона я определил, что Жак Трисби был занят приготовлением напитка. Я заглянул осторожно внутрь.

В одном из кресел сидела женщина лет тридцати семи с волосами светло-абрикосового цвета. Ее холодная красота была лишена индивидуальности, купальный костюм едва прикрывал покрытое загаром тело. Лет пятнадцать назад ее фигура была, вероятно, классической, сейчас же заметно дряблые формы не вызывали эстетического чувства. На ногах у нее были открытые сандалии, в ушах красовались белые коралловые серьги. Ожерелье, тоже из белых кораллов, украшало шею.

Нетрудно было догадаться, кем была эта женщина: в гостиной за застекленной дверью сидела бывшая кинозвезда Бриджетт Бленд, ныне жена Ли Криди.

В комнату вошел Жак Трисби. Именно таким я его и представлял: породистым животным с черными вьющимися волосами, голубыми глазами и тонкими усиками на красивом лице. Он был в белой фуфайке, малиновых шортах и сандалиях. В правой руке Трисби держал стакан с виски, в его толстых чувственных губах дымилась сигарета.

– Где ты был вчера вечером, Жак? – спросила Бриджетт, подозрительно глядя на него.

– Моя дорогая, сколько раз повторять одно и то же? Я был дома, смотрел бокс по телевизору.

– Я ждала тебя в клубе два часа.

– Ты сказала об этом уже пять раз. Но ведь мы не договаривались о встрече?

– Мы договаривались вполне определенно. Я разговари-

вала с тобой по телефону, ты сказал, что придешь.

Отпив виски, он поставил стакан на стол.

– И все-таки я забыл. Повторяю, мне очень жаль. – Он зевнул, прикрывая рот рукой. – Зачем начинать все сначала?

– Ты не смотрел телевизор, Жак. Я звонила вчера вечером, но никто не ответил.

– Я часто не отвечаю на телефонные звонки, моя дорогая Бриджетт. Разговоры со скучными людьми утомляют.

Ее ноздри раздулись от негодования:

– Значит, я надоела тебе?

– Сейчас, дорогая, ты и впрямь мне докучаешь. Я сидел вечером дома и смотрел телевизор. Я слышал телефонный звонок, но решил не снимать трубку. Когда окончилась передача, отправился спать. Я совершенно забыл о свидании и очень об этом сожалею.

Она выпрямилась в кресле, глаза ее горели ненавистью:

– Ты лжешь! Ты не был дома! Я приезжала сюда и в окнах не видела света. Я заглянула в гараж, но там было пусто. Как ты смеешь лгать?!

Улыбка медленно исчезла с его лица, и взгляд стал жестким.

– Ты говоришь, что приезжала сюда? Недорого же ты себя ценишь, моя кошечка! Сначала ты наняла частного сыщика, чтобы следить за мной, теперь шпионишь сама. Мне надоело, я по горло сыт твоим вниманием: нам надо кончать!

Положив руки на голые колени, она крепко сжала их.

– Кто была эта женщина?

Трисби допил виски и загасил сигарету.

– Ну знаешь, хватит на сегодня, – сказал он. – Если тебе нечего делать, то меня ждут дела.

– Это была Марго? – В голосе Бриджетт звучала злоба. – Вы снова встречаетесь?

– Коль Марго красивее тебя и в два раза моложе, ты думаешь, она для меня что-то значит? Между нами, женщины из семейства Криди сейчас не ходкий товар. Они слишком сексуальны и назойливы.

– Так это была Марго? Она еще не оставила тебя в покое? – Голос Бриджетт дрожал.

– Пожалуйста, без сцен, – сказал Трисби, уходя в невидимую для меня часть комнаты. Я услышал звон стекла и щелканье пробок. – А теперь, Бриджетт, будь любезна уйти.

– Я не уйду, пока не узнаю, с какой женщиной ты был вчера вечером!

– Хорошо, если тебе так хочется знать: я коротал время с хорошенькой блондинкой, свеженькой и молодой. Я встретил ее на «променаде», она страдала от одиночества. Ты знаешь, Бриджетт, я всегда стараюсь утешить одиноких женщин. – Он снова появился в поле моего зрения со стаканом в руке. Оболочка галантной обходительности вернулась к нему. – И ты не поверишь, как горячо откликнулась она на мое внимание.

– Значит, между нами все кончено?

– Дорогая, тебе действительно не откажешь в сообразительности. Я говорю об этом всего десять минут, а до тебя уже дошло. Мы неплохо провели время, Бриджетт, сейчас же будет лучше, если мы пойдем разными путями.

Сидя в кресле, Бриджетт наблюдала за своим собеседником. Казалось, за время разговора с Трисби она постарела на несколько лет. Ее нагота вызывала у меня лишь смущение.

– Если ты решил расстаться, уплати свои долги, – сказала она холодно и ровно. – Ты не забыл, что должен мне тринадцать тысяч?

Улыбка на лице Трисби стала еще шире.

– Так много? – Поднеся стакан к глазам, он заглянул в него и удивленно приподнял брови. – Ты хочешь сказать, что все это записано у тебя в книге с кожаным переплетом?

– Да, я записывала твои долги. Теперь мне нужны деньги.

– Не сомневаюсь. Твой стареющий супруг не слишком раскошеляется, не так ли? Но придется обождать: сейчас у меня нет ничего похожего на тринадцать тысяч. Развлекать тебя стоило немалых денег. Я, разумеется, верну долг, но попозже.

– Деньги нужны мне сейчас, – повторила она.

– Очень жаль. Ну, мне надо бежать. Проводить тебя до машины?

– Я говорю еще раз: мне нужны деньги.

– Ты можешь подать в суд. Я уверен, муж даст дельный юридический совет. Конечно, он разведется с тобой, узнав,

что я задолжал тебе такую сумму. Как-никак Ли Криди – тоже мужчина и должен сообразить, что я давал тебе что-то взамен денег.

Взгляды, которые она бросала на Трисби, вызывали у меня серьезную тревогу; на него же они не производили никакого впечатления.

– Я думаю, такие, как ты, не заслуживают право на жизнь, – сказала Бриджетт наконец. – Я, вероятно, была не в своем уме, согласившись стать твоей любовницей.

– Давай обойдемся без громких фраз, – ответил Трисби. – Ты была неудовлетворенной женщиной, и я в меру своих сил старался умиротворить твои желания. Тебе следовало знать, что за удовольствия платят. Будь рассудительной, Бриджетт, давай расстанемся по-хорошему. На свете немало красивых и сильных парней. Ты без труда найдешь мне замену. Новый любовник будет исполнять все твои прихоти, и через пару недель ты обо мне и не вспомнишь.

Несколько секунд она пристально смотрела на него, потом придвинула к себе большую пляжную сумку.

– Ты говоришь это серьезно, Жак? Между нами все кончено?

– Да. – Он с раздражением провел рукой по волосам.

– И мы больше не будем встречаться?

– Если ты не желаешь понять по-хорошему, – сказал он, наклоняясь вперед и с ненавистью глядя на нее, – убирайся к черту! Мне опротивело видеть твои тела! Убирайся, или

я вышвырну тебя отсюда!

– Сейчас я убью тебя, Жак. Если ты не можешь принадлежать мне, то не достанешься и другой женщине. – Бриджетт вынула из сумки револьвер.

Глава одиннадцатая

1

Трисби, застыв на месте, смотрел на свою бывшую любовницу с недоверием и страхом. В купальном костюме, с револьвером в руке Бриджетт выглядела нелепо и страшно. Под слоем загара кожа ее приобрела мертвенно-бледный оттенок, лицо покрылось крупными пятнами.

– Да, Жак, – повторила она тихо, – сейчас я убью тебя. Я достаточно настрадалась, теперь свою долю получишь ты.

– Не сходи с ума, – медленно выговаривая слова, произнес Трисби. Он провел языком по губам. – Положи револьвер, Бриджетт, и давай поговорим. Я согласен, что вел себя не совсем красиво. Попробуем начать все сначала. Я неудачно пошутил, когда...

– Ты жалкий трус, – с презрением прервала она. – Я знала, именно так ты и будешь говорить, если тебя припереть к стенке. Но теперь уже слишком поздно, Жак: у меня к тебе столько же жалости, сколько ее было у тебя.

Он начал медленно отступать назад. И так же медленно она двинулась вслед за ним через просторный холл. Он поднял руки, словно защищаясь от пули.

Я бесшумно открыл дверь и шагнул внутрь.

Трисби, стоявший лицом к веранде, увидел меня. Он смотрел обезумевшими от ужаса глазами, и я, понимая, что разъяренная баба может застрелить его в любое мгновение, прыгнул вперед и наотмашь ударил Бриджетт по запястью. Раздался выстрел, пуля впилась в пол.

Я вырвал оружие, Бриджетт метнулась в сторону, потом, схватив сумку, опрометью выбежала за дверь.

Трисби, обхватив голову, без сил опустился на кушетку. Я положил револьвер на столик для коктейля и, вынув носовой платок, смахнул пот с лица.

В неподвижной тишине шум отъезжающего автомобиля прозвучал неестественно громко.

– Она не собиралась убивать вас, – сказал я по возможности мягко. – Я видел, что миссис Криди целилась в ногу.

Сделав невероятное усилие взять себя в руки, он встал и беззвучно зашевелил губами; в глазах его по-прежнему был страх.

– Проклятые неврастенички! – выговорил он с трудом. – Где она раздобыла револьвер?

– Женщины часто сводят счеты подобным образом, – сказал я. – Они убивают мужчин ежедневно, если все другие меры, по их мнению, исчерпаны.

Он тупо уставился на меня:

– Кто вы такой и как попали сюда?

Достав визитную карточку, я протянул ее Трисби. Он по-

смотрел издали, взять отказался: его руки дрожали.

– Черт возьми! – воскликнул он. – Агентство «Стар». Ведь это то самое агентство, чей сыщик... – Внезапно замолчав, он отодвинулся, и в глазах появилось тревожное и недоумевающее выражение.

– Все правильно, – сказал я. – Шеппи был мой компаньон.

– Она наняла вас следить за мной?

– Нет, я оказался здесь случайно. Я приехал поговорить с вами.

Он встал и пошел к стойке.

– Выпьете?

– Спасибо, да.

Он налил виски. Потом, поставив стаканы на столик, плюхнулся в кресло.

– Она испугала меня на минуту, – сказал Трисби, доставая сигарету из эбонитовой коробки и закуривая. – Вы видели выражение ее глаз? Она и впрямь собиралась убить. – Он залпом осушил стакан. – Если бы не вы...

– Думаю, она хотела только припугнуть, – сказал я, отлично понимая, что намерения Бриджетт были самые серьезные. – Вы, наверное, ведете очень бурную жизнь.

Он криво усмехнулся:

– Это будет хорошим уроком. Я постараюсь впредь забыть о стареющих неврастеничках. – Подавшись вперед, он уставился на револьвер. – Как вы думаете, где она его достала?

– Нынче каждый может обзавестись оружием, это нетруд-

но. – Я взял револьвер и опустил в карман. – Правда, что она наняла Шеппи следить за вами?

– Не знаю. – Глаза его беспокойно забегали. – Вообще-то она способна нанять целую свору сыщиков. Бриджетт считала меня своей собственностью.

– И к тому же весьма ценной. Тринадцать тысяч долларов – это большие деньги.

Он повел своими атлетическими плечами.

– Бриджетт не в своем уме, я никогда не брал займы такой суммы. Конечно, последние шесть месяцев мы всюду бывали вместе, и это кое-что стоило, но деньги я тратил на нее же.

– Вы обвинили ее, что она наняла частного сыщика следить за вами. Это был Шеппи? Не волнуйтесь, полиция не узнает о нашем разговоре.

Подумав, он спросил:

– Что вы хотите знать?

– Нанимала миссис Криди моего компаньона следить за вами?

Он молчал в нерешительности.

– Если я отвечу, у меня не будет неприятностей с «фараонами»?

– Нет, не будет.

– Хорошо, тогда я скажу: да, нанимала.

– Что толкнуло ее на это?

– Она, видите ли, вообразила, что у меня роман с ее пад-

черицей.

– А на самом деле у вас, конечно, ничего подобного не было?

– Боже мой, конечно, нет! Падчерица осточертела мне еще много месяцев назад.

– Тогда кто же сейчас ваша очередная любовь?

Виски немного успокоили его нервы, и он самодовольно ухмыльнулся:

– О таких вещах говорить не принято. Просто девушка.

– И Шеппи узнал о ней?

Трисби кивнул:

– Да, и сообщил об этом Бриджетт. И она попыталась ее припугнуть.

– Успешно?

– По всей видимости, да. Больше я ее не видел.

– Что произошло потом?

– Бриджетт снова продела мне кольцо в нос и некоторое время продолжала водить за собой. Два дня назад я решил, что с меня хватит, а об остальном вы знаете.

– Послушайте, Трисби, девчонка, за которой следил Шеппи, была Тельма Каузнс?

В глазах у него мелькнуло удивление:

– Знаешь, приятель, не впутывай меня в уголовное дело!

– Для уголовного дела ты и так разболтал слишком много, – сказал я. – Так как же, ее звали Тельма Каузнс?

– Да, да, Тельма Каузнс, – нетерпеливо и раздраженно от-

ветил он.

– Мне говорили, что она была скромной девушкой.

Трисби снова самодовольно ухмыльнулся:

– Вот с такими скромницами легче всего. У меня она стала ручной за два дня. Все было готово для великой ночи, да помешал Шеппи.

– Где ты с ней встретился?

– В магазине керамики. Она втюрилась с первого взгляда.

– Кто тебе сказал, что Шеппи следит за вами?

– Тельма. Он заходил к ней домой и посоветовал держаться от меня подальше. Я сразу догадался, что это Бриджетт его подслала, и решил кончать. Я знал, Бриджетт доставит кучу неприятностей, если я не развяжусь с девчонкой.

– Сначала ты сказал, что к ней ходила Бриджетт?

Он закурил сигарету.

– Это было уже после Шеппи. Так, по крайней мере, она говорила.

До сих пор я верил ему, но сейчас в меня закралось сомнение. Так или иначе, я был уверен, что рассказывает он далеко не всю правду.

– Как ты думаешь, Трисби, кто убил ее?

– Откуда мне знать? – ответил он, не опуская глаз под моим пристальным взглядом. – Я и сам удивляюсь, для чего понадобилось ей ходить с Шеппи в купальную кабину. Может, когда я ее бросил, она решила от огорчения сойтись с ним?

Такое предположение было вполне правдоподобным:

Шеппи умел нравиться женщинам.

– Значит, так никого и не подозреваешь?

После некоторого колебания он сказал:

– Видишь ли, я уже думал об этом. По-моему, убийца охотился не за Шеппи, а за ней. Шеппи пытался защитить Тельму и поплатился за это.

– Тогда почему она сразу не сообщила в полицию?

– Гм... Этот вопрос с таким же успехом я могу задать и тебе. Возможно, она решила не ставить в известность полицию, чтобы избежать сплетен. Как бы она объяснила свое уединение с мужчиной в купальной кабине? Ведь по правилам там могут находиться только супружеские пары.

– Ты думаешь, Шеппи и девчонку убила Бриджетт?

На его лице появились признаки беспокойства.

– Этого я не говорил. Я не могу представить, чтобы Бриджетт воткнула нож в твоего Шеппи.

Подумав, я решил, что это выходит за рамки и моего воображения.

– Она могла нанять кого-нибудь. Одного из гангстеров, которые служат у мужа. Херца, например.

Лицо Трисби выразило отвращение.

– Этого бандита? Что ж, возможно, она так и сделала. Меня не удивит, если она наймет Херца свести счеты и со мной. Так будет намного проще. – Взгляд его сделался тревожным. – Пожалуй, мне лучше убраться из этого города, здесь оставаться небезопасно.

Вынув из пачки сигарету, я сунул ее в рот и неторопливо достал из кармана пакетик спичек. Я держал его таким образом, чтобы Трисби мог видеть этот сувенир из «Клуба мушкетеров».

– Что ты знаешь о Херце? – спросил я, отрывая спичку.

Реакция Трисби была мгновенной. Он рванулся вперед, будто собирался помешать мне совершить непоправимый поступок, потом стал напряженно вглядываться в красный пакетик.

Прикурив сигарету, я положил спичку в пепельницу цифрами вверх. Увидев, что спичка пронумерована, Трисби растерялся вконец.

– Что-нибудь случилось? – невозмутимо спросил я, засовывая пакетик в карман.

– Н-нет. Я не знал, что ты член клуба, – ответил он, стараясь скрыть свое возбуждение.

– Ты имеешь в виду эти спички? Я их просто нашел.

– Понятно. – Он смахнул пот с лица. – Мне нужно двигаться, у меня свидание. – Он поднялся.

– Ты не ответил на мой вопрос. Что тебе известно о Херце?

– Я знаю только, что Криди иногда приказывает ему расправиться с тем или иным человеком. Больше мне ничего не известно. Ну ладно, спасибо, что пришел вовремя. Мне действительно пора уходить, я опаздываю. Извини, но тебе также придется уйти.

– Я готов. Надеюсь, мы еще увидимся.

Кивнув, я вышел из холла на веранду. «Отдельные части кроссворда встают на свои места, – подумал я. – Скоро должна проясниться вся картина».

Сиамский кот, приподняв морду, сонно уставился на меня. Я пощекотал ему брюшко, и он, протянув лапу, сделал вялую попытку цапнуть когтями.

– Спокойно, – сказал я, своевременно убирая руку. – Не делай из меня еще одного неврастеника.

И неторопливо пошел по тропинке, чувствуя на спине пристальный взгляд Трисби.

2

Возвращаясь в Сан-Рафел, я размышлял о том, что сейчас, по всей видимости, я веду расследование не одного, а нескольких дел.

Возможно, Трисби прав и моего компаньона ухлопали по ошибке. Вспомнилось исступленное лицо Бриджетт, и я подумал, что она действительно способна заплатить какому-то гангстеру, чтобы тот убрал соперницу с ее пути.

Самым разумным при данных обстоятельствах была бы беседа с Бриджетт Криди, но, прежде чем встретиться с ней, было необходимо выработать линию поведения.

Часы показывали половину второго, и я почувствовал, что изрядно проголодался. Остановившись у небольшого ресто-

рана «Дары моря», я запер машину и пошел обедать. Готовили здесь удивительно вкусно, но еще удивительней оказался представленный счет. Я глядел на него, решив, что официант ненароком прибавил к причитавшейся с меня сумме сегодняшнюю дату: день, месяц и год в цифрах.

Примерно через час я позвонил Криди. Ответил гнусавый голос мажордома – состояние его аденоидов по-прежнему было плачевным.

– Я соединю вас с секретарем миссис Криди, – сказал он. В трубке слышались щелчки, и через некоторое время бесстрастный женский голос поинтересовался, что мне угодно.

– Необходимо встретиться с миссис Криди, – сказал я. – Мы виделись сегодня утром, и у меня осталось кое-что из ее вещей. Узнайте, когда она сможет принять.

– Как ваша фамилия?

– Моя фамилия здесь ни при чем. Передайте, что я сказал.

– Хорошо, не кладите трубку.

Наступила длительная пауза. Через стеклянную дверь телефонной будки я увидел, как в бар вошла блондинка в купальном костюме и, взгромоздившись на высокую стойку, заказала шницель с луком. Я почувствовал невольное сострадание к парню, чьей спутницей она будет сегодня вечером.

Механический голос секретарши сказал:

– Миссис Криди примет вас в три часа, если вас это устраивает.

– Я буду ровно в три.

...Возле опущенного шлагбаума ко мне приблизились два охранника.

– К миссис Криди, – сказал я.

По глазам охранников можно было заметить, что закатанные рукава моей сорочки и узкие спортивные брюки им не понравились. Один из них подошел к шлагбауму и молча открыл его. Охранники не сверялись со списком и не звонили в особняк: в таблице о рангах миссис Криди занимала строчку много ниже, чем ее супруг.

Я поехал по знакомой аллее мимо многочисленных клумб и китайцев-садовников, которые отдыхали, сидя на корточках и любуясь произведением своих рук.

Поставив машину рядом с черным «роллс-ройсом», я поднялся по ступеням и оказался на террасе у парадного входа. Здесь предо мною возник старый знакомый – мажордом.

– Мистер Брэндон? – В его голосе я не уловил особого дружелюбия.

– Да. У меня встреча с миссис Криди.

Проведя меня по коридору, лестнице, еще одному коридору, он остановился перед дверью апартаментов миссис и открыл ее.

– Вы так много ходите, – сочувственно сказал я, – что вам следовало бы купить мотороллер. Ноги надо беречь.

Не обратив внимания на легкомысленное замечание, он удалился, ступая плавно и бесшумно. Легкомыслие и шутки

здесь были так же невозможны, как дождь в пустыне.

Я очутился в небольшой приемной со шкафами и письменным столом, за которым сидела молодая девушка. Мы уже встречались с нею – на предварительном следствии. Она была в том же сером полотняном платье с белыми манжетами и воротничком и в очках без оправы.

– Мистер Брэндон?

– Вам известно мое имя?

– Я узнала вас.

– О, да. Я тоже, кажется, видел вас в зале суда.

На ее хорошеньком лице проступил легкий румянец.

– Садитесь, пожалуйста. Миссис Криди не заставит долго ждать.

Девушка начала печатать на машинке, время от времени поглядывая на меня поверх очков. Через четверть часа, решив, что ожидание слишком затянулось, я поднялся.

– Спасибо за кресло. Было приятно побывать с вами наедине. Вы непревзойденный мастер печатать на машинке. Что же касается миссис Криди, то она сможет найти меня в бунгало на Эрроу-Пойнте. – И направился к выходу.

– Мистер Брэндон! Миссис Криди примет вас с минуты на минуту. Подождите, пожалуйста, я сейчас узнаю.

Несмотря на строгий вид, она была, вероятно, неплохая девушка, и мне не хотелось расстраивать ее понапрасну.

– Хорошо, – сказал я, взглянув на часы. – Я подожду еще две минуты.

Она торопливо вышла из приемной. И тотчас появилась снова.

– Миссис Криди готова принять вас, – сказала она, держа дверь открытой.

Проходя мимо, я слегка подмигнул, и мне показалось, что ее веко тоже пришло в движение.

Бриджетт Криди стояла возле окна, устремив взор на клумбы с розами. На ней были светло-зеленая блузка и желтые брюки. Когда я вошел, она медленно повернулась, посмотрев на меня холодно и пристально. Обстановка в гостиной удивительно напоминала бутафорию из какого-нибудь сентиментального фильма – роскошная мебель, сад за окнами и слегка увядшая, знаменитая в прошлом актриса, которая, впрочем, и сейчас котируется еще достаточно высоко.

– Вы хотели видеть меня? Это не ошибка?

Подойдя к столу, я без приглашения сел. Неврастеничные женщины всегда утомляли меня. Они вызывали жалость и в то же время доставляли массу хлопот. Сегодня к Бриджетт Криди я не чувствовал никакой симпатии.

– Я не предлагала вам сесть, – сказала она, картинно выпрямляясь и бросая в мою сторону ледяной взгляд.

– Это не так уж важно, – отпарировал я. – Мне пришлось немало поволноваться нынче, и я устал. Вот ваша игрушка. – Достав револьвер, я вынул магазин и вытряхнул на ладонь патроны. Потом вставил магазин на место.

Долю секунды она колебалась.

– Я полагаю, вы хотите получить гонорар, – сказала Бриджетт полным презрения голосом.

– Я согласился бы и на что-нибудь другое, – сказал я, двусмысленно улыбаясь. Я не собирался сносить ее высокомерия и решил отвечать той же монетой. Мое замечание попало в точку: оставайся в револьвере хоть один патрон, мне бы несдобровать.

– Как вы смеете разговаривать подобным образом?! – выкрикнула она. – Не думайте, что вам удастся шантажировать меня. Я...

– Бросьте играть, мы не на съемках, – прервал я. – Никто не собирается шантажировать. Садитесь и слушайте, что я скажу.

– Мой муж... – начала было она, но я не дал ей закончить:

– Не пугайте меня вашим мужем. Даже он не помешает напечатать обо всем в «Курьере».

Положив револьвер на стол, Бриджетт села в самое дальнее от меня кресло.

– О чем вы собираетесь говорить? – спросила она с металлической ноткой в голосе.

– Вы знаете, о чем. Не окажись я утром в доме Трисби, он был бы уже покойник. Покушение на убийство со стороны жены миллионера, знаменитого мистера Криди, – это обошло бы все газеты страны.

– Никто не осмелится об этом напечатать! – яростно воскликнула она.

– Не будьте так самоуверенны.

С трудом она взяла себя в руки.

– Хорошо, сколько вы хотите?

– Я не принадлежу к числу ваших друзей, миссис Криди, которые любят пожить за чужой счет. Мне нужна кое-какая информация.

Ее глаза сузились.

– Какая именно?

– Относительно моего компаньона, которого вы наняли следить за Трисби.

На ее лице мелькнуло беспокойство, пальцы нервно сжались.

– Если об этом сказал Жак, то он лжет. Я никого не нанимала.

– Он утверждает обратное.

– Он был и останется лжецом! – с ненавистью выкрикнула она. – Я повторяю еще раз: это ложь!

– Может, вы наняли Шеппи следить за кем-нибудь другим?

– Нет!

– Но вам было известно, что Трисби обманывает вас с девицей по имени Тельма Каузнс? Разве вы не предупреждали Тельму, чтобы она оставила в покое вашего любовника?

– Я впервые слышу об этой потаскухе!

– Не принимайте меня за дурака. Ее фото появилось во всех газетах.

– Повторяю: я никогда не видела ее и не желаю ничего слышать!

Я почувствовал, что натолкнулся на глухую стену. У нее оказалось достаточно сообразительности понять, что никаких доказательств, кроме слов Трисби, у меня нет.

– Мне не остается ничего другого, как рассказать обо всем лейтенанту Ренкину, – сказал я. – Если вы и вправду не нанимали Шеппи и ничего не знаете об убитой, вам нечего беспокоиться. Не так ли?

– Можете сказать ему все, что вам вздумается, – резко бросила она. – Но предупреждаю: если вы попытаетесь впутать меня в это дело, я обращусь в суд – и вам nepоздоровится. А сейчас – уходите вон, я не желаю больше слушать всякий вздор.

Я решил, что наступило время выложить свой последний козырь.

– Эти спички случайно не ваши, миссис Криди? – Я достал из кармана красный пакетик. Хотя я внимательно наблюдал за ней, мне не удалось заметить никаких признаков возбуждения, как это было в случае с Трисби.

– Не понимаю, что вам еще от меня нужно...

– Я хочу вернуть спички. Они ваши?

Она глянула так, словно рядом с ней находился сумасшедший.

– Мне кажется, вам лучше уйти. – Она потянулась к звонку и нажала на кнопку.

– Мы еще встретимся, миссис Криди, – сказал я.

Бриджетт отвернулась.

– Мое появление в этом доме встретили не очень благожелательно. Вам это не показалось? – сказал я секретарше, когда мы пересекли приемную.

Она молча распахнула передо мною дверь.

– Вниз по лестнице. Хилтон покажет, где выход.

– Спасибо, – ответил я и, подняв на нее глаза, добавил: – Для чего вы носите эти очки?

– Я... – На ее лице снова вспыхнул румянец.

– Выбросьте их, они вас портят.

Девчонка недоуменно уставилась на меня, а я, не дожидаясь ответа, быстро зашагал прочь. За следующей дверью поджидал мажордом.

Поднявшись со стула с видом старого аиста, покидающего любимое гнездо, он степенно произнес:

– Вас желает видеть мистер Криди.

– Видеть меня? – с искренним удивлением переспросил я. – Вы уверены в этом?

– Вполне, мистер Брэндон. Он просил зайти, когда закончите с миссис Криди.

– Он заставит ждать пять часов или примет сразу?

– Я полагаю, немедленно.

– Это меняет дело, тогда идем.

Пришлось совершить еще одно путешествие по нескольким коридорам, прежде чем мы остановились перед массив-

ной дверью из красного дерева. Деликатно постучав, старик мажордом повернул ручку и открыл дверь.

– Мистер Брэндон, сэр, – сказал он, отступая в сторону.

Я двинулся вперед по гигантскому кабинету. Криди сидел за письменным столом и, протирая очки, наблюдал за мной. Его лицо выражало не больше, чем сложенная из камня стена; если бы не легкое шевеление пальцев, он мог бы с успехом соперничать с Большим Сфинксом.

Не ожидая приглашения, я сел в кресло.

Протерев очки, Криди удовлетворенно водрузил их на нос.

– Что у вас за дела в моем доме, мистер Брэндон? – негромко спросил он.

– Визит вежливости.

– И к кому же?

– Мне не хочется быть грубым, мистер Криди, но это не ваше дело.

Его губы плотно сжались: таким тоном с ним, вероятно, разговаривали не часто.

– Вы встречались с моей женой?

– Почему бы вам не спросить у нее самой? Больше вопросов нет? Если это все, то я побегу. Время для меня – те же деньги.

Взяв в руки нож для разрезания бумаг, он несколько секунд изучающе смотрел на меня.

– Я наводил справки о вашем агентстве, – сказал он. – Де-

ло приносит некоторую прибыль и оценивается примерно в три тысячи долларов.

– Оно стоит гораздо больше, – возразил я. – Главное – это личные контакты и добрая воля. Доброй воли мне не занимать, а связям можно только позавидовать.

– Меня интересуют предприятия, которые приносят доход. Обычно я их покупаю, – неожиданно сказал Криди. – Я намерен купить ваше агентство, скажем, за десять тысяч. Естественно, это включает добрую волю и те личные связи, которые у вас имеются.

– Что же случится со мной, если я продам свое дело? – поинтересовался я.

– Вы будете продолжать работу под моим наблюдением.

– Наблюдать за мной не так-то просто, мистер Криди. Во всяком случае, не за десять тысяч долларов.

– Я согласен повысить цену до пятнадцати тысяч.

– По-видимому, вы пожелаете, чтобы я прекратил расследование обстоятельств смерти моего компаньона?

– Убийством должна заниматься полиция, мистер Брэндон. Никто не заплатит за ваши старания. В случае, если я куплю агентство «Стар», ваш талант будет использован там, где можно извлечь прибыль. Это было бы справедливо.

– Спасибо за великодушное предложение, но я намерен продолжать начатое расследование, выгодно мне это или нет.

Отодвинув в сторону нож для бумаг, он переплел пальцы и положил на них подбородок. Глядя на меня, он не пытался

скрыть своего отвращения.

– Я твердо решил купить ваше агентство, мистер Брэндон. Вы можете сами назвать цену.

– Каждого человека можно купить, если цена достаточно высока? Вы это хотите сказать?

– Не стоит повторять общеизвестных истин. Давайте не будем терять времени. У меня много срочных дел. Какова ваша цена?

– За агентство или за то, что я прекращу расследование?

– За ваше агентство.

– Оно не продается, – сказал я, поднимаясь. – Я хочу докопаться до правды и думаю, мне это удастся.

Откинувшись в кресле, он начал постукивать по столу кончиками пальцев.

– Я интересовался, что представлял собою ваш компаньон, – сказал он. – Это была никчемная личность. Если бы не вы, ваш детективный бизнес быстро бы прогорел. Шеппи больше занимался женщинами, чем работой, и вам нет смысла упускать выгодную сделку из-за такого человека, как он. Я заплачу пятьдесят тысяч.

Мне показалось, что я ослышался.

– Нет, – ответил я. – Мое агентство не для продажи.

– Сто тысяч, – сказал он, изменившись в лице.

– Нет, – повторил я, чувствуя, что мои ладони стали влажными.

– Сто пятьдесят!

– Довольно! Вы дешево цените свое имя, мистер Криди. Чтобы избежать скандала, можно заплатить и миллион. Но не предлагайте его мне, я все равно не возьму денег. Я удивляюсь, почему вы не прикажете Херцу покончить со мной. Это стоило бы вам долларов двести, а может, и того меньше. Шеппи был мой компаньон. Мне плевать, был он хорошим или, как вы говорите, никчемным сыщиком. Мы не прощаем тем, кто убивает наших товарищей. Поймите это и не пытайтесь купить меня.

Повернувшись, я быстро пошел к выходу.

В кабинете воцарилась зловещая тишина.

Глава двенадцатая

1

Поставив машину в гараж, чтобы уберечь ее от нестерпимо горячего солнца, и наскоро искупавшись в море, я устроился на веранде бунгало и погрузился в размышления.

Я не был уверен, кто говорил правду – Трисби или, наоборот, Бриджетт. Рассказ Трисби представлялся мне вполне правдоподобным, Бриджетт имела все основания лгать, и все же... Кроме того, я был абсолютно убежден, что загадочный пакетик спичек ровным счетом ничего не значил для Бриджетт Криди, в то время как у Трисби было связано с ним нечто важное.

В конце концов я пришел к выводу, что необходимо еще раз съездить к Трисби и в его отсутствие повнимательней познакомиться с «Белой дачей». Возможно, там отыщется ключ к загадке. Я не знал, был ли у Трисби слуга, но решил не терять времени и нанести визит сегодня же вечером.

Внезапно раздался телефонный звонок. Я прошел в холл и снял трубку.

– Это ты, Лу? – Звонила Марго.

– Я не ожидал твоего звонка, дорогая, – сказал я.

– Мне не дает покоя этот пакетик спичек.

Сев на подлокотник кресла, я поставил телефон на колени.

– Я все время думала о нем. Теперь я уверена, что это спички Трисби.

– Почему ты так решила, Марго?

– Я вспомнила, что за столом он сидел напротив. Я попросила прикурить, но зажигалка его не работала, и он достал из кармана спички. Сразу же после этого Трисби отправился танцевать, а спички и портсигар оставил на столе. Наверное, я машинально положила пакетик в сумку. Во всяком случае, я уверена, что Жак клал спички на стол.

– Все правильно, – сказал я. – Сегодня я был у него и показал пакетик. Он подскочил на стуле, словно оттуда вылез гвоздь.

– Ты разговаривал с ним, Лу?

– Почти нет. Я появился в драматический момент – Бриджетт собиралась застрелить его.

– Застрелить? – недоверчиво переспросила Марго. – Ты шутишь, конечно?

– Может, она хотела просто припугнуть, но мне показалось, что твоя мачеха была настроена по-боевому. Он перед этим указал ей на дверь.

– Она, вероятно, сошла с ума! Ты сообщил в полицию?

– Нет. Трисби вряд ли признается, что она собиралась его укокошить, и я окажусь в дурацком положении. Полиция не

станет заводить против нее дело. Кстати, ты знала, что у нее револьвер?

– Нет.

– Я думаю, что она наняла Шеппи. Так, между прочим, считает этот лоботряс. Трисби сказал еще, что в последнее время он обхаживал Тельму Каузнс, девушку, которую убили. Вероятно, Бриджетт узнала об измене и наняла Шеппи. Так, по-моему, обстоят дела, но она начисто все отрицает.

– Ты рассказываешь совершенно невероятные вещи! Значит, полиция ничего не знает о попытке убийства?

– Пока нет, но нужно быть готовым ко всему.

– Ты думаешь, Бриджетт имеет отношение к смерти Шеппи?

– Об этом я ничего сказать не могу.

– Какие у тебя планы, Лу? – В ее голосе звучала тревога.

– Вечером я собираюсь вновь навестить дом Трисби. Надеюсь, мне повезет, и я что-нибудь найду. У него есть слуга?

– Да, филиппинец. Он приходит рано утром и уходит около восьми.

– Вот как... Когда мы встретимся, Марго?

– Ты хочешь видеть меня?

– Не задавай глупых вопросов. Не смогла бы ты приехать сюда, скажем, в половине одиннадцатого? Я расскажу, чем закончится визит к Трисби.

Она помолчала в нерешительности, потом ответила:

– Хорошо, я постараюсь приехать.

– Я буду ждать тебя, дорогая.

– Будь осторожен, Лу, не подходи близко к дому, пока не убедишься, что он пуст. Не забывай, Трисби опасен и жесток.

Заверив, что буду помнить об этом, я положил трубку.

Потом набрал номер полицейского управления Сан-Рафела и попросил соединить меня с Ренкином.

Узнав, кто его спрашивает, Ренкин недовольно сказал:

– Что у вас там еще случилось?

– Вы не узнали, кому принадлежит нож? – спросил я.

– Вы что, принимаете меня за волшебника? Таких ножей в городе тысячи, их можно купить в любой лавке.

– Выходит, успехами пока похвалиться не можете?

– Нет. Дело запутанное, а мы еще в самом начале расследования. Что нового у вас?

– Тоже ничего. Я, правда, начинаю думать, что моего компаньона нанял не Криди, а его жена.

– С чего вы взяли?

– Так, слышал кое-что. Кстати, у нее есть разрешение на оружие?

– К чему вы клоните? – с раздражением спросил он. – Впутывать в эту историю Криди – все равно что играть с динамитом.

– Не пугайте меня, лейтенант. Лучше ответьте на вопрос: есть у нее разрешение на оружие? Это важно.

Проворчав, чтобы я не клал трубку, Ренкин удалился.

– У нее разрешение на автоматический револьвер трид-

цать восьмого калибра номер 4557993, выданное три года назад, – сообщил он через несколько минут.

– Спасибо, лейтенант. – Я записал номер в свою книжку. – И последний вопрос: узнали что-нибудь о прошлом Тельмы Каузнс?

– Ничего, хотя мы и справлялись повсюду. Такое впечатление, что у нее вообще не было прошлого. Мужчинами не интересовалась, Хан был прав. Я просто не возьму в толк, как она оказалась наедине с Шеппи.

– У вас есть адрес ее последней квартиры?

– Она снимала комнату на Мериленд-роуд, 379, у миссис Бичем. От хозяйки ничего не добьешься. Кенди битый час толковал с ней впустую.

– Спасибо.

Я прошел в спальню и надел костюм. После этого запер бунгало и выехал из гаража.

На часах было четверть шестого, и солнце по-прежнему пригревало. Узнав у полицейского, как проехать на Мериленд-роуд, я втиснулся в поток транспорта и минут через двадцать добрался до нужного дома.

Миссис Бичем оказалась полной пожилой дамой с приветливой улыбкой. Отрекомендовавшись репортером «Курьера», я попросил рассказать о покойной постоялице.

Миссис Бичем любезно предложила войти, и я оказался среди обитой плюшем мебели, канареек в клетках, трех котов и коллекций фотографий, которые, видимо, украшали

стены в течение последних пятидесяти лет.

Я доверительно поведал, что собираюсь написать статью о Тельме Каузнс и мне хотелось бы знать, был ли у нее молодой человек.

– Полицейский спрашивал о том же, – с опечаленным лицом ответила миссис Бичем. – Нет, никого не было. Я часто говорила Тельме, что следует познакомиться с каким-нибудь симпатичным юношей, но она и слышать не хотела. Все ее мысли были о боге.

– Возможно, у нее был приятель, но вы об этом не знали, миссис Бичем? Некоторые девушки слишком застенчивы и не рассказывают о своих сердечных делах.

– Нет, что вы! Я знала Тельму пять лет. Будь какой-нибудь кавалер, она непременно бы рассказала. Она из дому-то почти никогда не уходила, только по вторникам и пятницам.

– Может на самом деле она ходила не в церковь, а на свидание?

– О, как вы можете так говорить? – с обидой в голосе произнесла миссис Бичем. – Тельма была неиспорченной девушкой, она всегда говорила правду.

– Бывал у нее кто-нибудь дома, миссис Бичем?

– Иногда заглядывали подружки – две девушки из «Школы керамики», а с третьей они ходили в церковь.

– Мужчины не приходили?

– Ни разу. Я не поощряю подобные визиты. Мужчины не должны приходить в квартиры к девицам.

Я вынул из бумажника фотографию Шеппи. Хозяйка внимательно разглядывала ее и покачала головой:

– Это лицо мне незнакомо. Повторяю, мужчины не бывали здесь в гостях.

– Не заходила ли богато одетая блондинка? Женщина лет тридцати семи?

Она бросила в мою сторону непонимающий взгляд:

– Богатая блондинка? Нет, что вы! Три ее подруги и отец Меттьюз – больше у нас никто не бывал.

Было похоже, что Трисби бессовестно лгал, утверждая, что Шеппи и Бриджетт ходили к Тельме домой.

– В день, когда она погибла, ничего необычного не произошло? Никто не звонил ей?

– Полицейский тоже интересовался этим. Нет, все было как в обычные дни. Она ушла в восемь тридцать, чтобы к девяти успеть в магазин. Обедать Тельма всегда приходила домой. Но на этот раз она не явилась, и я начала беспокоиться, а вечером позвонила сначала отцу Меттьюзу, потом – в полицию.

Ренкин оказался прав: добиться чего-нибудь от старухи было таким же безнадежным делом, как пальцем проковыривать дырку в бетоне.

2

Оставив «бьюик» на обочине, я пешком направился к «Бе-

лой даче». Солнце уже закатилось, и все вокруг было окутано непроглядным мраком.

Со мною был карманный фонарик и несложный инструмент, с помощью которого я намеревался в случае необходимости открыть окно или запертый шкаф.

Соблюдая все меры предосторожности, я обошел дом, но света нигде не обнаружил. К моему удивлению, гараж оказался незапертым, и я увидел, что здесь стоит машина Трисби. Ее капот был холодным.

С удвоенной осторожностью я поднялся на веранду и позвонил в парадную дверь.

Прошло минуты три, но никто не отвечал, было тихо. Откуда-то из темноты появился сиамский кот и лениво развалился у моих ног. Но когда я нагнулся к нему, он быстро отскочил прочь и принялся наблюдать за мной настороженно и враждебно.

Прежде чем войти в дом, я некоторое время стоял на веранде, внимательно прислушиваясь. Смущала машина в гараже: это могло означать, что Трисби был где-то поблизости; впрочем, за ним мог заехать кто-нибудь из знакомых. Отсутствие в доме света делало второе предположение вполне вероятным.

Я вошел в гостиную и, отыскав выключатель, зажег свет. То, что предстало перед моими глазами, заставило вздрогнуть. Пол был усыпан кипами бумаг, писем, старых счетов, выброшенных из письменного стола и шкафов. Кто-то успел

в этот дом раньше меня, и мне ничего не оставалось, как с досады выругаться.

Я прошел в соседнюю комнату, где увидел лестницу, ведущую на второй этаж, и две двери. Пройдя через одну из них, я оказался в столовой. Неизвестный посетитель побывал и здесь: ящики буфета были выдвинуты, столовые принадлежности разбросаны на полу.

В роскошно обставленной кухне, куда вела вторая дверь, все оказалось в полном порядке.

Вернувшись обратно, я остановился около лестницы. Я решил не зажигать свет и достал карманный фонарик. Где-то деловито тикали часы, но больше в доме не раздавалось ни звука.

Что могло интересовать побывавшего здесь человека? Я постарался представить реакцию Трисби, когда он обнаружит погром, произведенный в его отсутствие. Интересно знать, обратится он в полицию или ничего не предпримет.

Трисби мог вернуться в любую минуту, и с осмотром нужно было кончать побыстрее. Нигде не задерживаясь, я обошел все комнаты вниз, затем взбежал на второй этаж и остановился на широкой, погруженной в темноту площадке.

Здесь в тусклом свете карманного фонаря я увидел нечто, от чего кровь застыла в жилах; в противоположном углу явно виднелась фигура припавшего к полу человека. У него была странная поза – он точно изготoвился к прыжку.

С бешено колотившимся сердцем я отпрянул назад.

– Кто здесь? – спросил я голосом старой девы, обнаружившей мужчину у себя под кроватью.

Гробовое молчание было мне ответом, человек не шевелился. Он сидел, опираясь на пятки, – небольшой смуглый человек с испещренным морщинами лицом. Узкие щелочки глаз неподвижно смотрели в пространство.

Эта был, вероятно, слуга Трисби. Кто-то выстрелил ему в грудь, и перед смертью он успел отползти в угол. На его полотняном пиджаке темнело кровавое пятно.

Я подошел ближе и коснулся его лица. Окаменевшие мышцы и холодная кожа говорили о том, что человек умер уже несколько часов назад.

В спальне было темно и тихо. Я увидел Трисби, лежавшего поперек кровати, в белой фуфайке, малиновых шортах и сандалиях. На его лице застыла гримаса ужаса, руки были сжаты в кулаки. Простыня была обильно испачкана кровью.

Кто-то убил его выстрелом в спину, когда он пытался убежать. Умирая, он упал на постель.

3

Я зажег свет. Сиамский кот проник вслед за мною. Теперь он сидел на постели и обнюхивал голову убитого хозяина. Вытянув хвост, кот злобно шипел на меня.

Ноги мои подгибались, когда я подошел к постели и потрогал свисавшую руку. Она была холодной. С момента

смерти Трисби должно было пройти не менее пяти часов.

Кругом валялись вещи убитого. И подле кровати – револьвер. Я ни секунды не сомневался, что это был тот самый револьвер, который несколько часов назад я вернул Бриджетт Криди. Да, так оно и оказалось – под стволом стоял номер 4557993.

Вынув магазин, я пересчитал патроны. Стреляли четыре раза, по крайней мере два выстрела были смертельными.

Стоя с револьвером в руке, я погрузился в раздумье. В этой истории все выглядело чересчур просто и очевидно, чтобы быть правдой. Нахмурившись, я перебрасывал оружие в руках, потом, повинувшись внезапному импульсу, погасил свет и спустился в гостиную. Там я набрал номер Криди. Стрелки на часах показывали без четверти десять.

Трубку на другом конце провода снял Хилтон:

– Резиденция мистера Криди. Кто вам нужен?

– Соедините меня с миссис Криди.

– Я соединю с ее секретаршей, сэр, если вы подождете.

Раздались обычные щелчки, потом знакомый голос спросил:

– Кто говорит?

– Лу Брэндон. Миссис Криди у себя?

– Боюсь, она не будет с вами разговаривать.

– У меня дело необычайной важности, – нетерпеливо сказал я. – Мне необходимо с ней поговорить.

– Подождите у телефона, я узнаю, подойдет ли она.

Я ждал, с ненужной силой прижимая трубку к уху.

Через некоторое время вновь послышался голос секретарши:

– Мне очень жаль, но миссис Криди не желает с вами разговаривать.

Я хмуро усмехнулся:

– Она должна выслушать меня, это в ее интересах. Передайте, что погиб ее старый друг. Кто-то застрелил его, и полиция может явиться к ней с минуты на минуту.

– Что вы сказали?

– Соедините с миссис Криди. Она будет горько раскаиваться, если откажется говорить со мной!

Наконец голос Бриджетт Криди произнес:

– Если вы не прекратите донимать меня, я буду вынуждена жаловаться мужу.

– Отлично, – ответил я, – жалуйтесь сейчас же. Он будет наверняка доволен. Но я не думаю, что муж поможет вам избежать неприятностей. Ваш друг Жак Трисби лежит у себя дома с пулей в спине. Рядом с трупом – ваш автоматический револьвер.

Из груди ее вырвался негромкий вздох:

– Вы лжете!

– Хорошо, тогда сидите и спокойно ждите Ренкина, – сказал я. – Больше мне нет дела до вас. Я рискую головой, разговаривая с вами по телефону.

Она продолжала учащенно дышать в трубку.

– Вы говорите, он убит?

– Да, он мертв. Теперь ответьте на вопрос: где вы были между пятью и шестью вечера?

– Здесь, в своей комнате.

– Вас кто-нибудь видел?

– Нет, я была одна.

– Секретарша не заходила к вам?

– Она в это время отсутствовала.

– Что вы сделали с револьвером, который я вам отдал?

– Положила в спальне.

– Кто мог его взять?

– Кто угодно. Шкаф не был заперт.

– К вам никто не приходил?

– Нет.

Нахмурившись, я посмотрел на стену.

– Не знаю, почему у меня появилось желание помочь вам, – сказал я. – Ваш револьвер со мной, я забрал его из спальни Трисби. После анализа пули полиция, возможно, установит, что стреляли из вашего оружия, но будем надеяться, что ей не повезет. Кажется, кто-то хочет спихнуть на вас вину за убийство Трисби. В общем, сидите тихо и молитесь, чтобы господь помог вам выпутаться из этой истории.

Прежде чем она успела что-нибудь сказать, я положил трубку.

Я осторожно вышел из «Белой дачи», погасив всюду свет и заперев двери.

Когда я вернулся домой, было четверть одиннадцатого. Под пальмами стоял одинокий «кадиллак» с потушенными фарами. В окнах бунгало света не было. Я вошел в темный холл. Здесь, включив свет, я некоторое время стоял прислушиваясь, не убирая руки с револьвера.

– Это ты, Лу? – раздался голос Марго.

– Что ты делаешь в темноте? – спросил я, проходя в спальню.

Она лежала возле окна, и в свете луны неясно вырисовывался ее силуэт.

– Я люблю смотреть на море, – ответила Марго. – Не включай электричество, дорогой.

На ней была лишь черная шелковая пелерина, через которую просвечивало тело. Она протянула мне руку.

– Подойди ближе и сядь, Лу, – сказала она. – Здесь хорошо, не правда ли? Нет ничего прекрасней ночного моря!

Я сел рядом, но руки не взял. Образ мертвого Трисби, стоявший перед глазами, не располагал к интимности.

– Что-нибудь случилось, дорогой?

– Марго, ведь ты была когда-то влюблена в Трисби?

Наступила длительная пауза, и ее рука опустилась.

– Да, – ответила она наконец с отчужденностью в голосе, – я была влюблена. Мне нравилось в нем здоровье и сила и даже поразительное самомнение. Слава богу, мое чувство исчезло так же быстро, как и возникло. Я никогда не прощу себе это увлечение.

– Все мы совершаем в жизни ошибки, о которых потом сожалеем, – заметил я, отыскивая в кармане сигарету. Прикуривая от зажигалки, я видел, что она, приподняв голову, смотрит на меня широко открытыми глазами.

– С Жаком что-нибудь случилось? Ты был там?

– Он убит. Его застрелили.

– Убит? – Из ее груди вырвался стон. – О, Лу! Он обращался со мной жестоко и подло, но в нем было что-то...

Не закончив фразы, она умолкла.

– Это, конечно, Бриджетт! – сказала она через минуту.

– Я не уверен.

Внезапно Марго села.

– Я не сомневаюсь, что это сделала Бриджетт. Ведь она пыталась убить его, разве не так? – Спустив ноги с кушетки, Марго продолжала: – Она убила его! Но ничего, безнаказанно ей это не пройдет! Отец добьется правды!

– Предположим, добьется, а что дальше?

В темноте я почувствовал на себе ее пристальный взгляд.

– Как что? Он выкинет ее из дома!

– Я полагал, ты не станешь впутывать в это дело полицию, – спокойно заметил я.

– Конечно, нет, полиция ничего не будет знать. Отец просто вышвырнет ее вон.

В окно я увидел, как к бунгалу на большой скорости приближался автомобиль, на крыше которого мигала красно-синяя сигнальная лампа.

– Не думаю, что полицейские останутся в стороне, – сказал я, поднимаясь. – Через минуту они будут здесь. – Я вышел в холл и сунул оба револьвера – свой и миссис Криди – в ящик тумбочки.

Глава тринадцатая

1

Машина остановилась перед домом, и из нее вылез Ренкин в сопровождении сержанта Кенди.

Я вышел навстречу.

– Мне надо поговорить с вами, – сказал Ренкин. – Пойдемте в бунгало.

– Обернитесь, лейтенант, – негромко произнес я, и вы, возможно, передумаете.

Ренкин посмотрел на «кадиллак» и на стоявший рядом «бьюик».

– Ну и что? – спросил он.

– Вы, конечно, знаете, кто владелец «кадиллака». Если вас не интересует капитанское звание, входите. Но тогда – я это гарантирую – вам не видать повышения, как своих ушей.

– Хорошо. Мы побеседуем по пути к Трисби.

– К Трисби вы поедете один, лейтенант, мне там нечего делать, – ответил я. – У меня хватает хлопот и с владельцем «кадиллака».

– Вы поедете или мы повезем вас силой? – неожиданно нетерпеливым и угрожающим голосом спросил Ренкин.

Приблизившись к нам, Кенди многозначительно сунул руку в карман пиджака.

– Хорошо, коль вы настаиваете, – счел за лучшее согласиться я. – Но что вам нужно?

– Хватит морочить нам голову, – раздраженно сказал Ренкин. – Вы только что вернулись от Трисби.

– Попробуйте доказать это, – сказал я, садясь в полицейский автомобиль.

Я посмотрел на бунгало; Марго не подавала никаких признаков, что находится там.

– Дайте мне револьвер, – потребовал Ренкин.

– У меня его нет.

– Где он?

– В бунгало.

– Поехали обратно, – приказал водителю лейтенант.

Машина развернулась. Преследуемый Кенди по пятам, я вошел в дом. Я старался загородить тумбочку от сержанта, но тот, оттолкнув меня, выдвинул ящик и извлек револьвер. Это был принадлежащий мне револьвер тридцать восьмого калибра.

– Он? – спросил сержант.

– Да.

Я удивленно посмотрел в ящик: револьвер Бриджетт бесследно исчез.

Кенди заглянул в ствол и обнюхал его. Потом положил в карман.

– Кто оставил здесь «кадиллак»?

– Спроси об этом у лейтенанта, – буркнул я в ответ. – За чем я вам понадобился?

– Не представляйся дурачком. Мы видели, как ты вышел от Трисби.

– Почему же меня не арестовали сразу?

– Не было ордера на арест.

– Кто подписал ордер?

– Капитан.

– Холдинг знает об этом?

Кенди пошевелил языком, перемещая во рту жевательную резинку.

– Забудь о Холдинге, ситуация в городе изменилась.

Когда мы подошли к машине, Ренкин спросил:

– Нашли?

– Да, – ответил Кенди, протягивая револьвер.

– Вы обвиняете меня в убийстве Трисби и его слуги?

– Я никого ни в чем не обвиняю, – ответил Ренкин устало. – Мне приказано доставить вас, и я выполняю распоряжение.

– Но ведь Холдинг...

– О нем вы узнаете в свое время, а сейчас заткнитесь.

Больше за дорогу не было произнесено ни слова.

Пользуясь тем, что никто не мешал думать, я еще раз сделал обзор всех происшествий, невольным участником которых мне довелось стать в Сан-Рафеле. Когда человек внима-

тельно анализирует минувшие дела и события, ему зачастую удается обнаружить связующее звено между, казалось бы, разрозненными фактами. Так случилось и со мной. Неожиданно я почувствовал, что держу в руках ключ ко всем хитросплетениям.

Я не успел по-настоящему восхититься своей сообразительностью, так как вскоре мы подъехали к «Белой даче».

Ренкин и я вышли из автомобиля.

– Поезжай обратно в бунгало, – сказал лейтенант своему помощнику. – Обыщи дом, все, что найдешь, привези сюда. Отправляйся.

Кенди коснулся плеча водителя, и через минуту машина скрылась из вида.

– Думаете, она успела уехать? – спросил у меня Ренкин.

– Конечно. Что случилось с Холдингом?

– Сук, на котором вы сидели, Брэндон, с треском обломился. Кенди договорился с судьей Гаррисоном, и Холдинг снова поддерживает администрацию. В городе больше нет оппозиции.

Слова полицейского были для меня полной неожиданностью.

– Поторопитесь, – сказал Ренкин, – капитан не любит, когда его заставляют ждать. Вас предупреждали, чтобы вы не совались в это дело, теперь пеняйте на себя.

– Но Холдинг дал мне добро на продолжение расследования.

– Вы разве не видели, что это за тип?

Когда мы поднялись на веранду, по ней взад и вперед расхаживали трое полицейских. В ярко освещенной гостиной с сосредоточенным видом сновал фотограф и работали специалисты по отпечаткам пальцев.

– Капитан здесь? – спросил Ренкин у одного из них.

– Наверху.

Поднявшись по лестнице, мы оказались в спальне, где поперек кровати по-прежнему лежало тело Трисби. У окна виднелась массивная фигура Кетчена. Два человека в штатском рылись в многочисленных ящиках.

Капитан стоял к нам спиной, глядя в окно. Он курил сигару, и дым полз по комнате серыми облачками, распространяя неприятный сильный запах.

Минуты две тянулось томительное молчание.

– Где его револьвер? – не оборачиваясь, сказал Кетчен.

Все было рассчитано на то, чтобы вывести меня из душевного равновесия, расслабить волю. Это был старый полицейский прием, много раз испытанный на простофилях.

Ренкин отошел от двери, и его место сразу занял другой инспектор – на случай, если я попытаюсь удрать.

– Наручники на нем?

– Нет, капитан. – Лицо Ренкина напряглось.

– Почему нет? – прорычал Кетчен. Его хриплый, полный ненависти голос мог вызвать содрогание у кого угодно.

– Я не думал, что в этом есть необходимость.

– Тебе платят не за то, чтобы думать. Немедленно надеть!

Ренкин извлек из кармана наручники и подошел ко мне.

Я протянул руки, и стальные кольца с лязгом сомкнулись.

– Приказание выполнено, капитан, – сказал он, отходя прочь.

Кетчен медленно повернулся. Его жестокое лицо было багрово-темным от застоявшейся крови. Глаза – маленькие и беспокойные, как у бродячего слона, – смотрели с яростью.

– Ты думал, что тебе все так и сойдет? Что тебя защитит Холдинг? Не вышло! Сейчас ты будешь горько раскаиваться в своей ошибке!

Он приближался ко мне. В его глазах прыгали безумные красные искорки.

– Я знал, что повстречаюсь с тобой еще раз, – продолжал он. – Но будь проклят, если я рассчитывал когда-нибудь изловить тебя на двойном убийстве.

– Вам не удастся свалить на меня вину, – сказал я, не отрывая от него взгляда. – Их убили шесть часов назад, и вы об этом отлично знаете.

Для человека его габаритов удар был удивительно быстрым. Я едва успел увернуться от его левой. К сожалению, у меня не было времени уклониться от удара другой рукой, и кулак Кетчена опустился с такой силой, будто это бил копытом мул. Я рухнул на пол, надо мной тотчас раздался разъяренный голос Кетчена:

– Поднимите!

Один из инспекторов обхватил меня и поставил на ноги. Покачнувшись, я согнулся чуть ли не пополам. Никто не произнес ни слова, наблюдая за моими отчаянными попытками принять вертикальное положение.

– Мы отвезем тебя в управление, – сказал Кетчен с усмешкой, – и запрем в камеру. Чтобы ты не скучал, я пришлю трех-четырех ребят, которые будут тебя развлекать. Побывав в компании с ними, ты признаешься во всех четырех убийствах, скотина.

Я знал – стоило мне сказать хотя бы слово, как он вновь примется избивать меня, и поэтому молча глядел на него.

– Если тебя не признают виновным, – продолжал Кетчен, – мы упрячем тебя в тюрьму за незаконное проникновение на чужую территорию. Ты получишь три месяца, но каждый день мои ребята будут выколачивать из тебя мозги. – Он повернулся к Ренкину: – Отвези его в управление и посади по обвинению в убийстве Трисби и филиппинца. Пусть дождетя, пока мы соберем против него достаточно улик. Я думаю, мы сумеем пришить ему дело.

Ренкин с безразличным видом подошел ко мне:

– Пойдем!

– Я сделаю так, чтобы тебе захотелось поскорее стать трупом, – сказал на прощание Кетчен и, размахнувшись, ударил меня по лицу. Потеряв равновесие, я едва не упал на Ренкина. – Уберите его и бросьте в камеру!

Ренкин схватил меня за руку и поволок из комнаты. Мы

шли по веранде, когда к дому подъехал Кенди.

– Нашел что-нибудь? – спросил Ренкин.

– Еще один, тридцать восьмого калибра. В магазине не хватает четырех патронов, – ответил сержант, вытаскивая из кармана револьвер Бриджетт и передавая Ренкину. – Из него недавно стреляли.

– Где ты нашел? – поинтересовался я.

Кенди пристально посмотрел на меня.

– Под кроватью, там, где ты спрятал.

Я отрицательно покачал головой.

– Я не прятал. Но в общем, это все равно, в любом случае вы не поверите.

Ренкин бросил в мою сторону хмурый взгляд.

– Я везу его в управление, – сказал он Кенди. – Револьверы мы проверим. Больше в бунгало ничего не было?

– Нет.

– Возьми одну из машин и отправляйся домой, – сказал Ренкин.

Они поглядели друг на друга, и Кенди, подмигнув лейтенанту, исчез в темноте.

Ренкин велел мне садиться в полицейский автомобиль.

– Ведите машину, – сказал он.

– Что? – переспросил я.

– Ведите машину.

– В этих браслетах?

Достав ключ, он снял наручники. Я сел за баранку и завел

мотор. Ренкин, устроившись рядом, закурил сигарету.

– Обращайтесь поосторожней с этой игрушкой, лейтенант, – сказал я, снижая скорость при выезде на шоссе. – Револьвер принадлежит миссис Криди.

– Это уж наша забота.

Я не выдержал и спросил:

– Что за блестящая идея усадить меня за руль? Арестованный сам везет себя в тюрьму, а «фараон» сидит рядом и покуривает. В истории полиции это наверняка первый случай.

– Мы едем не в тюрьму, – ответил Ренкин. – Кетчен думает, что нагнал на вас достаточно страха. Если дать вам возможность удрать, то вы, по его расчетам, больше и носа сюда не покажете. Мне приказано обеспечить ваш побег.

Удивлению моему не было границ. Когда же наконец ко мне вернулась способность трезво соображать, я расхохотался:

– Он, безусловно, нагнал страха, но удирать я все же не собираюсь.

– Мне приказано смотреть в другую сторону, когда вы будете улепетывать, – равнодушно сказал Ренкин. – Но я подумал, что у вас, вероятно, нет и мысли о побеге, и решил рассказать о плане Кетчена.

– Мне бы и в голову не пришло убежать от вооруженного полицейского, – сказал я. Потом, поразмыслив, добавил: – Не иначе, как все это придумал Криди. Сначала он пытался купить меня за сто пятьдесят тысяч долларов, теперь пыта-

ется вытурить эдаким образом. – Я шумно отдувался, напряженно вглядываясь в ленту дороги. – Как вы узнали, что я приезжал к Трисби?

– Криди послал своего человека наблюдать за домом. Он и сообщил, что вы туда пробрались. Криди сразу же вызвал капитана и приказал арестовать за незаконное проникновение на чужую территорию. Он велел хорошенько припугнуть вас и выбросить из Сан-Рафела. Мы не застали вас в доме Трисби, но обнаружили мертвого хозяина. Кетчен решил, что обвинение в убийстве двух человек обратит вас в паническое бегство.

– И ему наплевать, кто настоящий убийца?

Ренкин неопределенно пожал плечами:

– Со временем он до него доберется.

– Человек, посланный Криди, не видел преступника?

– Нет, он появился там уже к вечеру. – Вытащив револьвер Бриджетт, он с интересом посмотрел на него. – Трисби убили из этой штуки?

– Да.

– Она?

– Я этого не думаю, но лучше спросите у нее самой.

– Жене Криди не задают подобных вопросов. Если дорожишь работой, лучше вообще ничего не спрашивать.

– Криди у вас бог и царь, – заметил я. – Итак, он договорился с судьей Гаррисоном?

– Это было нетрудно. У того ни гроша за душой и же-

на-транжирка. Криди отвалил куш – и судья обязался не заниматься политикой.

– «Курьер» будет в восторге! Завтра появятся сообщения в газетах.

– А что он может сделать! Вам же придется манатки собрать и дать драла.

– Я остаюсь в городе, – ответил я, выезжая на бульвар Франклина. – Когда узнаю, кто убил Шеппи, я уберусь без вашего напоминания.

– Надо уехать сегодня же, Брэндон. Если через два часа вас застанут, грозят большие неприятности. Кетчен приказал автоинспекторам устроить с вами несчастный случай.

Я недоверчиво посмотрел на Ренкина.

– Шутите?

– Никогда в жизни я не говорил более серьезно, – спокойно ответил лейтенант. – Вы или смотаетесь в течение двух часов, или в лучшем случае попадете в больницу. Не надейтесь, что сумеете что-нибудь сделать, когда на вас налетит патрульная машина. Их в городе тридцать штук, и все водители предупреждены, дороги уже перекрыты. У них большой опыт по этой части. Вам повезет, если останетесь в живых.

Подъезжая к бунгалу, я раздумывал над его словами. Затормозив около входа, я вылез из машины и сказал:

– Вам нужен этот револьвер, лейтенант? Мне он может понадобиться, а полиции – вряд ли.

– Все еще рассчитываете разоблачить Криди?

– Я ищу убийцу Шеппи, а револьвер является важной уликой.

Поколебавшись, Ренкин протянул револьвер.

– Возьмите, мне он действительно не нужен. Кетчен тоже забудет, узнав, кому принадлежит эта игрушка.

– Спасибо, вы молодчина, лейтенант, желаю скорейшего повышения, – сказал я, протягивая руку.

Мы обменялись рукопожатием, и он сел за руль.

– Вы не можете бороться в одиночку со всей системой, Брендон, – сказал Ренкин, высунувшись из окна машины. – Эти мерзавцы занимают слишком высокие посты, они сильны и хорошо организованы. Одиночкам, вроде вас, такой орешек не по зубам. Я понял это и отказался от напрасных попыток. Уезжайте побыстрее и не возвращайтесь к нам.

Кивнув на прощание, он развернулся и умчался в темноту.

2

Глядя вслед Ренкину, я заметил, как по дороге навстречу ему стремительно приближаются огни другого автомобиля. Кто-то торопился в бунгало. Я приготовился встретить неизвестного посетителя.

Я чувствовал невероятную усталость во всем теле и ноющую боль в животе, куда пришелся удар Кетчена. Больше всего на свете мне хотелось сейчас немного поспать.

Машина затормозила, и из нее вышел высокий худощавый мужчина в широкополой шляпе. В неясном свете луны я сумел рассмотреть, что он был сравнительно молод.

– Мистер Брэндон? – спросил он, приближаясь.

– Да.

– Я – Фрэнк Хеппл из «Курьера». Мистер Трой попросил меня связаться с вами. Сейчас не слишком поздно для нашего разговора? Я раздобыл кое-какие сведения, думаю, вы ими заинтересуетесь.

От погруженного в темноту бунгало веяло мертвящей пустотой. Я нажал на выключатель, и мы прошли в дом. Часы на камине показывали двадцать минут двенадцатого. Я отыскал бутылку виски и налил два больших бокала.

Хеппл наблюдал за мной. У него было приятное лицо, пронизательные глаза и волевой подбородок. У него был вид решительного человека, которого трудно остановить, если он за что-нибудь взялся.

– Угощайтесь! – сказал я, пододвигая бокал. Потом, положив руку на ноющий живот, попытался расслабить мышцы.

– Мистер Трой предложил мне заняться Ханом, – сказал Хеппл, беря бокал. – Я покопался в его прошлом и наткнулся на золотую жилу.

– В каком смысле?

– Я отправился к нему домой и попросил интервью. Хан страшно обрадовался этой рекламе своего магазина. Между нами, он – бывший художник, мастер своего дела. Я угово-

рил его слепить для меня фигурку из глины, и на ней остались отличнейшие отпечатки пальцев. – Хеппл ухмыльнулся, довольный своей уловкой. – Сегодня утром я отвез фигурку в Лос-Анжелес и передал в управление ФБР. Там проверили отпечатки – и вот что я узнал... – Он отпил из бокала и возбужденно помахал им перед собой. – Настоящее имя Хана – Джек Брэдшоу. В 1941 году ему дали два года за контрабанду наркотиками. По выходе из тюрьмы он уехал в Мексику, и ФБР потеряло его из виду. Через четыре года Хана снова арестовали, когда он переходил границу с двумя чемоданами героина. На этот раз он получил восемь лет. Некоторое время после освобождения ФБР продолжало следить за ним, но Хан занялся вполне законным бизнесом: открыл керамический магазин. Федеральная полиция знает о «Школе керамики», и однажды там был устроен обыск, но ничего подозрительного обнаружить не удалось. Теперь самая интересная для вас часть рассказа: в тюрьме Хан сошелся с одним типом по имени Жуан Туармец, который также сидел за торговлю наркотиками. На свободу их выпустили в одно время. У меня появилось подозрение относительно личности Туармца, и я попросил показать его фото. Знаете, кто он теперь?

– Кордец?

Хеппл утвердительно кивнул.

– Да, Кордец из «Клуба мушкетеров». Как вы догадались?

– ФБР знает, что он из Сан-Рафела?

– Конечно. Но ни в чем не может его обвинить, все идет нормально.

– ФБР не показалось странным, что две тюремные птички решили свить гнездышко в одном городе?

– Оно следило первое время, но никакой связи между Кордецом и Ханом установить не удалось. Они не встречались ни разу с тех пор, как приехали в Сан-Рафел.

Подумав, я сказал:

– Мне передали, что судья Гаррисон отошел от политики?

– Старый негодяй. Криди сумел купить его. – На лице Хеппла было отвращение.

– Ваша газета сообщит об этом публике?

– Ни в коем случае – у нас нет доказательств, что это случилось именно так. В общем, в городе нет оппозиции, и пройдет немало времени, прежде чем появится новый человек, который объединит недовольных. Я думаю, что старая шайка без труда добьется победы на выборах и уголовники будут править нами еще один срок.

– А я в этом не уверен. Вы слышали об убийствах на «Белой даче»?

Хеппл кивнул.

– Вряд ли они имеют отношение к Кордецу или Хану.

– Это станет известно в ближайшие дни. Сейчас я как раз и бьюсь над этой загадкой. – Я понизил голос: – В вашей конторе есть надежный сейф?

– Есть, – ответил Хеппл с некоторым удивлением.

– Я обзавелся одной вещицей, которую надо надежно спрятать. – Я достал револьвер Бриджетт.

Взяв револьвер, Хеппл понюхал дульное отверстие. Потом испытующе посмотрел на меня.

– Трисби убит из этого оружия?

– Вполне вероятно. Это я и стараюсь выяснить.

– Не следует ли передать револьвер в полицию?

Я отрицательно покачал головой.

– Нет, полицейские потеряют его.

– Вы знаете, кто владелец этой игрушки?

– Догадываюсь, – уклончиво ответил я. – Но это не значит, что он и есть убийца.

Хеппл опустил револьвер в карман.

– Ладно. Надеюсь, вы знаете, что делаете.

– Не волнуйтесь. Если мне повезет, у вас будет интересный материал. Револьвер, возможно, ключ ко всей истории.

– Чем еще я могу быть полезен?

– Не уходите завтра из конторы. Может потребоваться помощь, и я должен быть уверен, что найду вас на месте.

Он бросил на меня тревожный взгляд.

– Не лучше ли поделиться со мной вашими заботами, Брэндон? Вы ходите по слишком тонкому льду.

– Мой рассказ был бы неполным. У меня достаточно теорий, но мало фактов.

– Расскажите о ваших теориях. Еще неизвестно, встретимся ли мы снова: любознательные в Сан-Рафеле часто кон-

чают плохо. Если вас заставят замолкнуть навсегда, все ваши старания пойдут насмарку.

Я ощущал немалый соблазн рассказать о результатах своего расследования, но в конце концов решил не делать этого. Чтобы повалить такого гиганта, как Криди, нужны непреложные факты, а не подозрения, какими бы основательными они ни были.

– Ждите завтра моего звонка, – сказал я. – Это все, что я могу обещать.

– Дело ваше. Но не оставайтесь в бунгало на ночь. Отсюда до ближайшего жилья не меньше мили, и никто не узнает, если с вами что-нибудь случится. Переночуйте у меня, я пересплю на кушетке.

Мне вновь пришлось ответить отказом:

– Не беспокойтесь обо мне, Хеппл. До завтрашнего дня со мной ничего не произойдет, а потом время уже не будет играть роли.

– Как хотите. – Он пожал плечами. – Все же мне кажется, что вы рискуете. – Достав бумажник, Хеппл протянул визитную карточку. – Здесь номер моего домашнего телефона. До восьми утра я буду у себя на квартире, потом звоните в контору.

– Не забудьте положить револьвер в сейф.

– Я отвезу его сейчас же. До свидания.

– До завтра.

– И будьте осторожны.

– Постараюсь.

Он сел в машину и, помахав на прощанье, скрылся в темноте.

Глава четырнадцатая

1

Высоко в небе плыла луна, серебряная полоса лежала поперек ночного моря. Царила тишина, нарушаемая лишь далеким шумом автомобилей и плеском волн.

Глядя на огни Сан-Рафела, я испытывал чувство глубокого одиночества. Может, следовало принять предложение Хеппла и уехать с ним? Если кто-нибудь намеревался свести со мной счеты, уединенное бунгало было для этого идеальным местом.

Справа ярко светились окна «Школы керамики» – процветающего заведения Хана, или, если называть его настоящим именем, Джека Брэдшоу. Я многое дал бы, чтобы узнать, что сейчас он подделывает.

Теперь мне была известна тайна пакетиков с отрывными спичками, но в том, кто убил Шеппи, я не был уверен до конца. Утром мне предстояло закончить начатое дело.

В полной темноте я обошел весь дом и проверил запоры. Сон, который недавно буквально валил меня с ног, улетучился, и я курил сигареты, глядя в окно.

Внезапно я услышал приглушенный звук шагов на ве-

ранде. Так мог красться только человек, который хотел бы скрыть свое присутствие.

Стоя в темноте и напряженно прислушиваясь, я вскоре вновь различил неясный шорох. Потом щелкнул замок и дверь медленно начала открываться.

– Ни с места! – крикнул я. – Еще один шаг – и я буду стрелять!

– Лу?

– Черт тебя побери! – воскликнул я и зажег свет.

В дверях с дорожной сумкой в руках стояла Марго, глядя на меня широко раскрытыми от страха глазами.

– О, Лу! Ты до смерти меня напугал!

– Тебя?! А каково было мне? Меня чуть нехватила кондрашка! Что ты здесь делаешь?

– Я так беспокоилась, дорогой, что решила вернуться. Я просто не могла найти себе места. Доехав до «променада», повернула обратно и ждала тебя в машине – там, в тени пальм. – Марго показала рукой. – И уснула. Я не видела, когда уехали полицейские, я проснулась всего несколько минут назад от холода.

– Извини, что напугал тебя, но я тоже основательно перетрусил. Честно говоря, я подумал, что наступил мой последний час.

– Мне очень неприятно, что я заставила тебя переволноваться, Лу. Когда ты начал кричать своим ужасным голосом, мне тоже едва не сделалось дурно.

Стремительно подойдя, она обвила руками мою шею. От прикосновения ее молодого упругого тела я почувствовал, как учащенно забилося сердце.

Я напряг всю силу воли и легонько оттолкнул ее.

– Ложись в постель, Марго, ты озябла.

– Хорошо, дорогой.

– Позволь мне только принять душ, и я сразу же прилечу к тебе, Марго. – Я проводил ее в спальню, и от меня не ускользнуло, что она в растерянности не рассталась с сумкой.

– Лу, ты не сказал, почему сюда приезжала полиция?

– Полиция приказала мне немедленно убраться из Сан-Рафела. Они боятся, что я вот-вот докопаюсь до преступления.

Ее глаза раскрылись, и, протянув руку, она коснулась моего лица.

– Ты уезжаешь, Лу?

– Вернее всего, да. Здешний климат вредит моему здоровью. Но я доволен, кое-чего я все-таки достиг: мне удалось раскрыть тайну отрывных спичек.

– Неужели? И что же ты узнал? – Оставшись в нейлоновой сорочке, прозрачной, как стекло, она юркнула под простыню.

– Спички – это своего рода оплаченный чек на получение наркотика. – Я присел на край кровати.

– О чем ты говоришь, Лу? Каких наркотиков?

– Все очень просто. Кордец и Хан – давнишние торгов-

цы наркотиками, о них хорошо известно федеральной полиции. Они уже сидели за свои преступления. И попадись в руки закона еще раз, им больше не видать свободы. Понимая это, они разработали хитроумный план, который, казалось, гарантировал полную безопасность. Обосновавшись в богатом городе, они раздобыли денег у местных воротил и занялись самым что ни на есть законным бизнесом – открыли клуб и магазин керамики. За Ханом и Кордецом следили, но они прервали всякие видимые связи. В действительности же оба закадычных дружка, как и раньше, занимались торговлей наркотиками: Хан являлся поставщиком отравы, а Кордец обеспечивал клиентуру. «Клуб мушкетеров» посещали многие богатые люди, в том числе и наркоманы. Там они покупали у Кордеца отрывные спички, после чего отправлялись к Хану, где в обмен получали снадобье. Хан возвращал использованные спички Кордецу, и тот платил ему причитающуюся долю. Все были довольны, и никто не имел претензий.

– Это невероятно, Лу!

– Не так невероятно, как тебе кажется. Торговля наркотиками – нелегкое и опасное дело. Марго, полиции известны почти все уловки преступников. Чтобы не сгореть на этом отвратительном бизнесе, Кордецу и Хану надо проявлять максимум изобретательности, идти, так сказать, в ногу со временем. Но до сих пор оба были на высоте. Магазин Хана – идеальное место для подпольных сделок: там всегда много

народа, а ночью к нему с залива может незаметно подойти лодка. Вот так обстоят дела.

Я достал из кармана пакетик спичек.

– Каждый клиент, вероятно, имел свой шифр, и, кроме того, его знали в лицо. В случае потери «сувенира» никто другой им не мог воспользоваться. Человек приобретал как бы сезонный билет в преисподнюю. Шеппи каким-то образом сумел раздобыть спички и поплатился за это жизнью.

– Выходит, Жак был наркоманом? – с отвращением спросила Марго.

– Вполне возможно. Так или иначе, он знал об этом необычном сувенире. Он чуть не выдал себя с головой, когда я зажег одну из спичек. Еще бы: ведь на его глазах превращалось в дым драгоценное снадобье.

Я сунул пакетик в карман.

– Завтра этой истории будет положен конец. Спички я передам в Лос-Анжелес, в отдел по борьбе с наркоманией. Пусть займутся Кордецем и компанией.

– Но ты ведь не уедешь, дорогой! – спросила Марго, тронув меня за рукав. – Я так хочу, чтобы ты остался!

Я улыбнулся:

– Я не могу торчать здесь до бесконечности. В Сан-Франциско ждет работа, там мой дом. Почему бы тебе не поехать со мной?

– Меня не отпустит отец.

– Ты многого хочешь, Марго: быть независимой и не те-

рять отцовские доллары. Попробуй забыть о них, пора самой зарабатывать на жизнь.

Внезапно она легла на спину, и в ее глазах появилось знакомое манящее выражение. Не раздеваясь, я прошел в ванную. Там, включив душ, я встал возле закрытой двери.

Я ждал не больше десяти секунд. Потом, осторожно повернув ручку, приоткрыл дверь и заглянул в комнату.

Марго стояла, склонившись над своей сумкой. Я увидел, как она что-то достала из нее и сунула под подушку. Выражение тревоги и страха мгновенно исчезло с ее лица, и она облегченно перевела дыхание.

Резким толчком я распахнул дверь и вошел в спальню. У Марго вырвался приглушенный крик, и, быстро обернувшись, она уставилась на меня полными ужаса глазами.

Не обращая на нее внимания, я пересек спальню и подошел к кровати. Подушку, хранившую отпечаток ее головы, я сбросил на пол: на белоснежной простыне лежал нож с желтой рукояткой – нож, которым пользуются домохозяйки, чтобы извлекать лед из ванночек холодильников.

2

В гробовой тишине я смотрел на Марго, оцепенело стоявшую в своей прозрачной короткой рубашке.

– Неужели ты надеялась, что все это сойдет безнаказанно? – негромко спросил я. – И убийство, которое ты плани-

ровала на сегодня?

Взяв в руки нож, я поднес его к свету. Тонкий конец был старательно подпилен и выглядел, как игла. Я невольно содрогнулся, подумав, что был на волосок от смерти.

– Ты ловко все придумала, Марго, но в конце концов все же споткнулась, – сказал я, не выпуская ее из поля зрения. – Ты была превосходной актрисой, но запуталась во лжи. Все шло гладко, пока ты не стала убеждать меня, что спички принадлежат Трисби. Ты рассказала об ужине, которого в действительности не было. Трисби не мог присутствовать на нем, потому что в этот вечер развлекался с новой знакомой, а Бриджетт подстерегала его дома. Это была неуклюжая ложь, Марго.

Неожиданно она без сил опустилась на стул и закрыла лицо руками.

– Я никак не мог уразуметь, зачем тебе понадобилось поселить меня в бунгало, – продолжал я. – Теперь мне понятна причина столь неожиданного гостеприимства: ты просто-напросто принимала меры предосторожности. Если бы я подошел чересчур близко к раскрытию истины, избавиться от меня в этом уединенном доме было бы легче, чем в любом другом месте. Не так ли?

Она подняла голову, ее лицо было смертельно бледным. Она по-прежнему выглядела необычайно привлекательной, но в ее красоте появилось что-то зловещее.

– А это ты приготовила к нашей последней встрече, – ска-

зал я, поворачивая в руке нож. – Когда у тебя в объятиях мужчина, Марго, совсем не трудно достать из-под подушки оружие и нанести удар в шею чуть ниже затылка. Вот почему Шеппи был убит мгновенно, а Тельма Каузнс умерла долгой, мучительной смертью. Ведь если человек стоит, рассчитать удар значительно сложнее, разве не так, Марго?

Она отчаянно затрясла головой.

– Ты ничего не знаешь, Лу! – Слова вырывались бессвязно и сумбурно. – Джек шантажировал меня. Он украл у меня спички и заявил, что не вернет, пока я не отдамся ему. Он пытался изнасиловать меня, и тогда, защищаясь, я...

– Этому никто не поверит, придумай что-нибудь более складное. У Шеппи было немало недостатков, но он никогда не опускался до шантажа. Могу поспорить, что все было по-другому. – Присев на край постели, я продолжал: – Ты была влюблена в Трисби, и он делал вид, что отвечает взаимностью. Вдвоем вы тратили деньги, которые давала ему Бриджетт, потому что у вас в наличности не было ни гроша. Твоя мачеха вскоре стала подозревать, что происходит что-то неладное. Через Хаммершалта или кого-то другого она наняла Шеппи, чтобы последить за тобой. Для моего компаньона это была наверняка очень приятная работа: всюду следовать за такой красивой женщиной. Он быстро поддался твоим чарам, и ты не осталась в долгу. На свою беду, Шеппи случайно наткнулся на этот пакетик спичек. Он забрал их, но ты решила вернуть их во что бы то ни стало. Ты не мо-

жешь жить без регулярных уколов наркотика. Вот поэтому ты его и убила.

– Нет! – крикнула она. – Все было не так! Он пытался изнасиловать меня!..

– А у тебя был уже приготовлен нож?

– Нет, нет! Ты должен верить мне.

– Хорошо, для чего же ты явилась к нему в гостиницу, тщательно замаскировавшись? Черный парик, огромные темные очки, необычная одежда... Ты чувствовала себя в полной безопасности, когда заманила его в купальную кабину. Сыщик в гостинице почуял в тебе что-то фальшивое, но я был слишком самонадеян и не прислушался к его словам. Объяснить Шеппи свой маскарадный наряд не составило большого труда: он понимал, что Бриджетт не должна видеть вас вдвоем. Ему в конце концов было плевать, какого цвета у тебя волосы, лишь бы получить то, что было обещано в твоём манящем взгляде. Когда вы пришли в купальную кабину, ты убила его. Потом, обнаружив, что спички с собой он не взял, ты забрала ключи и отправилась в номер. Там ты перевернула все вверх дном, но драгоценного пакетика так и не нашла.

Скрестив руки на груди, она дрожала всем телом.

– Я не желаю ничего слушать, – сказала она. – Все это выдумки и ложь!

– Увы, это правда. И то, что я скажу дальше, тоже правда. Ты узнала, что Трисби завел интрижку с Тельмой Каузнс.

Ты ему прискучила, и у него появилось желание развлечься со свеженькой девчонкой. Прочитав в газете, что полиция разыскивает женщину, которая заходила за Шеппи, ты поняла, что представилась отличная возможность запутать следствие и одновременно избавиться от соперницы. Ты была знакома с ней, потому что регулярно посещала магазин Хана, где тебя снабжали наркотиками. Убедить ее отправиться на пляж было простым делом. Возможно, ты сказала, что хочешь поговорить о Трисбу. Ты привела ее в ту же самую кабину, где несколько часов назад убила Шеппи. Полиция к этому времени очистила пляж от посетителей, и вы были совершенно одни. Ты ударила ее ножом и бросила в кабине. Когда я приехал к тебе, ты только что вернулась домой и едва успела переодеться. Ты неплохо сыграла свою роль, не обнаружив даже признаков страха. Оставшись одна, ты начала размышлять, многое ли мне известно. На всякий случай ты решила позвонить и сказать, что Шеппи не был в «Клубе мушкетеров». Вот тогда-то я, как легкомысленный мальчишка, и растрепался о спичках. Не теряя понапрасну время, ты явилась ко мне в номер, нашла их и подменила обычными в надежде, что я не замечу разницы.

Она снова яростно затрясла головой...

– Нет, Лу, ты не прав! Клянусь, я...

– Трисбу знал, что ты наркоманка. Кроме того, он знал, что у тебя были основания убить Тельму. И ты стала опасаться, что он может выдать. Услышав, что Бриджетт пыталась

застрелить Трисби, ты решила избавиться от своего любовника, а вину за убийство свалить на мачеху. Я отдаю тебе должное, Марго: ты умеешь пользоваться обстоятельствами в своих интересах. Похитив револьвер Бриджетт, ты отправилась на «Белую дачу» и застрелила Трисби. Не знаю, что чувствовала ты, обнаружив, что оставила у меня сумочку со спичками: тебя, должно быть, охватило отчаяние. Тогда-то, вероятно, ты решила покончить со мной.

Теперь она смотрела на меня с нескрываемой ненавистью.

– Я не боюсь тебя, проклятая ищейка, – хриплым голосом произнесла она. – Ты ничего не сможешь доказать.

– Ошибаешься. За убийство четырех человек придется ответить.

– Мой отец не допустит этого, – чуть слышно сказала она.

– Отец не поможет, Марго. И даже продажная администрация вашего города не в силах взять тебя под свое крылышко.

– Я не боюсь тебя! – вновь крикнула она, сверкнув глазами.

– Не веди себя глупо, Марго! – вдруг раздался мягкий женский голос.

В спальне стоял Ли Криди, одетый в смокинг с белой камелией в петлице. Его очки в роговой оправе были сдвинуты на лоб, изо рта торчала дымящаяся сигарета.

– Оденься, – распорядился он. – В сорочке ты выглядишь уличной девкой.

Молча подбежав к шкафу, Марго вытащила из него одежду и скрылась в ванной.

Холодные глаза Криди переместились на меня. Только тут я заметил в его руках револьвер.

Вскоре из ванной, приглаживая на бедрах платье, вышла Марго.

– Отец не позволит издеваться надо мной, – сказала она, тяжело дыша. – Я знаю, он все сделает для меня.

Криди с непроницаемым лицом расхаживал взад и вперед по гостиной.

– Садись, – приказал он Марго, рукой указывая на стул. Потом, посмотрев на меня, добавил: – И вы тоже.

Мы сели.

Продолжая мерить шагами комнату, Криди сказал:

– Бриджетт сообщила мне, что здесь живет мужчина. Я приехал взглянуть. Ты не оправдала моих надежд, Марго. Впрочем, большинство детей не оправдывает надежд родителей. Я не уделял достаточно внимания твоему воспитанию, а о мачехе нечего и говорить: это совсем испорченная женщина. Но для тебя это не оправдание. – Приблизившись к ней, он наконец остановился. – Я слышал все, что говорил Брэндон. Это правда?

Под холодным взглядом отца Марго опустила голову.

– Нет, конечно, нет! – сказала она. – Он лжет!

– Тогда почему у тебя под подушкой был нож?

Она собиралась что-то ответить, потом внезапно переме-

нила решение. Она выглядела потерянной и беспомощной, лицо ее утратило былую свежесть и красоту.

– Слушай меня внимательно, Марго, – продолжал Криди. – Я контролирую этот город, здешняя полиция делает то, что я приказываю. Ты можешь не опасаться Брэндона, он бессилен что-либо предпринять. Но мне нужно знать правду, чтобы планировать свои действия. Ты убила этого Шеппи?

Поняв, что дальнейшее препирательство лишь повредит, она сказала:

– Я была вынуждена его убить, папа. Другого выхода не было.

Губы его плотно сжались, но в остальном выражение лица оставалось бесстрастным.

– Что ты имеешь в виду – «не было другого выхода»?

– Он пригрозил, что сообщит в полицию о Кордеце. Я не могла этого допустить.

– Почему же?

Она пожала плечами.

– Тебе не понять...

– Ты хочешь сказать, что ты наркоманка, а я нет? Так?

– Да.

– А эта женщина, Тельма Каузнс? – Он вновь начал мерить гостиную шагами.

– Я была вынуждена это сделать, папа.

– А Трисби?

Закрыв глаза, она скрестила на груди руки.

– Да.

– Ты вела довольно бездарную жизнь, Марго, – сказал он, глядя в сторону.

Она неподвижно сидела, не произнося ни слова.

– Что же, – продолжал Криди, – каждый имеет право жить, как хочет. – Подойдя к стулу, он неожиданно сел. – Мне трудно поверить, что все это натворила ты, Марго. Посмотрим, что можно для тебя сделать.

подавшись вперед, она с такой силой сжала кулаки, что побелели костяшки пальцев.

– Ведь ты не допустишь, чтобы меня посадили в тюрьму?

– Нет, этого никогда не будет.

Встав, он подошел к окну и начал задумчиво смотреть на море. Гнетущую тишину нарушало лишь возбужденное быстрое дыхание Марго. Я молча наблюдал за ними, не пытаясь что-либо предпринять: Криди не выпускал из рук револьвера.

Прошло несколько минут, прежде чем он сказал:

– Ты должна немедленно покинуть Сан-Рафел, Марго. – Достав из кармана толстую пачку ассигнаций, Криди бросил ее на колени дочери. – Тебе потребуются деньги, вот они. Отправляйся к тетке и постарайся вести себя там прилично. Возьми машину Брэндона, она около дома. Уезжай отсюда кратчайшим путем через горы. Ты понимаешь меня?

– Эй, одну минутку!.. – начал было я, но Криди направил на меня револьвер.

– Молчите! – крикнул он. – Не давайте мне повода пристрелить вас! Это избавило бы меня от многих хлопот. – Не опуская револьвера, он повернул голову в сторону Марго: – Тебе понятно, что я сказал?

Она кивнула.

– Тогда поторопись.

– Ты все здесь устроишь, папа?

– Об этом не беспокойся. Бери машину Брэндона и немедленно уезжай. Я оплачу ему стоимость машины. Надеюсь, новая жизнь принесет тебе больше счастья, чем прежняя.

Не слушая отца, Марго смотрела на меня с триумфом. Потом выбежала из гостиной, и через несколько секунд под окнами взревел мотор моего «бьюика».

– Вы обманули Марго, отправив ее на смерть! – крикнул я Криди. – Вы не отец, вы даже не человек! Вы не имеете права распоряжаться жизнью дочери! Это может делать только суд.

– Дочь Криди не будет гнить в тюрьме, – коротко бросил он, опустив револьвер в карман.

Я выбежал из бунгало.

Под пальмами стоял огромный черный «кадиллак» Криди. Я сел за руль и помчался вслед «бьюику».

3

Марго была далеко впереди. Что было силы я жал на педаль акселератора.

Машина гремела и сотрясалась.

Марго пронеслась мимо своего дома, и я выругался: она не собиралась заходить за вещами. Возможно, она заметила, что ее преследует «кадиллак».

Марго торопилась в горы.

Внезапно с боковой дороги на шоссе выехала большая полицейская машина. Я едва не врезался ей в задний бампер. Тяжелая машина рванулась вперед и, скрежеща на поворотах, устремилась в погоню за «бьюиком».

Случилось то, чего я опасался: дорожный патруль, опознав мою машину, спешил выполнить приказ. Было слишком темно, чтобы видеть, что за рулем сидит женщина. «Фараоны» были уверены, что это я гоняю по городу.

Конечно, Ли Криди знал о намерении Кетчена уничтожить меня, если я своевременно не уберусь из Сан-Рафела. Возможно, он был сам инициатором этого плана. И отлично понимал, что на горной дороге ее ожидает только один конец. Криди избегал гласности и суда, показаний свидетелей, а для выродка-дочери – это был тоже лучший выход.

Я ничем не мог помешать готовящемуся убийству, но с упорством маньяка ехал вперед. Я слышал протяжное завывание полицейской сирены и на поворотах видел свет фар обеих машин.

Когда дорога начала круто подниматься в горы, я остановился, преследование уже не имело смысла. Я увидел, как из-за поворота выскочил «бьюик», преследуемый по пятам

полицейской машиной, – их разделяло не больше двадцати ярдов. Марго мчалась по серпантину с неистовой скоростью, каждую секунду рискуя сорваться вниз, и вскоре все было кончено – длинные белые лучи передних фар, подобно щупальцам гигантского насекомого, устремились в чернеющую бездну. На какое-то мгновение мне показалось, что машина продолжает мчаться по воздуху в горизонтальной плоскости. Я услышал душераздирающий вопль Марго, и автомобиль, перевернувшись крышей вниз, полетел в пропасть...

Я медленно поехал в Сан-Рафел.

– Фрэнк, старина, – позвонил я из первого автомата Хеп-плу, – я жив, но смертельно устал. У вас есть дома виски? Нам надо поговорить...